

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

И. А. ГОЛОВАНОВ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XI – XVII вв.

Учебно-методическое пособие

Челябинск, 2024

ББК 82.0

Г 61

Рецензенты:

Маркова Т.Н., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и методики обучения литературе ЮУрГГПУ;
Голованова Е.И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания ЧелГУ.

Голованов И.А.

Г61 История русской литературы XI–XVII вв.: учебно-методическое пособие. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. – 138 с.
ISBN 978-5-7271-2018-7

Учебно-методическое пособие включает программу дисциплины, теоретический материал и планы практических занятий по курсу «История русской литературы XI–XVII вв.», а также задания для самостоятельной работы студентов, тематику сообщений и реферативных работ по древнерусской литературе, вопросы для экзамена, список литературных памятников Древней Руси, обязательных для чтения, и список литературы научно-критического и справочного характера.

ББК 82.0

ISBN 978-5-7271-2018-7

© Голованов И.А., 2024

© ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2024

© ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Программа курса	6
Пояснительная записка	6
Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины	7
Содержание дисциплины	11
Курс лекций	20
Рабочая программа	96
Тематический план дисциплины	96
Примерные планы лекций	97
Планы практических занятий	99
Вопросы к экзамену	120
Темы курсовых работ, рефератов и медиапрезентаций	124
Литература	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс истории древнерусской литературы является первым в системе историко-литературных курсов. Изучение художественного наследия Древней Руси имеет основополагающее значение для подготовки специалистов-словесников, поскольку именно на древнейшем этапе литературного творчества сформировались национальные особенности образного познания жизни, система нравственных и духовных ценностей всей русской литературы. Многие проблемы русской классической литературы и литературы новейшего времени невозможно плодотворно решать без опоры на историю древней русской словесности. Курс истории древнерусской литературы призван заложить основы филологических знаний, выработать вдумчивое отношение к произведению искусства слова, способствовать формированию научного мировоззрения, нравственного и эстетического чувств.

В итоге изучения курса истории древнерусской литературы студенты должны хорошо знать содержание и литературные особенности наиболее значительных произведений литературы Древней Руси, уметь читать их в оригинале, овладеть навыками целостного историко-литературного их анализа, иметь представление о специфике и закономерностях развития древнерусской литературы в целом и в отдельные периоды.

Содержание курса истории древнерусской литературы усваивается студентами в процессе лекций, практических занятий и в ходе самостоятельного изучения литературных памятников русского средневековья, учебников, учебных пособий, дополнительной литературы научно-критического характера. Практические занятия предполагают вдумчивую работу с текстами древнерусских произведений, но также направлены на изучение общих закономерностей литературного процесса русского средневековья в его связях с историей искусства и религиозно-философских учений, устным народным поэтическим творчеством, европейским культурным наследием.

Практические занятия по истории литературы Древней Руси преследуют следующие цели:

- расширение и конкретизация фактического материала, с которым студенты знакомятся на лекциях и по учебникам;
- отработка приемов чтения и перевода средневекового текста;
- овладение основными приемами филологического прочтения древнерусского художественного текста (выявление его источников, установление параллелей, реминисценций, «общих мест», символов, подтекста и т.д.);
- выработка навыков профессионального литературоведческого анализа отдельного произведения в его идейно-художественном единстве, во всей совокупности элементов содержания и формы, а также сравнительного анализа текстов одного жанра и произведений разных жанров, разного времени;

- систематизация и обобщение знаний, полученных при анализе отдельных памятников и жанров древнерусской литературы, формирование умения делать обзор литературы отдельных исторических периодов.

Тематика практических занятий предполагает изучение узловых проблем курса – эволюции и особенностей жанровой системы, специфики стилей древнерусской литературы, интерпретации идейного содержания и анализа художественных особенностей отдельных памятников с учетом культурно-исторических условий их создания, а также текстологические проблемы.

Наиболее значительные произведения древнерусской литературы изучаются в плане литературно-исторической типологии. Предполагается также комментированное чтение произведений с последующим их проблемным анализом, а также проведение параллелей с каким-либо позднейшим произведением или автором, что должно сформировать у студентов видение историко-литературной перспективы. Выход в ходе практических занятий на вопросы курсов теории литературы, истории русской литературы, устного народного поэтического творчества на практике осуществляет принцип межпредметной соотнесенности в процессе обучения.

К каждому практическому занятию предлагается выполнить ряд заданий, которые призваны включить студента в процесс освоения научных знаний, выработать у него творческий характер мышления. Задания предполагают самостоятельную работу студента со словарями, справочниками, монографиями, работами теоретического характера, а также систематизацию его самостоятельных наблюдений при чтении древнерусских памятников. Отдельным студентам или группам из 2–4 человек может быть поручена подготовка небольших устных реферативных сообщений по вопросам, требующим освещения ряда исследовательских работ или носящим дискуссионный характер. С подготовки сообщений собственно и начинается путь студента в специализацию по истории древнерусской литературы. После каждого сообщения предполагается его обсуждение всеми участниками практического занятия.

План каждого практического занятия включает список полных изданий изучаемых текстов. Студентам рекомендуется пользоваться прежде всего теми изданиями памятников древнерусской литературы, которые содержат их научный перевод и комментарий (серия «Литературные памятники Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси»).

ПРОГРАММА КУРСА

Пояснительная записка

Программа курса «История русской литературы XI–XVII вв.» соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки бакалавриата 44.03.05 «Педагогическое образование».

Цель учебной дисциплины – формирование компетентного специалиста-филолога, обладающего необходимым комплексом историко-культурных знаний, умений, навыков в области русской литературы XI–XVII веков.

Задачи учебной дисциплины:

- воспитание общей культуры и укрепление национального самосознания путем приобщения к русской литературе и древнерусской литературе как ее важнейшей составляющей;

- формирование теоретических представлений об основных историко-литературных закономерностях эволюции русской литературы XI–XVII веков, выявить национальное своеобразие данной литературы, раскрыть ее идейное и художественное богатство;

- изучение основных жанров русского фольклора, специфики их функциональности, поэтической системы, содержания, знакомство с их происхождением, особенностями бытования, эволюцией, современным состоянием;

- овладение методами и приемами филологического анализа и интерпретации литературных текстов и явлений.

Место дисциплины в основной образовательной программе. Курс «История древней русской литературы» входит в цикл общепрофессиональных дисциплин учебного плана бакалавров и читается во втором семестре. Дисциплина непосредственно связана с изучаемыми в том же семестре курсами. Курс органично предваряет последующие историко-литературные дисциплины. В рамках дисциплины осуществляются межпредметные связи с теорией литературы, историей, этнологией, культурологией, диалектологией и историей искусства.

Требования к первоначальному уровню подготовки обучающегося. Студент, приступающий к изучению дисциплины, должен иметь первоначальное представление о древней русской литературе, полученное из курса русской литературы средней общеобразовательной школы или образовательных учреждений среднего профессионального образования (для выпускников таких учреждений). Необходимым фоном обучения является также хорошее знание истории литературы и отечественной истории.

Требования к уровню освоения дисциплины.

Студент, завершивший изучение дисциплины, должен:

- знать тексты литературных произведений, рекомендованных для обязательного чтения, уметь отвечать на вопросы по их содержанию, цитировать их;

- иметь теоретические представления о закономерностях эволюции древней русской литературе, о ее жанровой системе;

- знать основные положения рекомендованной основной учебной, учебно-методической и (выборочно) дополнительной научной литературы по дисциплине;

- владеть навыками самостоятельного филологического анализа литературных текстов, применяя усвоенные теоретические знания на практике и используя понятийно-терминологический аппарат дисциплины;

- уметь самостоятельно выявлять межпредметные связи изучаемых произведений в рамках гуманитарной области знания, в том числе историко-бытовой контекст их бытования;

- уметь демонстрировать приобретенные знания, умения, навыки в ходе устной (в том числе публичной) и письменной коммуникации, в том числе используя при этом информационные технологии;

- применять полученные знания в научно-исследовательской работе в области литературоведения, в дальнейшей профессиональной педагогической и культурно-просветительской деятельности.

Для будущего учителя литературы важность данного курса определяется двумя причинами:

во-первых, произведения древней русской литературы включены в программу по литературе средней школы;

во-вторых, преподавание русской литературы в современных условиях не может вестись вне контекста древней русской культуры, без учета взаимных влияний и традиций.

Данная программа составлена в соответствии с действующим Государственным стандартом.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Основная литература:

Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997.

Гудзий Н.К. История древней русской литературы / Н.К. Гудзий. – М., 2002.

История русской литературы X–XVII веков / под ред. Д.С. Лихачева. – М., 1980.

Кусков В.В. История древнерусской литературы: учебник. – М.: Высшая школа, 2006.

Памятники литературы Древней Руси: в 12 вып. – М., 1976–1994.

Самосюк Г.Ф., Горбунова Л.Г., Горбатов М.А. История древнерусской литературы: адаптированный курс. – Саратов, 2011.

Сперанский М. Н. История древней русской литературы. – СПб., 2002.

Литература Древней Руси: хрестоматия / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.А. Дмитриев; под ред. Д.С. Лихачева. – СПб., 1997.

Слово Древней Руси / сост., вступ. ст. О. Гладковой. – М., 2000.

Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. / сост. Н.К. Гудзий. – М., 2002.

Обязательные для изучения тексты:

Сказание об Евстафии Плакиде*

Сказание, како сотвори Бог Адама; Хождение Богородицы по мукам (*по выбору*)

Повесть о Варлааме и Иоасафе*

Александрия*

Девгениево деяние*

Повесть временных лет

«Слово о Законе и Благодати» Илариона

Сказание о Борисе и Глебе

«Житие Феодосия Печерского» преп. Нестора Летописца

Хождение игумена Даниила

«Поучение» Владимира Мономаха

«Слова» Кирилла Туровского (*два по выбору, например: «Повесть о белоризце человеке и о монашестве», «Притча о человеческой душе и теле...» («Слово о слепце и хромце»))*)

Слово о полку Игореве

«Моление» Даниила Заточника

Киево-Печерский патерик*

Слово о погибели Русской земли

Житие Александра Невского

Повесть о разорении Рязани Батыем

«Поучения» Серапиона Владимирского*

Повесть об убиении в Орде Михаила Черниговского и боярина его Феодора

Повесть о тверском восстании 1327 года

Галицко-Волынская летопись*

Задонщина
Сказание о Мамаевом побоище
«Житие Стефана Пермского», «Житие Сергия Радонежского» Епифания
Премудрого (*одно по выбору*)
Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим
Повесть о новгородском белом клубуке
Повесть о новгородском посаднике Щиле
Сказание о князьях Владимирских*
Повесть о взятии Царьграда турками Нестора-Искандера.
Повесть о мутьянском воеводе Дракуле
«Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма
Домострой*
«Сказание о Магмете-салтане» Ивана Пересветова
Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского*
Казанская история*
Сказание Авраамия Палицына*
Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков
«Житие Юлиании Лазоревской» Дружины Осорьина
Басни Эзопа*
Повесть о Горе-Злочастии
Повесть о Савве Грудцыне
Повесть о Фроле Скобееве
Повесть о Карпе Сутулове и премудрой жене его
Повесть о Шемякином суде
Повесть о Ерше Ершовиче
Калязинская челобитная
Повесть о некоем человеке бражнике
Служба кабаку
Сказание о Куре и Лисице
Азбука о голом и небогатом человеке
«Житие» протопопа Аввакума
«Вирши» Симеона Полоцкого
«Комедия притча о Блудном сыне» Симеона Полоцкого
«Вирши» Кариона Истомина*
Эпитафия Сильвестра Медведева на смерть Симеона Полоцкого
Артаксерксово действо; Иудифь (*одну пьесу по выбору*)
Интермедии*

Изучение произведений, помеченных знаком (*), допускается в объеме хрестоматии.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Общие

<http://www.humanities.edu.ru>

Портал «Гуманитарное образование»

<http://www.edu.ru>

Федеральный портал «Российское образование»

<http://schoolcollection.edu.ru>

Федеральное хранилище «Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов»

<http://window.edu.ru>

Единое окно образовательных ресурсов

<http://www.prosy.ru>

Сайт издательства «Просвещение»

<http://dic.academic.ru>

Словари и энциклопедии

<http://studentam.net>

Электронная библиотека учебников

Интернет-ресурсы по литературе

<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070>

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН

<http://feb-web.ru/>

Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/biblioteka-literatury/index.htm>

или: https://vk.com/wall-56611080_120751

Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997.

https://vk.com/wall-23433303_13817

Памятники литературы Древней Руси: в 12 вып. – М., 1976–1994.

СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Модуль 1

Древнерусская литература – начальный этап развития русской литературы. Хронологические и географические границы древнерусской литературы. Ее объем и специфические особенности: рукописный характер, «анонимность», взаимосвязь с фольклором, деловой и церковной письменностью. Центральные темы древнерусской литературы: патриотизм, государственное строительство, народное единство и героизм. Характер историзма литературы данного периода, ее публицистичность. Художественный метод древнерусской литературы, система жанров, тесная связь жанров и стилей.

Познавательное, воспитательное и эстетическое значение древнерусской литературы. Ее роль в развитии литературного языка. Взаимодействие древнерусского и старославянского языков. Литература и письменность. Понятие «литературный памятник». Рукопись и печатная книга. Списки, редакции, изводы. Критика текста: научное установление родства списков и первоначального текста памятника. Эволюция писчего материала и письма. Древнерусские почерки и орнаментика рукописей. Определение по этим данным места и времени написания списка. Проблема авторства и хронологического приурочивания памятника. Литературные центры Древней Руси.

Краткие сведения по источниковедению древнерусской литературы. Значение трудов Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, А.Н. Пыпина, Н.С. Тихонравова. Достижения литературоведческой науки в исследовании древнерусской литературы. Курс лекций А.С. Орлова, учебник Н.К. Гудзия, работы И.П. Еремина. В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева. Задачи дальнейшего изучения и проблема периодизации древнерусской литературы.

Модуль 2

Возникновение древнерусской литературы. Место и роль фольклора в формировании литературы. Вопрос о начале письменности у восточных славян. Политическое и культурное значение принятия христианства Киевской Русью. Культурные и литературные связи Руси с Византией, южными и западными славянами, со странами Западной Европы и Востока.

Древнехристианская книжность на Руси. Библейские канонические книги и апокрифы. Содержание и форма апокрифов. Связь апокрифов с фольклором. Отражение в них социальных противоречий. Элементы «реалистичности».

Идеологические, тематические и стилистические особенности переводных житий и житийных сборников («Четьи Минеи», «Прологи», «Патерики»),

Исторические хроники Иоанна Малалы. Георгия Амартола. «Естественнонаучные» сочинения: «Шестоднев», «Физиолог», «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Пчела».

Отбор и характер перевода иноязычных памятников, их значение для развития древнерусской литературы.

Модуль 3

Основные темы и жанры оригинальной русской литературы XI–XII вв. Рост мастерства авторов и своеобразие текстов. Роль Киево-Печерского монастыря в развитии письменности и литературы.

«Повесть временных лет» как литературный памятник, ее состав, редакции и источники. Возникновение летописных сводов на основе устных народных эпических сказаний, исторических преданий, погодных записей, местных летописей и юридических документов. Редакторские приемы составителей летописных сводов. Гипотезы А.А. Шахматова, В.М. Истрина, Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова. Характер мирозерцания летописцев: защита идей единства Русской земли в борьбе со степными кочевниками, политической и религиозной ее независимости от Византии, осуждение княжеских междоусобиц. Отражение в летописи общественных интересов и противоречий эпохи.

«Повесть временных лет» и фольклор: отзвуки в летописи обрядовой поэзии, топонимических преданий, связанных с могильниками, дружинной поэзией, народным эпосом, сказками, пословицами, поговорками-загадками. «Повесть временных лет» как жанр-«ансамбль». Историческая повесть и сказание в летописи («Повесть об ослеплении Василька Теробовльского»). Приемы изображения исторических событий, «воинский» стиль летописи. Элементы агиографического жанра и стиля в летописи. Язык и стиль «Повести временных лет». Значение «Повести временных лет» для последующего развития русского летописания и литературы.

Ораторская проза XI–XII вв. «Слово о Законе и Благодати» Илариона – выдающийся памятник красноречия XI в. Публицистическая направленность «Слова»: утверждение идеи равноправия всех христианских народов, величия Руси, ее государственной и религиозной самостоятельности, независимости от Византии.

Модуль 4

Композиция и стиль «Слова о законе и благодати»: олицетворения, параллелизмы, сравнения, ритмическая организация речи.

Торжественные «слова» Кирилла Туровского (вторая половина XII в.). «Слово на новую неделю по пасхе». Лирико-драматический характер «слов» Кирилла Туровского, элементы символического пейзажа.

«Поучение» Владимира Мономаха. Образ выдающегося государственного деятеля Древней Руси. Идеал князя-воина и правителя в «Поучении». Элементы автобиографии. Соотношение церковных и светских элементов в языке и стиле «Поучения».

Житийная литература. Своеобразие начального этапа формирования оригинальной агиографии. Анонимное «Сказание о Борисе и Глебе», Основная публицистическая тенденция «Сказания» – осуждение княжеских братоубийственных распрей и защита родового старшинства в системе княжеского наследования. Черты сходства и отличия «Сказания» от канонических житий. Элементы исторической повести в «Сказании», Приемы изображения положительных и отрицательных героев. Стиль «Сказания». «Чтение о житии и о погублении Бориса и Глеба», написанное Нестором. Жанровые и стилистические особенности «Чтения». «Житие Феодосия Печерского», созданное Нестором. Особенности композиции, приемы изображения центрального героя.

Киево-Печерский патерик. История создания патерика, его основные редакции- Идейная направленность патерика, отражение монастырского быта и характера взаимоотношений монастыря с князьями. Пушкин о патериковых рассказах. Их литературное значение.

«Хождение» как литературный жанр. «Хождение игумена Даниила в «святую землю». Широта интересов Даниила. Чувство родины в «Хождении». Легендарные апокрифические элементы «Хождения».

«Слово о полку Игореве». История его открытия, опубликования и изучения. Споры о подлинности «Слова». Ведущие представители скептического направления. Достижения современной науки в его изучении. Историческая основа памятника и хронологическое его приурочивание. «Слово» и летописные повести о походе Игоря на половцев. Идея «Слова» – единение русских князей для защиты Руси от вражеских нападений. Сюжет и композиция- Место и роль исторических, публицистических и лирических отступлений в раскрытии основной идеи «Слова». Образная система памятника: изображение князей, природы, образ Русской земли, образ Бояна. Жанровое своеобразие и стиль «Слова», его связь с жанром и стилем ораторской прозы, воинской повести и народной эпической песни. Проблема автора «Слова».

Типологические связи «Слова о полку Игореве» со средневековым эпосом других народов («Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Витязь в барсовой шкуре»). Идеино-художественное своеобразие «Слова», его мировое значение.

Переводные воинские повести: «Александрия» и «Девгениево деяние». Проблема положительного героя в этих повестях и характер его изображения.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Идеино-художественные особенности переводных дидактических повестей об Акире Премудром и Варлааме и Иоасафе.

Модуль 5

Возникновение новых политических и культурных центров во Владимире-Суздальском, Галицко-Волынском княжествах, Новгородской земле; их связь с традициями Киева. Начало формирования великорусской, украинской и белорусской народностей. Значение этого процесса для становления и развития национальных культур, в частности литературы.

«Моление Даниила Заточника». Две редакции памятника и проблема их соотношения. Обличительный пафос «Моления, его антибоярская, антиклерикальная направленность. Элементы сатиры в «Молении». Апология князя и сильной княжеской власти. Новые критерии в определении общественной ценности человека. Особенности стиля «Моления», его книжные и устно-поэтические традиции. Вопрос о социальной принадлежности автора «Моления». Белинский о «Молении».

Галицко-Волынская летопись. Жизнеописание Даниила Романовича Галицкого. Галицкая летопись и «Слово о полку Игореве», особенности ее поэтического стиля.

Понести и татарском нашествии. Тема общенародного единства и героизма, к Повесть о битве на реке Калке» (1223). Фольклорные мотивы «Повести». «Повесть о разорении Батыем Рязани» (1237). Апофеоз мужества и героизма русского народа в борьбе с поработителями. Изображение князей и княжеской дружины. Эпический характер образа Евпатия Коловрата. Композиция и стиль «Повести».

«Поучения» Серапиона Владимирского, отражение и оценка в них событий, связанных с татарским нашествием. Художественное своеобразие «Поучений» Серапиона Владимирского.

Отражение событий татарского нашествия в агиографической литературе («Житие Меркурия Смоленского», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и боярина Федора»).

Модуль 6

Борьба Северной Руси со шведскими феодалами и ливонскими рыцарями. «Слово о погибели Русской земли», Гражданский и патриотический пафос «Слова» и поэтические формы его выражения. «Житие Александра Невского», Образ Александра Невского как воина-героя и государственного деятеля. Элементы стиля воинской повести и жития в данном памятнике. Переводная повествовательная литература XII–XIV вв. «Сказание об Индийском царстве».

Московская литература XIV–XV вв. Возвышение Москвы в XIV в. Отражение в литературных памятниках роли Москвы как политического центра, объединяющего русские земли. Историческое значение Куликовской битвы 1380 г. и ее изображение в литературе. Летописные повести о Куликовской битве, «Сказание о Мамаевом побоище», их источники и стиль.

Поэтическая повесть о Куликовской битве – «Задонщина». Прославление победы, одержанной над полчищами Мамаю. В результате единения всех русских земель вокруг Москвы. Соотношение «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». Сходство и различие обоих памятников. Художественное своеобразие стиля «Задонщины». связь с устной народной поэзией. Развитие жанра исторической повести в московской литературе конца XIV – начала XV в. «Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша» и «Повесть о Темир-Аксаке».

Подъем национального самосознания в конце XIV – начале XV в. Усиление культурных связей Руси с южнославянскими странами. Идея Киевского наследства. Риторико-панегирический стиль русской агиографии. Изменение жанровой, композиционной и образной структуры жития. «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского», его политическая направленность и стилистическое своеобразие.

Творчество Епифания Премудрого. «Житие Стефана Пермского». Прославление просветителя-миссионера коми-пермяцкого населения Урала. Принципы изображения человека в «Житии». Его композиционная структура и особенности стиля. «Житие Сергия Радонежского». Троице-Сергиев монастырь в истории древнерусской культуры.

Общая характеристика творчества Пахомия Логофета-агиографа, представителя византийско-славянского панегирического стиля. «Исхождение» на Ферраро-Флорентийский собор. Описание городов Западной Европы.

Модуль 7

Исторические предпосылки возникновения теории «Москва - третий Рим», ее формирование и отражение в памятниках письменности второй половины XV в. «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера. Основные идеи «Повести» и художественные средства их выражения.

Характер изображения царя Константина и султана Магомета. Картины боя и средства их изображения. Истокование «Повести» московскими идеологами.

Повести о Вавилонском царстве. «Сказание о князьях Владимирских». Решение вопроса о происхождении знаков царского достоинства в данных повестях. Политическое и художественное значение повестей.

Проблема пределов и границ царской власти в «Повести о Мутьянском воеводе Дракуле» и «Повести об Иверской царице Динаре». Соотношение исторического факта и художественного вымысла. Принципы изображения центральных героев.

Борьба церковных и антицерковных группировок во второй половине XV в. – «иосифляне» и «заволжские старцы». Ересь «жидовствующих», ее социальное, рационалистическое содержание.

Новгородская литература XV в. Защита прав Новгорода на политическую и церковную самостоятельность. Новгородское летописание и показ в нем политической и общественной жизни феодальной городской республики, общерусские тенденции. Ересь «стригольников». Отражение борьбы против этой ереси в «Повести о новгородском посаднике Шиле». Антиноевская тенденция в «Сказании о чуде от знамения от иконы Богородицы». Культ архиепископа Иоанна в Новгороде и значение этого культа. «Повесть о путешествии архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим». Изображение в «Повести» быта высшего новгородского духовенства. Фольклорные мотивы «Повести». Сказание о конце Новгорода, «Повесть о новгородском белом клобуке». Идея преемственности церковной власти от Рима к Новгороду.

Псковская литература. Характер псковских летописей. «Повесть о Псковском взятии». Критическое изображение великого князя Московского и его наместников. Образ «пресветлого града Пскова». Лиризм и драматизм «Повести».

Тверская литература. Летописание и исторические повести. «Слово похвальное» инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу. Критерии оценки деятельности тверского князя. «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Описание Индии, личность путешественника. Патриотизм Афанасия Никитина, общерусский характер его произведения. Особенности языка и стиля «Хождения».

Модуль 8

Расцвет публицистики в связи с острой политической борьбой служилого дворянства и родовитой боярской знати. Сочинения митрополита Даниила и Максима Грека. Различие их литературных и идейных позиций. Публицистические сочинения Ивана Пересветова: «Челобитная», «Сказание о царе Константине и Магмет-салтане». Политический идеал Пересветова. Антибоярская направленность его сочинений. Проблема общественных преобразований, необходимых для укрепления централизованной власти. Стиль публицистических памфлетов Пересветова. Письма Андрея Курбского к Ивану Грозному; выражение в них идеологии опального боярства. Стиль писем Курбского. Разоблачение Курбским тирании Ивана Грозного в «Истории о великом князе Московском».

Иван Грозный как писатель. Его письма к Курбскому и послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Автобиографические элементы в письмах Грозного, ирония и сарказм, способы их выражения. Элементы просторечия а стиле посланий Грозного. Начало книгопечатания в Москве.

Обобщающие литературные работы второй половины XVI в. «Великие Четыи Минеи» митрополита Макария – свод памятников древнерусской литературы- Литературные элементы «Домостроя»: повествовательные, бытовые эпизоды, просторечие.

«Повесть о Петре и Февронии». История создания повести, ее жанровое своеобразие, общественные тенденции. Фольклоризм. Приемы изображения центральных героев. Прославление красоты и силы женской любви. Элементы агиографического стиля в «Повести», Разрушение житийного канона.

Объединительные тенденции в Московском летописании. Воскресенская летопись. Никоновский, летописный свод и его «лицевая» редакция – «Степенная книга» и ее политическое значение. Сочетание в ней публицистических, исторических и агиографических элементов.

«Казанский летописец», его историко-публицистическая концепция, своеобразие стиля, связь с фольклором. Исторические песни о взятии Казани и об Иване Грозном.

«Сказание о киевских богатырях», его связь с господствующей тенденцией эпохи – возвеличивание московского царства. Фольклорная насыщенность памятника. Повести о Сухане.

Модуль 9

Литература периода Смуты и борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией. Отражение в этой литературе социальных противоречий эпохи. Тема патриотизма. Использование грамот, посланий, «подметных писем».

«Повесть 1606 года» и «Иное сказание». Отражение в данных произведениях боярской идеологии. Народная оценка событий в песнях о Ксении Годуновой и Гришке-расстрижке, «Новая повесть о преславном Российском царстве», повести о Скотте-Шуйском, «Плач о конечном пленении и разорении Московского государства». «Сказание» Авраамия Палицына. Описание героической обороны Троице-Сергиевой лавры. «Летописная книга» С.И. Шаховского, приписываемая И.М. Катыреву-Ростовскому. Народ в изображении Авраамия Палицына и С.И. Шаховского. Новые принципы изображения характеров исторических деятелей. Обновление форм исторического повествования. Использование элементов виршей. Начало процесса «обмирщения» и демократизации литературы. Изменения традиционных жанровых форм жития, усиление бытовых повествовательных элементов. «Житие Юлиании Лазаревской». Изображение в нем жизни и быта дворянской усадьбы конца XVI — начала XVII в. Приемы раскрытия характера героини. Стиль «Жития». Сказание об Унженском кресте.

Историческая повесть первой половины XVII в. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Демократизация жанра исторической повести, ее связь с устной народной поэзией и отношение к книжной традиции:

Новый герой повести. Совмещение в повести патриотического отношения к Русскому государству с оппозицией к московским боярам и дворянам. Эволюция жанра исторической повести во второй половине XVII в. Повести о начале Москвы.

Значительное усиление светских элементов в литературе второй половины XVII в. в связи с активизацией поместного дворянства, посадских людей и крестьянства. Борьба старого и нового во всех сферах общественной и культурной жизни. Усиление экономических и культурных связей России с Западной Европой. Роль Украины и Белоруссии в развитии русского литературного процесса. Деятельность в Москве украинских и белорусских писателей, книги украинских и белорусских типографий в Москве. Развитие школьного образования.

Появление новых жанров в русской литературе: бытовой повести, сатиры, виршевой поэзии, «комедии». Зарождение литературного направления барокко. Различные точки зрения в литературоведении на проблемы барокко а. русской литературе XVII в. Переходный характер литературы XVII в. от древнерусского периода к литературе XVIII в.

Бытовая повесть второй половины XVII в. «Повесть о Горе-Злочиствии». Отражение в ней основного конфликта эпохи. Появление вымышленного героя-Характер художественного обобщения в «Повести». Связь «Повести» с устным народным творчеством. Книжные элементы в ней.

«Повесть о Савве Грудцыне». Широта охвата действительности. Приемы раскрытия характера центрального героя. Роль и место любовной интриги в сюжете «Повести». Исторические и бытовые элементы в ней; демонологические мотивы. Соотношение градации и новизны в идейном содержании «Повести», ее жанре и стиле.

«Повесть о Карпе Сутулове». Образ купеческой жены Татьяны. Особенности жанра «Повести».

Демократическая сатира второй половины XVII в. Исторические причины возникновения самостоятельных сатирических жанров в русской литературе. Обличение несправедливости и взяточничества судей и судебной волокиты а повестях о Шемякиной суде и Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. Обличение социального неравенства и протест против власти богатых в «Азбуке о голом и небогатом человеке». Антиклерикальная сатира: «Калязинская челобитная», «Притча о бражнике», «Повесть о Куре и Лисице», «Повесть о попе Савве». Обличение пьянства – «Праздник кабацких ярыжек». Приемы и средства сатиры. Использование пародийных форм и форм аллегорической сатиры. Роль демократической сатиры в развитии реалистического стиля.

Переводная литература XVII в. Изменение ее характера. Сборники назидательных повестей «Великое зеркало» и «Римские деяния». Анекдотические и шуточные повести «Апофегматы», «Фацеции». Переводной

рыцарский роман на Руси; повести о Бове Королевиче, о Василии Златовласом, о Петре из Златых ключей».

Сказочная «Повесть о Еруслане Лазаревиче» – обработка восточного сюжета в казачьей среде.

Раскол в русской церкви, его социальная сущность и значение. Старообрядческая литература XVII в. Протопоп Аввакум и его сочинения. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Отражение в нем социальных явлений эпохи. Личность Аввакума и противоречия его мировоззрения. Литературные приемы «Жития» на фоне традиционной житийной литературы: внесение бытовых представлений и образов в традиционные библейские и агиографические сюжеты; сатира и юмор.

Модуль 10

«Житие» Аввакума как образец раннего автобиографического жанра. Эстетическая позиция Аввакума в современных ему спорах об иконописании. Новаторство Аввакума в области языка и стиля. Элементы «реализма» в сочинениях Аввакума.

Стихотворство второй половины XVII в. Причины возникновения стихотворства, его истоки. Досиллабические вирши.

Появление силлабической поэзии. Творчество Симеона Полоцкого. Элементы барокко в виршевой поэзии Симеона Полоцкого. Просветительский характер его поэзии. Своеобразие панегирических виршей Симеона Полоцкого; сатиры «Купецтво» и «Монах», Творчество учеников и последователей Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева и Кариона Истомина.

Зарождение придворного театра и его репертуар. «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого как образец школьной драмы конца XVII в. Злободневность проблематики «комедии» и художественные приемы ее раскрытия. Интермедии и их отношение к школьной драме. Элементы «реализма» в интермедиях.

Зарождение классицистического стиля в виршевой поэзии и драматической литературе конца XVII в.

Традиции древнерусской литературы в последующем развитии русской литературы. Использование образов и сюжетов древнерусской литературы писателями XVIII, XIX и XX вв. Обще культурное, воспитательное и художественное значение древнерусской литературы.

КУРС ЛЕКЦИЙ

ЛЕКЦИЯ 1

Русская литература – одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X века. Семьсот лет этой литературы принадлежит периоду, который принято называть древней русской литературой.

Литература возникла одновременно с появлением на Руси государства, христианства и церкви, востребовавших письменность и церковную литературу. После крещения в 988 году в страну была перенесена богатая старославянская книжность. Старославянский и древнерусский языки были настолько близки, что Русь смогла использовать уже готовый старославянский алфавит-кириллицу. Кириллица была создана братьями Кириллом и Мефодием, болгарскими просветителями. Этот алфавит принят в современном русском языке. Создание письменности явилось одним из условий, необходимых для возникновения древнерусской литературы. Огромный корпус переводных и оригинальных памятников включал в себя библейские и богослужебные книги, патристику и церковно-учительную литературу, догматико-полемические и юридические сочинения и т.д.

Древнерусская литература близка к фольклору, который в полной мере был «почвой и арсеналом», лабораторией и полноводным источником искусства Древней Руси. Как и в фольклоре, в древнерусской литературе авторское начало было приглушено. По образному выражению Д.С. Лихачева, это был хор, «в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон». Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность.

Русь в течение короткого срока обрела богатую литературу при помощи трансплантации византийской литературы и при посредничестве болгарской литературы – «литературы-посредницы». Переводные произведения не только обогащали русских книжников историческими и естественнонаучными сведениями, знакомили их с сюжетами античных мифов и эпическими преданиями, они представляли собой в то же время и разные типы сюжетов, мыслей, манер повествования, являясь своеобразной литературной школой для древнерусских книжников, все это способствовало развитию оригинальной русской литературы. Древнейшей книгой Руси из числа сохранившихся является Новгородский кодекс (не позднее первой четверти XI в.) – триптих из трех навощенных дощечек, найденный в 2000 г. во время работ Новгородской археологической экспедиции, что, безусловно, доказывает возникновение и развитие русской литературы двумя одновременными и однонаправленными потоками: переводным и оригинальным.

Литература Древней Руси поражает своей монументальностью и величиим целого. Она имеет право на заметное место в истории мировой культуры и на высокую оценку своих эстетических достоинств.

Зарождение древнерусской литературы

Задолго до возникновения книжности на Руси, восточные славяне обладали развитой устной поэзией в разнообразных ее видах и жанрах. Непосредственных данных, характеризующих эту поэзию, мы не имеем. До нас дошли косвенные данные, извлекаемые из письменных памятников, из летописей и «Слова о полку Игореве». Здесь мы находим пословицы, поговорки, загадки, исторические предания и легенды, следы заговоров и заклинаний, отзвуки эпических песен, сказочных мотивов, похоронных плачей, мифологических верований. Рост самосознания в эпоху формирования Древнерусского государства вызвал к жизни самое драгоценное достояние русского фольклора – былевой эпос, отразивший исторические события эпохи, героическую борьбу русского народа с его внешними врагами, а также отдельные эпизоды из жизни киевских князей и их дружины. Нет сомнения, что былины существовали уже в X веке, так как, как указывает Л.Н. Майков, «народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию, или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ». Зарождение былевого эпоса тесно связано с обрядовой песней, с древней колядкой, народной сказкой. В былинах выступают защитники народных интересов – богатыри, стойкие и бескорыстные защитники Русской земли, ее границ от вражеских нападений. Былины создавались на всем пространстве обширного Древнерусского государства, но преимущественно в Киеве, Новгороде и Галицко-Волынском княжестве.

Таков был объем и характер русского фольклора в период зарождения и создания в Древней Руси ранних древнерусских литературных памятников. Русский фольклор, особенно былины с его языковыми и стилистическими особенностями, идейным содержанием благотворно воздействовал на древнюю русскую литературу. Содержание и стиль письменных памятников, в свою очередь, оказывали влияние на устное творчество, т.е. фольклор и письменное творчество находились в состоянии органического взаимодействия и взаимопроникновения. При этом, и книжное и устное народное творчество пользовались одинаково средствами живого, достигшего большого развития языка и сходно отражали историческую действительность.

В течение многих столетий устное народное творчество было единственной формой словесного искусства русских славян. Наиболее древние из дошедших до нас произведений русской письменности, имеющие литературное значение, относятся к концу X и началу XI века. С этого же времени и начинается история древней русской литературы.

Изучая древнюю русскую литературу, мы входим в мир иных, средневековых представлений о литературе, об авторстве, знакомимся с произведениями, созданными в своем большинстве неизвестными писателями и перерабатывавшимися неизвестными читателями, с произведениями, распространявшимися многие столетия путем переписки от руки и не имевшими устойчивого текста, возникавшими по конкретному поводу, но читавшимися в самых разнообразных исторических обстоятельствах.

В деле изучения литературного наследия древней русской литературе принадлежит значительное место, которое определяется прежде всего тем, что она была начальным этапом в развитии великой русской литературы, имеющей мировое значение. Древнерусскую литературу характеризуют высокая идейность, ее живая связь с насущными вопросами общественной жизни. Древнерусская литература по своей направленности была в основном публицистична и злободневна, так как принимала непосредственное участие в идейной и политической борьбе своего времени.

Русская литература возникла не сразу. Специфика литературы как художественного творчества определилась постепенно, в течение ряда столетий. Русская литература возникла отнюдь не в результате переноса к нам произведений византийской и болгарской литератур, не по причинам механическим и случайным, не только как результат появления на Руси христианской образованности и не как простое продолжение переводной литературы. Она родилась из внутренних потребностей развития феодального общества Древней Руси. Появление ее было подготовлено развитием русского языка, развитием устного творчества, оно нашло себе «техническую» базу в создании русской письменности и было облегчено культурным общением с другими странами и в первую очередь с Византией и Болгарией. Культурное общение с другими странами лишь дополнило и расширило этот процесс развития, играя в нем существенную, но не основную роль.

Периодизация древнерусской литературы

Процесс развития русской литературы X-XVII вв. совершался в очень своеобразных условиях: он охватывал всю письменность в целом и близко следовал за развитием исторических событий. Поэтому периодизация истории древней русской литературы не может строиться по литературным признакам. Эта периодизация полностью совпадает с исторической, так же как совпадает с ней и периодизация истории искусства Древней Руси. Вся русская литература от своего начала (первого произведения – «Речи философа» конца X века) и до конца XVI века, отличается чертами своеобразного средневекового историзма. Она в основном посвящена историческим темам, а ее действующие лица в той или иной степени – исторические.

С конца XVI века появляется письменность демократических слоев населения («Повесть о Ерше Ершовиче», «Новая повесть», демократическая сатира и т.д.), прямой историзм ее отходит на второй план, литература все сильнее отделяется от деловой письменности, в ней появляется безымянный герой. С начала XVII века литература в основном отделяется от деловой письменности, возникают новые жанры, вымирают некоторые традиционные жанры. Литература развивается неуклонно и постоянно, она отнюдь не является косной и застойной. Но многие из ее памятников не могут быть датированы, еще большее количество безымянно, а это крайне затрудняет исследование историко-литературного процесса.

Ряд периодов, отделенных друг от друга историческими рамками, может быть намечен в пределах первых семи веков русской литературы.

Первый период (X–XI века) – это период древнерусского, относительно единого, государства с центром в Киеве. Литература этого периода по преимуществу киевская и новгородская, она представлена значительными и разнообразными по жанру произведениями, но распространена в узком кругу феодальных верхов.

Второй период – наступает с конца первой четверти XII века, когда вступает в силу феодальное дробление и образуется множество мелких областных литератур с их местными, своеобразными чертами. После татаро-монгольского нашествия литература объединяется темами национальной борьбы с иноземными захватчиками, а затем, с конца XIV и в XV веке наступает период борьбы за национальное централизованное государство.

Третий период охватывает XVI век до 80-х годов. Его можно рассматривать как единое целое. Литература в этот период напрягает все свои силы в борьбе с остатками областничества, она очень тесно примыкает к политике, становится чрезвычайно публицистичной. Однако и в этом относительно едином периоде выделяется все же эпоха Ивана Грозного с присущими ей своеобразными чертами.

Четвертый период (конец XVI – конец XVII в.) также делится на несколько этапов: литература времени крестьянских войн и иноземной интервенции, затем гранью двух периодов выступают 40-е годы XVII века и, наконец, завершается весь ход развития древней русской литературы переходом ее к литературе новой примерно с середины 90-х годов XVII века.

В литературоведении установилась традиция выделять в развитии древней литературы три основных периода:

I. Литература древнерусского государства XI–XIII вв. или, как часто условно именуют, литература Древней Руси.

II. Литература периода феодальной раздробленности и объединения Северо-Восточной Руси (XIII – первая половина XV в.).

III. Литература периода создания Русского централизованного государства (вторая половина XV – XVII в.).

В первый период происходит зарождение, формирование и развитие литературы, которая послужила основой в развитии литератур трех братских славянских народов – русского, украинского и белорусского. В этот же период создаются основные жанры светской и церковной литератур: летопись, воинская историческая повесть, житие, дидактическая и торжественная проповедь, описание путешествий (хождения), апокрифы. Письменность проникнута патриотическим гражданским пафосом, пафосом любви к «великой русской земле», публицистическим призывом к правящим верхам сохранять ее единство («Слово о полку Игореве»), резким осуждением княжеских усобиц. Широкое использование устного народного поэтического творчества придает ряду произведений небывалый эпический размах и героическое звучание.

Во второй период развитие литературы и культуры приобретает областной характер. В XIV–XV вв. на северо-востоке Руси происходит формирование великорусской народности, и в этот период можно уже говорить о зарождении литературы великорусской народности и формировании ее отдельных черт в литературе Московского княжества, Новгородской земли, Тверского, Смоленского и Муромо-Рязанского княжеств. Нашествие татар и установление татакского ига резко затормозило дальнейшее развитие литературы и культуры. Формирование централизованного русского государства, собиравшее русские земли вокруг Москвы привело к появлению нового риторико-панегирического стиля в литературе. Для этого сугубо книжного стиля характерен интерес к внутренним переживаниям человека, стремление передать его психологическое состояние и дать психологическую мотивировку его поступков.

В третий период, в связи с созданием централизованного Русского государства, происходит процесс слияния областных культур в единую общерусскую культуру. Этот процесс завершается в середине XVI столетия. В XVII веке начинает постепенно дифференцироваться собственно художественная литература – литература формирующейся русской нации. Дифференциация художественной литературы связана с процессом так называемого обмирщения культуры и литературы, с процессом освобождения от пут церковной идеологии и дальнейшей ее демократизации. Этому способствовало усиление роли посадского торгово-ремесленного населения городов в общественно-политической жизни страны. В литературу вновь широкой волной начинает проникать устное поэтическое творчество трудовых масс.

Пробуждение чувства личности, торжество личного начала над сословным находят отражение в литературе. Интерес к личности, к частному быту вызывает появление новых жанров: бытовой и сатирической повести, стихотворчества и драматургии, приводит к отмиранию старых традиционных жанров или к их коренной трансформации (жития, исторической воинской

повести). Литература XVII столетия уже непосредственно предваряет собой литературу нового времени – литературу XVIII столетия.

Рукописный характер древнерусской литературы

Богатая и сложная литература Древней Руси имела рукописный характер, поэтому на сегодняшний день мы знаем ее далеко не полно. Такие произведения, как «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о погибели русской земли» и некоторые другие дошли до нас в единственных списках. В 1812 году сгорел и единственный список «Слова о полку Игореве». По случайным упоминаниям мы знаем также, что существовало, например, «Житие Антония Печерского», до нас не дошедшее, что существовали не дошедшие до нас летописи: «Летописец великий русский» (он упоминался в так называемом «Тверском сборнике»), различные хронографы и другие памятники. Книги гибли во время нашествий половцев, во время страшного разгрома русских городов ордами Батыя, в период набегов золотоордынских ханов и «крымчаков». Характерные события разыгрались при нашествии на Москву хана Тохтамыша в 1382 году. Жители Москвы, «загородья» (пригородов) и окрестных сел снесли книги в московские каменные церкви, где думали уберечь их от пожаров и разграбления. Книг было так много, что они были навалены до самых сводов, но татары разбили церковные двери, разграбили и уничтожили все, что в церквях было, книги же «все без вести сътвориша». Много книг погибло в начале XVII века в результате польско-шведской интервенции. Истребляли книги и постоянные пожары. В 1124 году пожар уничтожил почти весь Киев: «Бысть пожар велик Кыеве городе, яко погоревшю ему мало не всему по два дни по Подолью и по Горе, яко церквий единех изгоре близь 6 сот» (Лаврентьевская летопись под 1124 годом). В 1134 году пожар истребил Торговую сторону Новгорода (Новгородская Первая летопись под 1134 годом). В 1185 году во Владимире Залесском в пожаре сгорел «мало не весь город и церквий 32» в том числе и Собор Успения. В 1777 году пожар в Киеве истребил библиотеку.

Книги гибли также от небрежения хранителей рукописных собраний – особенно в XVIII–XIX вв. Характерен случай с митрополитом Евгением Болохвитиновым, который однажды, направляясь в Юрьев монастырь под Новгородом, встретил по дороге воз с монастырскими книгами, предназначенными к уничтожению. Евгений вернул воз в монастырь, приступил к разбору книг и нашел там ценнейшие рукописи, в числе которых была рукопись XI века. Книги страдали также от специального подбора монастырских библиотек и менявшихся литературных вкусов, сказывавшихся на работе переписчиков, перерабатывавших старые произведения в официальном церковном духе, или вовсе не достаивавших переписке произведения, которые они не понимали. Так не дошла до нас светская повесть

«О мужестве Александра Невского», а дошла лишь позднейшая переделка этой повести в церковное житие. Не дошли произведения Кирилла Туровского, наиболее тесно связанные с политической жизнью второй половины XII века, а дошли те из его произведений, которые отличались наиболее отвлеченным, «общецерковным» характером. Неудивительно, что мы представляем древнерусскую литературу в большей степени церковной, чем она была на самом деле. Наши представления о древней русской литературе, особенно ее начального периода, искажены усилиями многих поколений хранителей церковных и монастырских библиотек, усилиями переписчиков, переделывавших на свой лад старые произведения, общими условиями бытования этих памятников. Вот почему так трудно построить подлинную историю древней русской литературы, историю, которая не была бы простым перечислением, пересказом и описанием сохранившегося до нашего времени состава древних памятников, а восстановила бы подлинную картину ее развития.

Авторство и датировка памятников

Средством распространения произведений древней литературы была почти исключительно рукопись, книгопечатание, возникшее на Руси лишь в середине XVI века и бывшее вообще фактом огромного культурного значения, обслуживало преимущественно литературу богослужebную не только в XVI веке, но и почти на всем протяжении XVII века. Рукописная традиция древней литературы способствовала изменчивости литературных памятников, часто эволюционировавших в своем идейном наполнении, композиционном и стилистическом оформлении в зависимости от исторической обстановки и социальной среды, в которую попадал тот или иной памятник. Понятие литературной собственности и авторской монополии отсутствовало в Древней Руси. Переписчик того или иного произведения становился часто и его редактором, он приспособлял текст к потребностям и вкусам своего времени, своей среды. Поэтому история древней русской литературы должна иметь в виду не только историю памятников, но и ее редакций. Свободное распоряжение авторским текстом было естественным, так как автор не считал нужным указывать свое имя, а подчас произведения русских писателей для придания им большего авторитета подписывались именами популярных византийских писателей. Отсюда анонимность и псевдонимность древнерусских памятников, что приводит к усложнению проблемы построения ее истории. Своеобразная трудность изучения истории литературы этого периода обуславливается еще и тем, что если даже тот или иной памятник может быть определенно связан с именем конкретного автора, то мы в большинстве случаев ничего, кроме имени автора, не знаем, т.е. при изучении истории литературы выпадает то существенно важное подспорье, которым мы

располагаем в новой литературе – знакомство с биографией писателя и с обстоятельствами его творчества, с его мировоззрением.

Сложно обстоит дело с хронологическим приурочением памятников. Старейшие памятники дошли до нас не в автографах, а в списках, при этом в основном позднейших. Часто при датировке памятников прибегают к косвенным историческим данным, извлекаемым из самих памятников, на основании языкового анализа списка, если он сохранил архаические черты оригинала. Памятники не датировались в основном потому, что они создавались «по горячим следам событий» и исследователи подчас дату устанавливают по летописям, где события зафиксированы с указанием даты.

Язык памятников Древней Руси

Древнерусская литература развивалась параллельно с эволюцией литературного языка. В основу литературного языка лег живой русский язык, особенно в произведениях светского характера. В памятниках с церковно-религиозной тематикой замечается присутствие элементов церковно-славянского языка – языка богослужебных книг, пришедших на Русь в связи с принятием ею христианства, хотя и тут мы наблюдаем проникновение фонетических, морфологических, а иногда и лексических особенностей живого русского языка. В XVI и XVII веках живой разговорный язык становится преобладающим даже в произведениях церковно-религиозного характера.

Техника письма

Литература в древний период находилась в тесной зависимости от материала, на котором писались рукописи, и техники письма. До XIV века рукописи изготовлялись из пергамента (иначе «харатьи», «телятины», «кожи»), выделявавшемся из телячьей кожи, и писались почерком, который назывался «уставом», т.е. тщательно выведенными буквами, написанными прямыми линиями, с правильными углами и овалами, каждая буква в определенный период времени имела в общем однообразную форму написания. Качество материала и характер почерка в древнейшую пору не способствовали развитию рукописного дела: рукопись стоила дорого и писалась медленно.

Со второй половины XIV века в употребление входит бумага и устав постепенно уступает место **полууставу**, более беглому письму – прямые линии сменяются ломаными и косыми, правильность углов и овалов и однообразие в начертании букв исчезают. Тогда же и появляется **скоропись**. Таким образом, постепенно рукопись удешевляется, работа над ней ускоряется, книга становится доступней, демократизируется, и литературная продукция обнаруживает тенденцию к расширению.

ЛЕКЦИЯ 2

О возникновении русской письменности

В XIX веке, а отчасти и в XX веке, господствовало убеждение, что русская письменность появилась с христианством, что до крещения Руси не было письменности и книг. Первыми памятниками на Руси считались древнеболгарские книги, написанные на древнеболгарском языке. Такое восприятие русской письменности вытекало из тех общих представлений о происхождении русской культуры и культуры всех славянских народов у ученых, согласно которым всем этим варварским /славянским/ народам Византия несла не только религию, но и культуру, идею государственности, просвещение, вплоть до создания алфавита-кириллицы, ставшего основой их письменности. Исследования советских ученых установили местные корни русской культуры.

В вопросе о появлении русской письменности оставались без внимания внутренние потребности русского общества в письменности, исторический рост русского общества, и внутренняя обусловленность появления письменности как одного из факторов исторического прогресса.

В развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло крупную роль, но эта роль, как уже сейчас совершенно ясно, была ролью подсобной, а не основной. Потребности в письменности на Руси заметно выросли задолго до официального введения христианства как государственной религии, и само введение христианства, в конечном счете, ответило тем же потребностям русского общества, которые и вызвали появление письменности. Следовательно, основной вопрос состоит в выяснении внутренних потребностей русского общества в письменности, связанных с особенностями его социально-экономического развития.

Обратимся к древнейшим свидетельствам о русской письменности. Как видно из древних источников, письменность уже в первой половине X века использовалась при заключении договоров с греками. Она употреблялась для записи того русского текста перевода, который должен был храниться у русских. В самих текстах договоров читаем свидетельства о русской письменности. Так, в договоре Олега с греками от 911 года имеется свидетельство о наличии у русских письменных завещаний. В договоре Игоря с греками 944 г. имеется статья, свидетельствующая о наличии письменных документов в обычных мирных сношениях Руси с другими странами. Из этой статьи видно, что русские обязывались снабжать письменными документами корабли, отправляющиеся в Византию. В данном случае не важно, на каком языке должны были быть написаны эти грамоты: на греческом или на русском, важно отметить все возрастающую потребность в письменности во внешних сношениях Руси. Применение письменности на Руси было очень разнообразно,

отвечало потребностям русского общества в письменности. Известно свидетельство арабского писателя Ибн-Фадлана о восточно-славянской письменности. В своей книге о путешествии по Волге в 920 – 921 годах, Ибн-Фадлан рассказывает о том, что над могилой знатного русса, погребение которого он наблюдал на Волге, «соорудили нечто вроде круглого холма, воткнули в середину большой кусок белого тополя, написали на нем имя того мужчины и имя царя руссов, и удалились». Образец русской письменности, принадлежащий X веку, приводит и арабский писатель Ибн-эль-Надим. Многочисленные надписи обнаружены археологами. Например, в одном из Гнездовских курганов под Смоленском на обломках глиняного сосуда обнаружена надпись первой четверти X века. Надпись эту М.Н. Тихомиров читает как «гороухица», а П.Я. Черных как «гороушна», но с одним и тем же значением «горчица». В XI веке надписи встречаются на шиферных пряслицах, обозначая владельца, на кирпичах и некоторых других изделиях ремесла, служа своего рода ремесленными марками или знаками собственности. При раскопках в Неревском конце Новгорода в 1951 и 1952 годах найдено большое число грамот, написанных на бересте. Самые поздние грамоты относятся к XVI веку, самые ранние к XI веку. Наибольший интерес среди этих грамот представляют письма, некоторые из которых относятся к XI веку. Эти письма составлены в демократической среде, о чем свидетельствует их содержание, что в свою очередь говорит о распространении грамотности.

Таким образом, письменность нашла широкое применение и помимо церковной богослужебной литературы еще прежде, чем отдельные рукописи начали проникать на Русь через Болгарию после введения христианства. Это сказалось и на последующей судьбе письменности на Руси в XI–XII вв.

X век застаёт русскую письменность уже с довольно широким диапазоном применения: договора и сношения с иноземными государствами, крупная торговля (надписи на сосудах о содержимом), новые имущественные отношения (письменные завещания, надписи, удостоверяющие собственность), развитое ремесло (подписи автора, заменившие прежние родовые знаки собственности), почитание знатных умерших (надпись на могиле русса), по-видимому, и развитый языческий культ (пророчество, написанное в храме). Такое многообразное применение свидетельствует о том, что к X веку письменность прошла долгий путь развития, по крайней мере не менее века, а вероятнее, и значительно больше.

Большинство отмеченных случаев применения письменности свидетельствует о том, что письменность появилась уже в развитом классовом обществе. Потребности государства, торговли, потребности ремесла, развитых представлений о собственности – вот что вызвало и поддержало на Руси появление письменности. При этом возможно, что единого начала письменности на Руси и не существовало, что различные алфавиты употреблялись в различных местах восточнославянской территории.

Письменность возникла еще до образования относительно единого древнерусского государства, так что происхождение письменности на Руси могло не быть единым. Древним алфавитом могла быть глаголица, но рядом с глаголицей могли употребляться греческие буквы. Археологи неоднократно находили на территории восточных славян предметы с непонятными знаками, напоминавшими буквы неизвестного алфавита. Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению.

Письменность явилась не результатом индивидуального изобретательства или «переноса», а следствием потребностей в ней, появившихся в классовом обществе, хотя сама письменность и не носила классового характера. Этим потребностям могли отвечать и индивидуальные изобретения собственных алфавитов и алфавиты соседних государств, обладавших уже развитой письменностью. Таким образом, дохристианская русская письменность носила деловой характер и была многоалфавитна.

Принятие христианства способствовало установлению единого алфавита и приданию письменности, помимо делового, книжный характер. Наиболее совершенный алфавит, которым Русь начала пользоваться с X века – кириллица – был изобретен в Болгарии в IX веке и оттуда перенесен на Русь. Алфавит этот был создан Константином (Кириллом) Философом на основании литургического греческого письма с прибавлением букв, для обозначения чисто славянских звуков. Этот алфавит подвергся частичному изменению в эпоху Петра I и в 1917 году.

Вопрос о происхождении письменности гораздо шире, чем вопрос о происхождении того или иного алфавита. Подобно тому, как невозможно с точностью установить, когда именно возникло Русское государство, в каком году, в какое десятилетие, поскольку формы государства возникали и развивались постепенно, так, очевидно, никогда не удастся установить – когда именно возникла русская письменность, кто именно и в каком году «изобрел» или «принес» ее на Русь.

Нельзя, конечно, преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу возникновения русской письменности. Она способствовала ее развитию, но не определяла те причины, которые действовали изнутри, которые, по существу, были, конечно, самыми важными факторами в этом процессе.

Древнехристианская книжность на Руси

Принятие христианства сопровождалось притоком на Русь книжности, призванной уяснить и развивать основные положения христианства. Христианская книжность расширяла горизонт древнерусского писателя и читателя, знакомила с новыми общественными, нравственными и

юридическими понятиями. Пополняла тот запас средств словесного выражения, который уже имелся в русском языке. Языческая Русь должна была воспользоваться главнейшими, давно уже выработанными и устоявшимися видами церковно-христианской литературы, без которого не возможны были укоренение и пропаганда нового вероучения и нового мировоззрения. Таковыми являлись: библейские книги **«Ветхого» и «Нового» завета**; апокрифические сказания; произведения житийной (агиографической) литературы; религиозно окрашенные исторические хроники, излагавшие исторические факты в свете церковно-христианской идеологии; сочинения по вопросам миротворения и устройства вселенной; сочинения отцов церкви, посвященные вопросам христианской догматики и морали и др. Это была литература, созданная в Византии и в переводах распространявшаяся на Руси.

Прежде всего древней Русью были заимствованы библейские книги Ветхого и Нового завета. Книги эти содержали легендарные и мифологические сказания, народные поверия, юридические предписания, религиозную публицистику, эпические и лирические произведения религиозного и светского характера, исторические сочинения, почти исключительно основанные на преданиях, достоверность которых минимальна, как минимальна и достоверность авторства отдельных частей Библии.

Библия (в переводе с греческого *книга*) – «священная книга» иудеев и христиан. Она разделяется на две части – более древнюю и более новую, именуемые в христианском богословии соответственно Ветхим заветом и Новым заветом. Христианские и иудейские богословы учат о «божественном» происхождении Библии, она будто бы написана по «внушению Бога»: Ветхий завет – Моисеем и другими пророками, Новый завет – учениками Христа, согласно христианскому вероучению.

Ветхий завет написан на древнееврейском (отчасти на арамейском) языке и почитается иудеями и христианами. Это комплект иудейских священных книг. Название Ветхого завета дано этим книгам христианскими церковниками в отличие от Нового завета, состоящего из сочинений, написанных идеологами христианства. Ветхий завет иудейские богословы именуют **Танахом**. В нем собраны разнообразные по форме и содержанию религиозные произведения, создававшиеся на протяжении огромного исторического периода – с XIII по II век до н.э. Согласно иудейскому и христианскому вероучению, Ветхий завет является священным писанием, вдохновленным Богом Яхве. Сохранились две редакции Ветхого завета: древнееврейская, так называемая масоретская, и «семидесяти толкователей» или Сентуагинта, – древнегреческий перевод Ветхого завета, выполненный в Александрии во II веке до н.э. Согласно масоретскому канону, Танах состоит из трех отделов:

Пятикнижие (пять книг Моисеевых или **Тора**): Бытие, Исход, Левит, Числа. Второзаконие;

Пророки: Иисуса Навина, книга Судей, I и II книга Самуила, I и II книги Царей, Исаия, Иеремия, Иезекиль и 12 малых пророков;

Писания: Псалмы, Притчи Соломоновы, Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст, Есфирь, Даниил, Юдиф, Эзра, Иеремия, 1-я и 2-я книги хроник.

Доказано, что Библия представляет собой пестрое собрание литературных произведений различных форм и жанров, носящих преимущественно религиозный характер. Помимо того, в Танахе имеются произведения (Екклесиаст, Есфирь, Руфь, Песнь песней и др.), которые по существу лишены религиозного содержания.

Первый раздел был составлен из фантастических сказаний о сотворении мира, о первых людях на земле, о легендарной истории древних народов и о всемирном потопе. В этом же разделе содержались правила религиозной и общественной жизни. Во втором разделе находились сочинения, приписываемые древним пророкам, на самом же деле имевшие фольклорную основу. Сочинения эти обличали нравственное несовершенство людей, призывали их к покаянию, к исправлению недостатков и угрожали страшными карами в случае непослушания.

К разделу «Писаний» относились наиболее популярные среди христианских читателей книги: 1. Псалтырь, представляющая собой собрание как религиозных, так и светских гимнов и песен; 2. Притчи Соломоновы; Премудрости Соломона; Премудрости Иисуса, сына Сирахова – сборники фольклорных изречений, афоризмов, рассказов на разные житейские темы. 3. Книга Иова, повествующая о всевозможных страданиях человека, вознагражденного впоследствии за его долготерпение. 4. Екклесиаст – пессимистическое раздумье о бессмысленности человеческой жизни. 5. «Песнь песней» – одна из величайших мировых поэм о любви мужчины и женщины. 6. Книга Есфирь, рассказывающая о бесстрашной женщине, спасшей смелым ходатайством перед царем Артаксерксом свой народ от истребления. 7. Неканоническая книга о Юдифи, описывающая подвиг девушки-патриотки, отправившейся в лагерь врагов и хитростью убившей их начальника Олоферна, и некоторые другие легенды.

Новый завет написан на греческом языке и почитается только христианами. Христианская или новозаветная часть Библии в основном сложилась во втором веке нашей эры, когда составилась так называемый новозаветный канон. Основой Нового завета является **Евангелие** (жизнеописание Христа). «Новый завет» состоит из четырех Евангелий (от Марка, Луки, Матфея и Иоанна), из Деяний и Посланий апостолов и Апокалипсиса, самой древней части, составленной в I веке н.э. (откровение Иоанна Богослова).

Первые четыре книги заключают в себе изложение основ христианского вероучения, Деяния и Послания апостолов являлись истолкованием и

дополнением, а в Апокалипсисе изображалась картина будущего конца мира, второго пришествия Христа на землю и суда его над грешными и праведными людьми.

Новый завет представляет важный источник по истории раннехристианской церкви, отражая эволюцию христианства, превратившегося из религии угнетенных слоев общества в религию, защищавшую интересы эксплуататорских классов. Книги Нового завета, являющиеся главными «священными книгами христиан», проповедуют основы христианской морали (смирение, непротивление злу, отрешение от «мирских» интересов и т.д.).

В качестве переводной литературы, полученной древней Русью из Византии после крещения, была историческая и естественно-научная литература средневековья. Уже в XI веке на Руси стали известны византийские хроники Иоанна Малалы Антиохийского, жившего в VI веке, и Георгия Амартола (Грешника), писавшего в IX веке. На основе этих произведений в XI–XII вв. на Руси возникла первая редакция, а в XIII в. вторая редакция Елинского и Римского летописца.

К естественно-научной литературе относятся «Шестоднев» и «Физиолог». В «Шестодневе» рассказывалось подробно о том, как в течение шести дней был сотворен весь мир, изложены средневековые взгляды на природу. В «Физиологе» содержались сведения об окружающем человека мире, но и они истолковывались символически в соответствии с христианским мировоззрением.

Представление об устройстве вселенной давала книга «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, т.е. плователя в Индию, жившего в VI веке н.э. в Александрии. Большой популярностью пользовались сборники афоризмов и изречений. Были известны на Руси и переводы светской византийской литературы: романы, повести, поэмы (Александрия, Девгениево деяние, Повесть об Акире Премудром, Повесть о Варлааме и Иоасафе).

Широкое распространение имели сочинения отцов церкви (патриотическая литература), преимущественно Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Афанасия Александрийского, Геннадия Константинопольского.

Апокрифы

К числу переводной литературы принадлежат апокрифы, связанные с библейской тематикой. Слово «апокрифический» в переводе означает «тайный», «сокровенный», «доступный особо умудренным», а не широкой массе. При таком понимании слова в апокрифах, как в дохристианскую эпоху, так и в первые века христианства, не усматривалось чего-нибудь вредного, находящегося в противоречии с канонической литературой, а, наоборот, апокриф как род литературы для избранных, пользовался особым уважением и

почетом. В дальнейшем апокрифы были использованы еретиками, ставшими в оппозицию к официальной церкви. В некоторых апокрифах нашло отражение критическое отношение еретиков к основным положениям канонической христианской литературы, утвержденным ортодоксальной церковью. Встала необходимость установления твердого круга религиозно-церковной литературы, заслуживающей истинного и полного доверия, литературы, получившей название канонической. Кроме канонической существовали писания двоякого рода – не обладающие всецело авторитетом святости, но, как не противоречащие канону, не считающиеся вредными, а потому допускаемые к обращению, и безусловно вредные, поддельные, фальшивые и потому отвергаемые церковью, «отреченные». В дальнейшем средний разряд произведений – дозволенных к обращению – теряет свое самостоятельное значение, а понятия «фальшивые» и «отреченные» становятся однозначными с понятием «апокриф». Таким образом «отреченная книга» стала «апокрифической».

Как видим, апокрифы на христианской почве представляли собой такого рода легендарно-религиозную литературу, которая тематически будучи тесно связана с каноническим писанием Ветхого и Нового заветов, в своих сюжетах и трактовке их заключала «еретические» элементы, отвергаемые ортодоксальным церковным учением.

Следует отметить, что и канонические библейские книги, в том числе и Евангелие, принадлежат к разряду легендарно-религиозной литературы, но библейская легенда, будучи использована официальной церковью в своих интересах, была ею санкционирована, тогда как легенда апокрифическая, расходившаяся с канонизированной легендой своей трактовкой, официальной церковной санкции не получила.

К апокрифическим произведениям относились: отдельные памятники житийной литературы («Мучения Федора Победоносца»), литература апокалипсического и эсхатологического содержания, где толковались вопросы о конечных судьбах мира («Хождение Богородицы по мукам», «Откровение апостола Павла», «Откровение Мефодия Патарского»), памятники богомильские («Как Бог создал Адама»), памятники катехизические, написанные в форме вопросов и ответов о самых разнообразных предметах («Беседа трех святителей») и «ложные» молитвы, заговоры, астрологические и гадательные книги. Формальное отнесение того или иного памятника к апокрифам определялось занесением его в «индекс», в список «ложных» или «отреченных» книг. Подчас явно апокрифический по своему характеру памятник не подвергался преследованию только потому, что он не попал в индекс или не попала в индекс та компиляция, в которую он входил. На Русь индексы перешли из Византии в XI веке. В «Святославовом изборнике» 1073 года помещена переведенная с греческого статья «Богословьца от словес», в

которой наряду с книгами «истинными» и такими, которые к «истинным» не причисляются, перечислены и книги «сокровенные», т.е. апокрифические.

Апокрифическая литература использовала сюжеты Библии и Евангелия, но по-новому трактовала их, широко используя элементы фольклора. Благодаря этому, освещение многих сторон христианства получало в апокрифах более конкретный характер нежели в официальных церковных книгах. Киевские книжники воспользовались апокрифами, которые бытовали в Болгарии среди богомилов. **Богомильская ересь** – своеобразная религиозная форма социального протеста народных масс против эксплуатации церковниками и светскими феодалами. Они считали, что в мире господствуют две равные силы: добра – бога и зла – дьявола. Бог ведает духовным началом, дьявол – плотским, материальным. Задача человека – вести борьбу с материальным началом путем нравственного самоусовершенствования и аскетизма. Одно такое сказание зафиксировано в «Повести временных лет» под 1071 годом в легенде о сотворении Богом человека. Апокрифы эти давали наглядное представление о власти дьявола. В этом отношении интересен апокриф «Какое Бог сотвори Адама». Бог и дьявол выступают как две равновеликие силы. В то время, как Бог творит человека, дьявол всячески старается напакостить своему противнику: мажет тело Адама нечистотами, наносит телу 70 ран и свой поступок дьявол оправдывает вещью пользой самого Бога – ведь если у человека ничего не будет болеть, то он никогда не вспомнит о своем творце – Боге. Таким образом, библейская легенда приобретала в апокрифе живое конкретное звучание и, конечно, была более доходчива для вчерашнего язычника, чем сухой и лаконичный рассказ Библии.

Большой популярностью пользовались апокрифы, связанные с именем библейского царя Соломона. Образ царя, побеждающего в состязании по мудрости царицу Савскую (в апокрифе Югискую), творящего нелицеприятный суд, хитростью заставляющего демоническое существо Китовраса служить себе, был близок к русскому фольклору. Запросам времени отвечало апокрифическое «Сказание Афродитиана», в котором подчеркивалась закономерность и неизбежность смены язычества новой христианской религией, в результате чего наступило «окончание чести идолам».

Значительный интерес представляли апокрифы **эсхатологические**, развертывающие фантастические картины потусторонней жизни, конца мира. Эта группа апокрифов являлась действенным средством воспитания и пропаганды христианской морали, наглядно изображая христианскую идею «воздаяние в веке будущем» за соответствующие поступки в земной жизни.

Остановимся на эсхатологическом апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», весьма популярном на Руси на протяжении многих веков. Апокриф этот перешел на русскую почву через югославское посредство и по своему содержанию очень близок к дошедшему до нас византийскому тексту памятника. Древнейший русский список относится к XII веку. Содержание

апокрифа следующее: Богородица в сопровождении архангела Михаила спускается в ад, где перед ее взором открываются мучения грешников. Здесь в аду мучаются не верившие в Троицу и в Богородицу; почитавшие языческих Богов; проклятые своими родителями; людоеды; нарушители крестной клятвы; сплетницы; те, кто пропускал пасхальную заутреню; клеветники, разлучавшие брата с братом, мужа с женой; попадья, не почитавшие своих мужей и после их смерти вторично выходявшие замуж; монахини-блудницы, блудники; воры; пьяницы; немилостивые князья, епископы, патриархи, цари, не творившие воли божьей; сребролюбцы-ростовщики и беззаконники. Они погружены в огненную реку – кто до пояса, кто по пазуху или до шеи, а кто и доверху, другие лежат на постелях, объятых пламенем, третьи подвешены на железных деревьях за зуб, за язык или за ноги, четвертых поедают змеи, грызет червь и т.д. Богородица с состраданием относится к мучениям грешников, сама хочет мучиться с ними в аду и лишь однажды выражает одобрение наказаниям, которым подвергаются грешники. На ее вопрос, кто эти грешники, узнает, что это евреи, которые мучаются за распятие ее сына Христа и вместе с ними – отступники от христианской веры, а также творящие блуд с кумами, матерями и дочерьми, отравители и убийцы, о них она говорит – «По делам их буди тако». Богородица, увидев зрелища ада, обращается к Богу с мольбой о помиловании грешников. В помощь себе она призывает ангельский чин, пророков и силы небесные, все они обращаются к Богу. Снисходя к настойчивым просьбам, Бог дает ежегодный покой грешникам от великого четверга до пятницы (около двух месяцев). В русском тексте, в отличие от греческого, среди грешников, мучающихся в аду, есть и такие, которые почитали славянских языческих богов – Трояна, Хореса, Велеса, Перуна.

Но почему памятник, красочно изображавший адские мучения, способные утратить грешников и внушить им мысль о необходимости праведной жизни, был отнесен к числу «ложных» книг и запрещался церковью? Видимо потому, что он заключал в себе критическую переоценку, как бы ревизию традиционных представлений о божеской справедливости. Живое участие Богородицы к мучениям грешников, заставляющее ее то и дело проливать слезы, противопоставляется суровому и безучастному божьему суду. Весь апокриф проникнут свободомыслящим отношением к установленным религией нормам и понятиям; он не щадит грешников не только рядовых, но и таких, которые в силу своего иерархического положения, были под защитой официальной церкви: епископов, патриархов, черниц, немилостивых князей и царей, не творящих воли божьей. «Хождение» отразило в себе оппозиционное отношение известной группы верующих к учению ортодоксальной церкви и одновременно моральное переосмысление прямолинейно-бездушной официальной христианской доктрины. Центральная фигура апокрифа – Богородица – при всей своей эпичности, отличается свойствами реальной человеческой личности, она рисуется как деятельно сострадающее людскому горю существо, но вместе

с тем и как рядовая женщина-мать, которой свойственно чувство озлобления, когда дело касается участи ее сына. Богородица противопоставлена в апокрифе жестокому, равнодушному к человеческим скорбям Богу. Апокриф резко расходился с канонической церковной литературой в трактовке божьей справедливости, давая наглядное представление об адских мучениях, которые ожидают грешников на том свете.

Занимательность рассказов, яркость, конкретность и образность изложения, близость к устным народным легендам способствовали популярности апокрифов в древнерусской литературе. Они вбирали в себе черты русской действительности, использовали фольклорные элементы и переходили в устные легенды, в духовные стихи.

ЛЕКЦИЯ 3

Слово о Законе и Благодати

Политические идеи Ярослава Мудрого получили наиболее яркое воплощение в «Слове о законе и благодати» пресвитера загородной дворцовой церкви Ярослава в Берестове – Илариона, ставшего затем первым киевским митрополитом из русских. Тема «Слова» - тема равноправности народов, резко противостоящая широко распространенным в средневековье теориям вселенской церкви (теориям всемирной власти императора «Священной римской империи», византийского императора или папы). Иларион указывает, что евангелием и крещением бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на вселенское господство Нового Рима – Византии. Все эти идеи изложены в «Слове» с точностью и ясностью, что отчетливо отразилось в самом названии памятника – «Слово – о законе Моисеем данном и о благодати и истине Иисус Христом бывшим и како закон отъиде, благодать [же] и истина всю землю исполни и вера в вся языки простресея и до нашего языка (народа) русьскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхом (и молитва к богу от всеа земли нашеа)». «Слово» написано между 1037–1050 годами. Композиция «Слова» трехчастная. Первая часть произведения касается основного вопроса исторических воззрений средневековья: вопроса взаимоотношения двух заветов – Ветхого и Нового – «закона» и «благодати». Взаимоотношение это рассматривается Иларионом в обычных символических схемах христианского богословия, в последовательно проведенном символическом параллелизме. Но подбор этих традиционных символических противопоставлений оригинален – Иларион создает собственную патриотическую концепцию всемирной истории. Он настойчиво выдвигает вселенский, универсальный характер христианства, Нового завета, «благодати», сравнительно с национальной ограниченностью Ветхого завета, «закона».

Подзаконное состояние при Ветхом завете сопровождалось рабством, а «благодать», Новый завет – свободой. «Закон» сопоставляется с тенью, светом луны, ночным холодом; «благодать» – с солнечным сиянием, с теплотой. Взаимоотношение людей с богом раньше, в эпоху Ветхого завета, устанавливалось началом рабства, несвободного подчинения – «закона». В эпоху же Нового завета – началом свободы – «благодати». Время Ветхого завета символизирует образ рабыни Агари, время Нового завета – образ свободной Сарры. В этом противопоставлении особенное значение Иларион придает моменту национальному – Ветхий завет имел временное и ограниченное значение. Новый завет вводит всех людей в вечность. Ветхий завет замкнут в одном народе, а Новый завет имеет всемирное распространение. Иларион доказывает, что все народы равны в своем общении с Богом.

Во многих укорах Ветхому завету можно видеть прямые укоры Византии, стороннице не свободного, а рабского наделения христианством. Прямую угрозу по адресу Византии (Константинополя) звучали напоминания Илариона о конечном разорении Иерусалима за стремление замкнуть в себе дело религии. Подчеркнув значение новых народов в истории христианского учения, Иларион свободно и логично переходит затем ко второй части своего «Слова», сужая тему, – к описанию распространения христианства на Русской земле. Иларион отмечает, что Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке. Русскому народу принадлежит будущее, принадлежит великая историческая миссия. Патриотический и полемический пафос «Слова» растет по мере того, как Иларион описывает успехи христианства среди русских.

Патриотическое воодушевление Илариона достигает высшей степени напряжения в третьей части, посвященной прославлению Владимира Святославича. Органическим переходом от второй части к третьей служило изложение средневековой богословской идеи, что каждая из стран мира имела своим просветителем одного из апостолов. Есть на Руси кого хвалить, кого признавать своим просветителем. Иларион высоко ставит авторитет Русской земли среди стран мира. Он описывает военные заслуги Владимира, силу и могущество русских князей, славу Русской земли, чтобы показать, что принятие христианства могущественным Владимиром не было вынужденным, что оно было результатом свободного выбора Владимира и русского народа. Подчеркивая, что крещение Руси было личным делом князя Владимира, так как это позволяло ему соединить в нем «благоверия с властью», Иларион явно полемизирует с точкой зрения греков, приписывавших себе инициативу крещения «варварского» народа.

Затем переходит к описанию личных качеств и заслуг Владимира. Патриотический пафос достигает сильнейшей степени напряжения, когда, пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и «славный град» Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом восстать из гроба и

посмотреть на плоды своего подвига. Далее следует заключительная часть – молитва к Владимиру, пронизанная тем же патриотическим подъемом, патриотическою мыслью.

В стиле «Слова» Иларион использует метафорические сравнения, риторические вопросы и восклицания, повторения, прибегает к ритмизации речи. Благодаря этому «Слово» исполнено ораторской патетики, пафоса. Высокое художественное мастерство обеспечило «Слову о законе и благодати» большую популярность в средневековой письменности. Оно становится образцом для книжников XII–XV веков, которые используют отдельные приемы и стилистические формулы.

Поучение Владимира Мономаха

«Редко можно встретить в истории столь величественный и в то же время столь человечный образ, как Владимир Мономах. Эти свойства непосредственно вытекают из прямых о нем данных в средневековой книжности и поражают своей вековой стойкостью в ней. Свойства эти слагаются в образ еще до научной их обработки и вызывают бережное к себе отношение». – А.Орлов.

В пору феодального средневековья среди правящей группы князья периодически встречаются деятели, которые поддерживали возможную законность в тогдашнем порядке и способствовали равновесию взаимоотношений феодалов. Не у всех таких лиц были одинаковы методы практики, и применявшиеся ими «средства оправдывались целью» в разной степени. Наибольшей близостью к желанному тогда образу государственного правителя отличался Владимир Мономах, как о том свидетельствуют история и легенда. Речи Мономаха, его автобиография и переписка сообщают единый цельный образ, всегда равный себе, создавшийся на основе принципов «духовной» теории и здоровой практики. Оригинал этого образа, Мономах, сам рекомендует его как пример хороших свойств и благого поведения. И, несомненно, этот образ так и воспринимается, будучи оправдан моралью духовной книжности и незапятнанной биографией героя.

Говоря о князе Ярославе и его сыновьях, летописец в 1053 году упоминает о рождении сына Всеволодова – Владимира «от царице грькыне». Это и есть Мономах, который так говорит о своем происхождении и «наименовании» в «Поучении» детям: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченый в крещении Василий, русьским именем Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею Мьномахы...». Появление на свет Владимира Мономаха совпало со временем, когда только что наступил новый период в организации феодального управления Руси. Мономах родился в 1053 году, а в 1054 году умер его дед, Ярослав Владимирович, завещание которого обусловило дальнейшую историю совместного управления государством целым

княжеским родом, которое заключалось в членении Русской земли между потомками Ярослава, при этом они передвигались по старшинству с менее выгодной области на освобождающуюся лучшую. Самый старший в роде занимал «первостепенный стол» – киевский и являлся главой остального княжья и блюстителем государства в целом. Переход же областей по прямой линии – от отца сыну – был неприемлем как право. Но это приводило к бесправию и произволу старших, и уже внуки Ярослава требовали прикрепления определенной вотчины к каждой линии, к каждому имени Ярославова рода. С ранней юности Владимир Мономах был вовлечен в водоворот усобиц, проистекавших главным образом от того, что, осиротелые при жизни дедов или старших дядей, князья исключались не только из старшинства, но и из наследства. Не только не получали отцовских волостей, но даже часто и никаких.

Весной 1113 года умер великий князь «Михаил, зовемый Святополк». Киевляне собрали «совет» (вече) и послали к Владимиру Мономаху приглашение на «стол отцов и дедов». Признавая старшинство Святославичей, Владимир отказался. В Киеве происходило восстание. На отказ Владимира киевляне угрожали еще большим разгромом – даже княжеского двора и монастырей – и Мономах принужден был принять Киевское великое княжение. Прибыв в Киев в момент восстания низов против господствующих классов и, в частности, должников против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, Мономах ликвидировал восстание 1113 года. Характер деятельности Владимира Мономаха очень ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир называется «устроющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земля». Владимир Мономах обратил внимание на безвыходное положение закупов и разных видов работ, он сделал попытку облегчить тяжелую участь народа. Однако, хотя его меры были направлены в сторону облегчения тяжелого положения угнетенных горожан и сельчан, реформатор отнюдь не собирался уничтожить привилегии господствующих классов. От его реформы не должны были особенно сильно пострадать ростовщики и землевладельцы.

Умер князь Владимир в 1125 году и по обычаю летописи сообщение о княжеской кончине сопроводили характеристикой и оценкой покойного. В отношении Мономаха эта характеристика отличается наибольшей содержательностью, похвала ему перекрывает шаблон летописных посмертных панегириков. Чувствуется особое внимание к этому государственному деятелю. За его труд и подвиг на благо Русской земли и за его высокое человеческое достоинство. Владимир Мономах был выдающимся государственным деятелем. Он своей политикой содействовал прекращению княжеских распрей и раздоров.

О его незаурядном таланте не только как политического деятеля, но и как писателя свидетельствует его **«Поучение чадам моим»**. В «Поучении» он обращается непосредственно к своим детям, но значение его выходит за рамки

узко семейные. Характерная особенность «Поучения» - тесное переплетение дидактики и автобиографических элементов. Обращаясь с наставлениями «к чадам своим», Мономах подкрепляет их не только сентенциями из текста «священного писания», но и в первую очередь конкретными примерами из собственной жизни. На первый план выдвигаются задачи государственные: князь должен заботиться о благе своего государства, строго и неукоснительно соблюдать клятвы и договора, не наступать на крестное целование, заботиться о бедных, думать о благе церкви, ради упрочения своей власти князь должен заботиться о «священническом чине». Мономах не рекомендует своим детям спасать свою душу в монастыре. Аскетический монашеский идеал чужд этому жизнелюбивому энергичному человеку. Но он призывает к неукоснительному соблюдению религиозной обрядности, к тому, чтобы спасти свою душу покаянием, слезами и милостыней. Князь должен быть стражем справедливости и не давать «сильным погубить человека». Он выступает как человек трудолюбивый, как ревностный поклонник просвещения. Одним из положительных качеств князя является щедрость, забота о приумножении и распространении своего доброго имени.

К «Поучению» примыкает письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу черниговскому, помещенное в «Повести временных лет» под 1096 годом.

«Поучение» раскрывает облик незаурядного государственного деятеля русского средневековья, человека, в котором ярко воплотился светский идеал князя, которого заботит слава и честь родной земли.

ЛЕКЦИЯ 4

Летописание

Переводная литература принесла на Русь несколько видов литературных произведений. Среди этих видов устойчивыми были прежде всего те, которые тесно связаны были с маломеняющимся церковным обиходом: различные типы житий, проповеди, апокрифы, поучения отцов церкви и др. Немало самостоятельных русских произведений писалось по их типу, только иногда видоизменялся их характер.

Светская литература на Руси не была связана косными формами церковных или каких-либо иных перенесенных из Византии обычаев. Вот почему светская литература, тесно примыкавшая к русской действительности, оказалась вполне самостоятельной не только по содержанию, но и по форме. Отдельные виды светской литературы складывались под влиянием требований русской жизни, менялись вместе с самой жизнью, впитывали в себя элементы реалистичности значительно быстрее, чем церковные виды. Наиболее значительный вид светской литературы древней Руси – **летописание**. На самой заре русской

письменности и книжности возникает летописание, которому суждено было стать в идейно-политическом отношении господствующим и ведущим явлением в русской литературной культуре старого времени. Развитие летописания связано с двумя различными патриотическими потребностями: с одной стороны, с потребностью уяснить себе прошлое, уяснить происхождение различных явлений, а с другой – потребностью фиксировать настоящее, предохранить его от исчезновения в памяти потомства. В летописях различных областей эти потребности сказывались далеко не равномерно. В Киеве летопись возникает из исторических произведений о прошлом, которые дополняются записями о настоящем. В Новгороде же уже в XI веке своевременно записывались события с указанием точных дат. Эти записи велись как своего рода деловые документы: кратко, деловито, систематично. Потребность же в обзоре истории удовлетворялась сравнительно сложной литературной работой, заключавшей в себе значительные элементы художественности. Киевское летописание – рассказ о прошлом, а новгородское – документ, фиксирующий настоящее для будущего.

Обращение к историческому прошлому было продиктовано самой действительностью. Необходимо было составить произведение, которое с русской, а не с византийской точки зрения излагало бы церковную историю Руси, так как церковный вопрос имел большое политическое значение. Принятие христианства Русью имело обоюдоострый характер. Оно, с одной стороны, приносило русскому народу высокую византийскую культуру, поднимало русское государство до уровня византийской государственности, с другой стороны – угрожало самостоятельности Руси, грозило превратить Русскую землю в провинцию империи. Греки считали, что только император ромеев мог быть единственным главою всех христиан. В словах апостола Павла «Бога бойтесь, а царя чтите» греки видели указание на то, что во вселенной должен и может существовать лишь один царь, власть которого была как бы тем самым освящена церковью. До самого падения Константинополя Византия постоянно пыталась привести «варварские» народы к признанию того, что все христиане являются одновременно и подданными византийского императора. После принятия христианства Русью, империя навязывала ей церковную организацию во главе с митрополитом или епископом-греком, становившимся фактически чиновником империи, на котором держалась связь новообращенного народа с императором и на которого возлагалась задача постепенного введения новых «ромеев» в состав Империи.

В годы княжения Ярослава Мудрого между молодым русским государством и Византией завязывается острая борьба. Русский князь всячески парирует все попытки Империи лишить русских церковной самостоятельности и превратить русскую церковь в агентуру империи. Ярославу удается поднять международный авторитет Руси и на основе общего подъема народного самосознания в первой половине XI века заложить прочные основания русской

политической и церковной самостоятельности, русской книжности, русской архитектуры и изобразительного искусства. Политические идеи эпохи Ярослава Мудрого вызвали к жизни интерес к русскому прошлому. Именно в это время, в обстановке патриотического подъема, в первой половине XI века закладывается основание русской летописи, ее высокой идейности и своеобразной литературной формы. «Летопись – это один из самых ярких показателей высоты древнерусской культуры, – пишет академик Б.Д. Греков, – это не просто погодная запись событий, как часто приходится слышать и читать, это законченный, систематизированный труд по истории русского народа и тех нерусских народов, которые вместе с русским народом были объединены в одно Киевское русское государство».

Происхождение русского летописания связывали с влиянием византийских хроник. Жанр русских летописных статей создавался далеко не сразу. Беря готовые образцы, под влиянием требований русской жизни, он изменял их и приобрел, наконец, ту характерную форму и особенности, которые составляют отличие русской хронографии от византийской и западно – европейской.

Для эпохи Ярослава Мудрого церковный вопрос имел большое значение. Необходимо было составить произведение, которое с русской, а не византийской точки зрения излагало бы церковную историю Руси. И так было составлено «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», куда вошли рассказы о первых русских князьях Олеге и Игоре, о христианстве Ольги, о первых русских мучениках-варягах, о крещении Руси, о Борисе и Глебе и о просветительской деятельности Ярослава Мудрого. Это первое историческое произведение, но еще не летопись. Автор желал дать нравоучительный рассказ и вместе с тем опровергнуть греческую точку зрения на Русь. Из этого первого исторического произведения выросло впоследствии русское летописание. Русское летописание родилось из постепенного присоединения совсем иных – народных в своей основе – сведений к этому церковному ядру, носившему еще традиционный для церковной письменности характер «патерика», но уже обладавшего элементами историзма, которые и привлекли к нему внимание и творческую инициативу жаждущих сведений по родной истории русских читателей.

После водворения в Киеве русского митрополита Илариона, сменившего митрополита-грека, работа над «Сказанием о русских христианах» продолжается в новом оплоте антигреческой политики – Киево-Печерском монастыре, появляются добавления из народных исторических преданий, поскольку монастырь занимал в целом демократические позиции. Здесь создается хронологический принцип разбивки всего изложения по годовым статьям. Таким образом, первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными к нему в Киево-

Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы называем **летописью**.

С 1061 года, с года организации Киево-Печерского монастыря, летопись начинает указывать даты событий – месяц, число, год, иногда, день недели. К «Сказанию о первых русских христианах» уже в самом начале 60-ых годов начинают прибавляться записи о текущих событиях. Появляется забота о своевременности записываний фактов истории; «Сказание» продолжается, и, по существу, возникает летопись с ее наиболее типичным признаком – погодностью записей. Активное участие в летописании принимал Никон, как доказано Шахматовым и Приселковым. Византийцы исторический материал располагали по царствованию монархов. Никон же придавал большое значение хронологии и строил изложение событий, располагая их по годам. Никон в своем стремлении к хронологической точности повествования пришел к новому способу изложения летописного материала по годовым статьям, определяя их не по княжениям, а годами от «сотворения мира».

Другой характерной особенностью русской летописи, которая резко отличает летописное изложение от изложения византийских и западноевропейских хроник, является обилие прямой речи, имеющей конкретно-жизненный характер, это не книжная, а живая, устная речь, близко отражающая действительно произнесенные слова. В XI–XIII вв., а частично и значительно позднее, все дипломатические переговоры на Руси велись устно – через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко обменивались грамотами. Их вполне заменяли «речи», которые передавались послами (в летописях встречаемся с выражением – «послать с речми»). Речи эти более или менее точно заносились в летописи. Послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, и отдельно поручались «речи», которые посол не мог изменять по-своему и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица – лица пославшего. Передача «речей» от лица посылающего, со строгим соблюдением форм личного обращения князя, не была вызвана тем, что посол рассматривался как безличный и механический передатчик. Послы в древней Руси никогда не были только гонцами. Посол, передавая «речи» князя, являлся его заместителем, фактотумом. Он говорил от лица пославшего, как будто бы сам являлся в момент передачи «речей» этим пославшим. Оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало. Посольские «речи» от лица князей настолько вошли в практику русской жизни, что летописец, нередко, говоря о посольских «речах», не упоминал о после, который эти «речи» передавал. Поэтому при чтении русской летописи создается впечатление, что князья, разделенные огромными расстояниями, свободно переговаривались между собой. «Речи», передававшиеся изустно через послов, были очень ответственным моментом политической жизни древней Руси. Они должны были быть в достаточной мере

краткими и выразительными. Эти посольские «речи» отличались высоким уровнем культуры устной речи в древней Руси.

Русской летописи характерно также наличие диалога, употребленного живо, точно, сжато, к месту. Диалог, в отличие от прямой речи, зависел не только непосредственно от действительности, но и от фольклора. Диалог, обильно представленный в русском фольклоре, оказал огромное влияние на диалог русской летописи, подобного которому не знает ни византийская анналистика, ни западная.

Под влиянием самой жизни сложился и язык летописи: простой и доступный в основной своей части, он образовался на основе развитой традиции устного языка своего времени.

Возникнув под влиянием властных требований действительности, летопись в дальнейшем не оставалась неизменной по своей форме и содержанию. Под влиянием меняющейся действительности менялась и летопись. Содержание и сама форма летописи менялись в зависимости от того, каким задачам было подчинено летописание. Летописи княжеские, посвященные восхвалению княжеской власти и личности самого князя (Галицкая летопись, отчасти Владимирская), выработали особую форму княжеских биографий, иногда соединяемых в единую цепь. Княжеские центры летописания стремились к иллюстрированию летописей миниатюрами (Владимирский свод 1212 г., отразившийся своими миниатюрами в Радзивиловской летописи, а впоследствии – в Лицевом своде XVI века), но иллюстрирование не допускали летописи городские или монастырские. Потребности отдельных феодальных дворов вызывали появление личных, семейных и родовых княжеских летописей. Свои формы дает летописание Владимирского Успенского собора (летопись как собрание чудес Богоматери – покровительницы Владимира). Свои формы летописания в XVI веке выработала Москва, в связи с теми задачами, которые встали перед Москвой – центром Централизованного русского государства. Летописание с торжественным предисловием, восхваляющим князя, вырабатывается в Твери.

Таким образом, летопись не обладает прочной, неизменяемой формой. Под общим понятием летописи кроются иногда различные явления. Формы летописания текучи и изменчивы, восходят из различных корней.

В противоположность многим другим видам средневековой литературы, летопись гибко меняла свою форму. Она чутко отражала воздействие действительности, определялась действительностью в большей мере, чем литературной традицией. В меньшей мере, чем в других жанрах раннефеодальной литературы, в ней сказывалось стремление к застойности форм и содержания, к трафаретным стилистическим приемам. Летопись была целиком втянута в социальную борьбу своего времени, и именно это обстоятельство благотворно отразилось на ее развитии и позволило ей занять важное место в русской жизни. Именно в этом смысле мы можем говорить о

летописи как об одном из ведущих (двигающих вперед литературу) жанров русской литературы раннего и развитого периода феодализма.

Повесть временных лет

На рубеже XI–XII вв. Киевская Русь испытывает на себе наиболее тяжелые удары кочевников, ставшие жесточайшим народным бедствием. Напор степных кочевников на внешние границы Древнерусского государства вызвал ряд попыток приостановить процесс феодального дробления, объединить русских князей единством внешнеполитических задач. В этот период была сделана попытка сплотить все классы населения – все с той же целью – укрепить обороноспособность страны. Несмотря на начавшийся распад Древнерусского государства, сознание единства Русской земли было чрезвычайно острым. Именно в этот период составляется замечательный памятник русского летописания – **«Повесть временных лет»**, проникнутая единой мыслью о Русской земле, о необходимости единения перед лицом внешней опасности. Первый памятник русского летописания – **«Повесть временных лет»**, составляется, по-видимому, около 1113 года, в Печерском монастыре монахом Нестором. Труд Нестора сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакторов. Имя Нестора изъято из заглавий редакторами и переписчиками, только в одном списке – Хлебниковом – имя Нестора сохранилось.

«Повесть временных лет» по самому характеру своего изложения свидетельствовала о своеобразном возвращении к спокойному эпическому тону и философским обобщениям «Сказания о первых русских христианах». Летопись из оппозиционной становилась официальной и государственной, хотя и сохраняла кое-что из публицистического направления первых сводов. Отсюда торжественный характер «Повести временных лет», ее сдержанность в оценке событий русской истории и исключительное внимание к начальному периоду русской истории: к вопросам происхождения Русского государства, русского народа, отдельных племен и названий. Это произведение, рассчитанное на все слои населения, стремится объединить интересы всего русского народа единой патриотической целью. Свои задачи Нестор точно сформулировал в самом названии своего труда: «Се Повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть». Цель, которую поставил перед собой составитель «Повести», – показать русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без роду и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться. «Повесть» должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли.

«Повесть» начинается с событий всемирной истории в ее средневековом понимании. Летописец вводит русскую историю в мировую, сообщая самые

разнообразные сведения – географические, этнографические, культурно-исторические. Памятник открывается историко-этнографическим введением, в котором автор ведет рассказ со времен «всемирного потопа» и говорит о распределении Земли между сыновьями Ноя. Затем рассказывается об образовании народов и языков. Передается библейская история о Вавилонском столпотворении, во время которого люди разделились на народы и заговорили на разных языках, отмечает образование славян «от племени» Иафета. Далее даются обстоятельные сведения о расселении племен, после чего летописец переходит к сообщению географических сведений о Русской земле. Нестор просто и наглядно дает географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами. Вслед за этим дается легенда о трех братьях, основателях Киева – Кие, Щеке и Хориве. Далее Нестор переходит к рассказу о постепенном политическом обособлении русских племен: полян, древлян, дреговичей, словен и полочан, перечисляет соседние русским народности. Нестор дает описание нравов славянских племен, населяющих Русскую землю. Это описание подчинено единой идее: каждая народность и каждое племя имеет свой «закон» и свой «нрав», переданный им от отцов их. Свой обзор образа жизни различных племен и народов Нестор заканчивает краткой характеристикой нравов главных врагов Руси – половцев, отмечает преимущества христианских нравов Руси как более высоких. Как здесь, так и в других местах «Повести» Нестор осознает русских цивилизованным и культурным народом. За вводной частью следует собственно историческая часть, которую летописец стремится вложить в строгую хронологическую сеть годовых статей. Нестор проделал огромную работу по уточнению хронологической сети летописания, им была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников. Строгий хронологический принцип изложения кладется Нестором в основу всего изложения. Следует отметить, что Нестор поместил ряд годов, многие из которых вовсе не отмечены записями, очевидно, ввиду невозможности найти для этих дат какой бы то ни было исторический материал. Вставляя эти пустые даты в свое повествование, Нестор подчеркивал самый принцип, самую летописную форму, а, может быть, давал тем самым задание для разысканий своим продолжателям.

«Повесть временных лет» – не просто собрание фактов русской истории, и не просто историко-публицистическое сочинение, связанное с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельная, литературно изложенная история Руси. Никогда, ни прежде, ни позднее, вплоть до XVI века, русская историческая мысль не поднималась на такую высоту ученой пытливости и литературного умения. Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность создания Нестора.

После смерти Святополка по приглашению киевлян Владимир Мономах является в Киев. Вступление Мономаха на «золотой киевский стол» привело к

долгим годам упадка Печерского монастыря. Мономах изымает из Печерского монастыря ведение летописания, ставшее одним из важнейших общественных явлений русской действительности. Он передает летописание в свой княжий Выдубицкий монастырь, основанный в 70-е годы XI века его отцом Всеволодом Ярославичем. Литературная работа Печерского монастыря надолго замирает. Лишь во второй половине XII века заметны следы оживления печерской летописной работы.

Переработка «Повести временных лет» была возложена на выдубицкого игумена Сильвестра, который закончил свою работу в 1116 году. Сильвестр опустил в заглавии «Повести» слова «Нестера черноризца Феодосиева монастыря Печерского» и вставил в конце «Повести» собственное имя. Переработка Сильвестра коснулась ее последней части, где описывались княжения Святополка и Владимира Мономаха. Начальная часть изменениям не подверглась, Сильвестр лишь сделал вставку – о посещении Руси апостолом Андреем. Рассказ этот противоречил исторической концепции Нестора, согласно которой «не беша бо ни апостоли ходили на Русь». Решительной перестройке подверг Сильвестр рассказ Нестора о событиях последних 1093–1113 гг., выдвинув роль Владимира Мономаха в борьбе со степными кочевниками. Изменения и переработки, сделанные Сильвестром, коснулись лишь вопросов текущей политики, они не внесли ничего нового в самую форму «Повести временных лет» и не затронули ее большого патриотического замысла. Несмотря на все изменения, «Повесть временных лет» может считаться созданием Печерского монастыря. Нестор соединил в своем произведении особенности старых печерских сводов 1073 и 1093 гг. с их антигреческим и русским направлением.

«Повесть» стоит на рубеже двух эпох, она соединяет в себе культурные черты прошлого и будущего, она заимствует все лучшее из прошлого и предугадывает многое из лучшего в будущем. В течение многих веков на «Повести временных лет» русские люди учились русской истории, учились понимать государственные интересы России и воспитывали свое национальное чувство.

ЛЕКЦИЯ 5

«Слово о полку Игореве»

Памятник XII века «Слово о полку Игореве» – один из центральных памятников древнерусской литературы, с гениальной силой и проникновенностью отразивший в себе главное бедствие своего времени – слабость государственного единства Руси и, как следствие, слабость ее обороны от натиска степных кочевых народов, в быстрых набегах разорявших русские города и села, несших с собою смерть и разрушение. «Слово» рассказывает о

походе на половцев в 1185 году храброго князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича. Поход состоялся раннею весной. Кроме Игоря в нем участвовали его сыновья и князь Святослав Ольгович Рыльский. У берегов Донца войско Игоря застало солнечное затмение, считавшееся предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У Оскола к нему присоединился его брат Всеволод буй-тур – князь Курский и Трубчевский. Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские «сторожа» (разведчики) донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. «Сторожа» советовали возвратиться. Но вернуться домой без победы Игорь счел позором и предпочел идти навстречу смерти. Первое столкновение войска Игоря с половцами было удачным. На следующий день с рассветом половецкие полки, подобно лесу, стали наступать на русских. Небольшое русское войско было окружено. Но и тут Игорь не поворотил коней. В бою Игорь был ранен. На рассвете вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников – так называемые «ковуи» – «дрогнули». Игорь поскакал за ними, но не смог их задержать, отдалился от своего войска и попал в плен к половцам. Никогда раньше русские князья не попадали в плен к половцам. Половцы приободрились и с новой энергией ринулись на русские княжества. Как отмечает летописец, «отворились ворота на Русскую землю». Половец Лавр предложил Игорю бежать. Игорь сперва отказался, но узнав, что половцы, обозленные неудачами, решили перебить всех пленных, согласился бежать. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, и, приехав в родной город Новгород-Северский, он пустился в объезд – в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью. В «Слове о полку Игореве» нет систематического рассказа о походе Игоря. Этот поход и поражение русского войска только повод для глубокого раздумья автора о судьбах Русской земли, для страстного призыва объединиться и защитить Русь. Поражение войска Игоря автор рассматривает как грозное предостережение виновникам несчастий – русским князьям, погрязшим в междоусобных войнах и сделавших родину добычей степных кочевников. Эта мысль – единение русских против общих врагов – и является главной мыслью произведения. В одном из писем к Энгельсу в 1856 году Карл Маркс так определил главную идею «Слова о полку Игореве»: «Смысл поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». Эта идея единения перед лицом страшной внешней опасности подчиняет себе все содержание «Слова». Призыв к единению проникнут в «Слове» самой страстной, самой сильной и нежной любовью к родине.

Древняя русская литература всегда отличалась большим общественным пафосом. Ее слово было словом учительным. Учительным является и «Слово». Автор «Слова» осознает себя «власть имеющим», как и все последующие писатели. Чувствуется высокое сознание своей ответственности, своего писательского долга. Он обращается к князьям не как подданный, а как

библейский пророк, как изобличитель неправды. Автор был независим и смел, говорил как равный со всеми, не унижался до лести, требовал, а не молил. Голос его поднялся до изобличительного пафоса. Есть что-то пророческое в его обличениях и призыве к единению как раз перед нашествием монголов.

«Слово о полку Игореве» – своеобразный по жанровой природе памятник. В нем ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Автор «Слова» ощущает себя говорящим свое произведение, а не пишущим его. Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение. Дело в том, что устная речь, «позиция» оратора характерны для всех жанров древнерусской литературы. Древнерусская литература как бы не успела еще отделиться от устной речи, в ней не успели закрепиться приемы письменного художественного творчества, резко противостоящие устному слову. Сам автор «Слова» называл свое произведение очень неопределенно – то «словом», то «песней», то «повестью», однако своим предшественником признает не какого-либо оратора, а Бояна – певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента. Не исключено, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения. «Слово» тесно связано с произведениями устной народной поэзии. Эта связь ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове», – «плачей» и песенных прославлений – «слав». Но в целом это, конечно, не плач и не слава, это – книжное произведение. Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это, по-видимому, особый род книжной поэзии, еще не успевший окончательно сложиться. Д.С. Лихачев, исходя из двуединной темы «Слова» – эпической и лирической, определяет жанр памятника как лиро-эпический. Он отмечает, что темы эти развиваются параллельно, взаимообогащают друг друга. «Слово» как бы оказывается вне жанровой системы своего времени. Д.С. Лихачев и А.Н. Робинсон сопоставляют «Слово» с жанром так называемых «шансон де жест» – «песен о подвигах», аналогиями ему в таком случае являются, например, «Песнь о Роланде» или другие подобные произведения западноевропейского феодального эпоса. В «Слове» объединены эпическое и книжное начала. «Эпос полон призывов к защите страны, – пишет Д.С. Лихачев. – Характерно его «направление»: призыв идет как бы от народа (отсюда фольклорное начало), но обращен он к феодалам – золотое слово Святослава, и отсюда книжное начало».

Жанровыми особенностями «Слова» определяется и своеобразие его композиции, и система образов. «Слово» начинается обширным вступлением, в котором автор вспоминает старинного певца «слав» Бояна, мудрого и искусного, но тем не менее заявляет, что он не будет в своем произведении следовать этой традиции, а поведет свою «песнь» по «былинам своего времени, а не по замыслу Бояна». Таким образом автор определяет хронологические рамки своего повествования – «от старого Владимира до нынешнего Игоря» и переходит к повествованию о дерзком замысле Игоря Святославича «испити

шеломом Дону». Рассказ о роковой для Игоря битве прерывается авторским отступлением – воспоминанием о временах Олега Святославича, временам губительных междоусобиц, из-за которых гибнет Русская земля. Он говорит о бедах всей Русской земли, говорит о том, что в них повинны сами русские князья, которые начали на себя «крамолу ковати». Только в объединении всех русских сил против кочевников – залог победы, и пример тому – поражение, которое нанес половцам Святослав Киевский, когда половецкий хан Кобяк был взят в плен. Далее повествуется о вещем сне Святослава, предрекающем горе и смерть. Автор, продолжая мысль Святослава, обращается к наиболее влиятельным из русских князей, прославляет их доблесть и могущество, призывает вступить «за обиду сего времени», «за раны Игоревы». Далее автор вновь обращается к судьбе Игоря. В Путивле Ярославна молит силы природы помочь ее мужу, выволить его из плена. В этом лирическом плаче, построенном по образцу народного причитания, звучат свойственные всему памятнику общественные мотивы: Ярославна плачет не только о супруге, но и его «воях», она вспоминает о славных походах Святослава Древнерусского на хана Кобяка. Плач Ярославны тесно связан с последующим рассказом о побеге Игоря из плена. Эпилог «Слова» праздничен и торжествен: вернувшийся на Русь Игорь приезжает в Киев, к великому Святославу, «страны рады, гради веселы». Здравницей в честь князя и заканчивается «Слово».

Основная особенность древнерусской литературы – в создании образных обобщений, в выявлении типичного. Древнерусские произведения были в основном посвящены историческим событиям. Главные герои – это деятели русской истории. В этом плане «Слово» не составляет исключения. Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали. Этот своеобразный средневековый историзм древнерусской литературы был соединен в ней с глубоким патриотизмом. Литература стремилась в своих произведениях к разрешению важных, насущных задач народной жизни и государственного строительства. «Слово» не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела. Оно создает обобщенные образы на основе разнообразного исторического материала и в ограниченной мере, но все же пользуется вымыслом. Вымысел по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Бояну и Всеславу Полоцкому. При этом автор не выдает своего вымысла за действительность, он чисто литературный, условный. Автор «Слова» постоянно сравнивает героев своего произведения со зверями, но это не более чем способ характеристики: Всеволод – «буй-тур», Игорь и его сыновья – соколы, Боян – сизый орел, серый волк, Всеслав Полоцкий – волк и «лютый зверь». Все эти сравнения определяют индивидуальные качества героев повествования. Такой способ характеристики действующих лиц типичен именно для устного народного творчества. Еще один своеобразный прием

художественного обобщения можно отметить в «Слове» – обобщение ольговичей и всеславичей как двух групп князей-крамольников. Такая характеристика родоначальников князей, предложенная в качестве обобщающей характеристики их потомков, связана с очень сильным в русской политической жизни генеалогическим принципом, когда сын или внук того или иного князя считался естественным продолжателем его политики.

«Слово о полку Игореве» – первое из дошедших до нас произведений, которое может быть названо в собственном смысле литературным. Это произведение художественное и в своем целом, и в частях.

Древнерусские авторы не стремятся писать картины природы, описывать ее статические состояния, спокойные пейзажи. Они уделяют природе немного внимания и только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования, она играет в них прямую, не косвенную роль, она «событийна», она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Хотя природа занимает большое место в «Слове о полку Игореве», роль ее та же: здесь нет пейзажа самого по себе, природа воспринимается только в ее изменениях, она введена в события. Природа активна и в этой активности она наделяется почти человеческими качествами. Между природой и человеком стираются грани, она сочувствует, помогает, стремится предупредить об опасности. В «Слове» образы языческих богов как бы стоят между природой и человеком. Союз природы и человека – союз поэтический. Природа придает «Слову» поэтическое звучание.

В древней Руси историческое сочинение писалось вскоре после происшедшего события их очевидцами или современниками. В дальнейшем эти сочинения могли переделываться, дополняться, сливаться с другими произведениями, обрабатываться стилистически и идеологически. «Слово» не составляет исключения в этом отношении. Оно не носит характера компиляции, «свода» предшествующего материала, оно очень цельно по стилю и замыслу, поэтому можно предполагать, что памятник написан современником. Его осведомленность – типичная осведомленность современника, а не эрудит-книжника, воспроизводящего события по различного рода источникам – историческим или архивным. Он видит и слышит события во всей яркости жизненных впечатлений. О принадлежности «Слова» к XII веку свидетельствует и язык памятника. В тексте «Слова» есть указания на то, что оно написано вскоре после описываемых событий. «Слово» нигде не упоминает о событиях, произошедших после 1187 года. В 1196 году умер буй-тур Всеволод, в 1198 году Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем на половцев, но все это осталось без упоминаний в «Слове». Не

упомянуты и другие события русской истории, произошедшие после 1187 года. В частности, в числе живых князей упоминается умерший в 1187 году Ярослав Осмомысл Галицкий, к нему автор обращается с призывом стрелять в врага «за землю Русскую, за раны Игоревы». Отсюда следует, что «Слово» написано не позднее 1187 года, но оно не могло быть написано и ранее 1187 года, так как заключается «славой» «молодым» князьям, в том числе и Владимиру Игоревичу, который только в 1187 году вернулся из плена.

В начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А.И. Мусиным-Пушкиным был найден список «Слова», переписанный в XVI веке. Текст находился в сборнике древнерусских произведений светского характера. Он был приобретен А.М. Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря – Иоила Быховского. Помимо «Слова», в этом сборнике были «Хронограф», летопись, «Сказание об Индийском царстве», повесть «Об Акире Премудром», «Девгениево деяние». Сборник этот сгорел во время пожара Москвы в 1812 году, когда горела библиотека Мусина-Пушкина. Первое краткое сообщение о «Слове» было сделано поэтом того времени М.М. Херасковым в 1797 году во втором издании его поэмы «Владимир». Более подробное сообщение было сделано Н.М. Карамзиным в журнале, издававшемся французскими эмигрантами в Гамбурге, за 1797 год. С рукописи памятника была снята копия для Екатерины II, которая заключала в себе перевод, примечания и краткую справку о «Слове». В 1800 году А.И. Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с А.Ф. Малиновским, Н.Н. Бантыш-Каменским и историком Н.М. Карамзиным было издано «Слово о полку Игореве».

ЛЕКЦИЯ 6

Повести о татарском нашествии

Переводная литература, имеющая обширнейший круг, способствовала обогащению и развитию оригинальной русской литературы. На примере переводных исторических повестей на Руси создаются оригинальные повествовательные памятники, отражающие историю Русского государства. Особое место среди этих произведений занимают повести, раскрывающие трагические страницы русской истории – период нашествия татар на Русь и установления многовекового татарского ига на Руси.

В первой половине XIII столетия Русская земля подверглась нашествию татар. Страшные полчища степных кочевников, объединенные Темучином – Чингиз-ханом, двинулись с востока на запад. С 1237 по 1240 год русский народ вел мужественную борьбу с неисчислимыми силами врага. Феодальная раздробленность Русской земли способствовала успеху врага. События,

связанные с татарским нашествием, получили широкое отражение в литературе той поры.

«Повесть о битве на реке Калке». Первое столкновение русских с монголами произошло в 1223 году на реке Калке (Кальмиус). Летописная повесть об этой битве дошла до нас в двух редакциях, она создана в дружинной среде. Повесть последовательно и обстоятельно излагает ход событий. Она хорошо передает настроение русского общества при известии о появлении монголов. Весть эта была встречена с крайним недоумением. Автор отмечает, что явились народы, которых никто не знает, и он ссылается на философско-исторический труд Мефодия Потарского «Откровение», где обзревались судьбы человечества от Адама до «второго пришествия» (VII век). Он считает, что татары – это народы, разбитые Гедеоном и запертые им в пустыне Етревской, а появление их знаменует собою конец света. Отсюда вытекает религиозно-моралистическая трактовка события: приход татар – следствие попустительства божия «грех ради наших».

В 1237 году основные силы Золотой Орды во главе с преемником Великого Чингиза Бату – ханом Батыем подошли к границам Северо-Восточной Руси. Первый удар степные кочевники нанесли Рязани, а затем был разгромлен Владимир. События, связанные с героической защитой русским народом своей земли, получили яркое художественное воплощение в **«Повести о приходе Батыя на Рязань»**. Повесть прославляет мужество и героизм защитников Рязани – князя Юрия Ингоревиича, его братьев Давида и Глеба и рязанских дружинников – «удальцов», «резвецов» – достояние рязанского славного богатыря Евпатия Коловрата. Причину поражения рязанцев автор усматривает в феодальной обособленности русских княжеств, в эгоистической политике князей. Органически не связанными со всем содержанием повести являются религиозно-моралистические рассуждения о причинах гибели Рязани: попустительство божие, наказание за грехи. Эти рассуждения автора не могут заслонить главной причины – забвение владимирским великим князем интересов всей Русской земли.

Повесть состоит из четырех частей. Первая – появление Батыя на границах Рязанской земли, посольство рязанцев к Батыю во главе с князем Федором, гибель Федора и его жены Евпраксии. Вторая – героическая защита Рязани Юрием Ингоревиичем, гибель защитников и разорение Батыем Рязани. Третья – подвиг Евпатия Коловрата. Четвертая – обновление Рязани Ингварем Ингоревиичем.

Концовка повести свидетельствует об оптимизме, жизнестойкости русского народа, его непоколебимой вере в возможность избавления от татарского ига. Повесть верно передает настроение общества того времени и отличается живостью, яркостью и драматизмом повествования.

«Слово о погибели Русской земли». Разорение Русской земли татарами вызывало не только скорбь о ее бедствиях, но и надежды на избавление от гнета

в будущем. Пробуждению этих надежд должны были служить воспоминания о прошлом процветании, о недавнем государственном могуществе Русской земли. В этом отношении любопытно одно небольшое произведение – «Слово о погибели Русской земли». Это замечательное поэтическое произведение, впервые найденное только в конце 70-х годов XIX века К.Г. Евлентьевым и опубликованное в 1892 году Х.М. Лопаревым. В конце 40-х годов XX века В.И. Малышевым был обнаружен новый список этого памятника. В обращении к «светло-светлой и прекрасно украшенной земле Русской» автор прославляет красоты природы, материальные богатства и силы древней Руси. Вслед за этим называются многие племена, определяются огромные пространства, покоренные Русским государством. Из князей особенно величественным показан Владимир Мономах. Текст обрывается на замечании о том, что «...в ты дни приключилась болезнь христианам» (т.е. – нашествие татар). Несмотря на фрагментарность, «Слово» блестяще выразило идею единства и мощи Русской земли, жизненно необходимую в период феодальной раздробленности и ослабленности под гнетом татар. Для выражения этой идеи неизвестный автор нашел яркие словесные краски, взятые частью из книжной риторики, частью из устной поэзии. Образ Владимира Мономаха, данный в легендарно-гиперболических чертах, носит следы влияния фольклора. Опубликованный в 90-х годах XIX века памятник Х.М. Лопарев считал «началом великолепной поэмы XIII века, оплакивающей гибель Руси».

Московская литература

В 1223 году на реке Калке произошло первое столкновение русских с татарами, окончившееся жестоким поражением русских войск. Через четырнадцать лет, в 1237 году, татары во главе с Батыем предали «огню и мечу» большинство княжеств Руси. Русская земля вынуждена была в течение нескольких столетий нести тяжелое бремя татарского ига. Но Русь существовала как определенная государственная формация феодальных княжеств. Русь постепенно приближалась к образованию централизованного государства. Процесс организации централизованного государства ускорился борьбой с внешними врагами, в частности, с татарским игом. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы явилось Мамаево побоище, которое произошло в княжение Дмитрия Донского в 1380 году.

Период княжения Дмитрия Донского характерен усилением Московского княжества. Золотоордынский хан Мамай сознавал опасность усиления Московского княжества для Золотой орды. Стремясь ослабить его, он в 1378 году предпринимает поход на Москву. Силами Мамаево руководил Бегич, а русскими – Дмитрий Донской. Битва произошла на реке Волге и окончилась поражением татар. Мамай начал готовить новый поход против Москвы. Дмитрий Донской, узнав об этом, в свою очередь начал собирать русские силы.

Он сплотил вокруг Москвы все русские княжества. В этом единении вокруг Москвы большинства русских княжеств и была сила Дмитрия Донского и поход против Мамаея приобрел общерусский, общенародный характер. В союзе с Мамаем выступил литовский князь Ягайло Ольгердович и князь постоянно соперничающего с Москвой княжества Рязанского Олег. Сборным пунктом русских сил была назначена Коломна, откуда 20 августа 1380 года русское войско, переправившись через Оку, в месте впадения в нее реки Лопасты, пошло на юг, к истокам реки Дона. Местом боя было выбрано Куликово поле. Татары расположились в южной части Куликова поля, имея в своем тылу наиболее высокую точку данной местности – Красный холм. Кровопролитная битва началась утром 8 сентября. В ходе боя татары стали одолевать русских и пригнали их к Нерядве. Когда победа, казалось, почти уже была на их стороне, в правый фланг татарских полков ударили свежие силы засадного полка. Это решило исход боя: татары были разбиты и обратились в бегство. Победа досталась русским тяжелой ценой: потери были чрезвычайно велики. Ягайло, узнав о поражении Мамаея, ушел в Литву. В Литву же бежал из своего княжества Олег Рязанский. Мамай, вернувшись в Орду, снова собрал силы и хотел пойти на Москву, но в это время из-за реки Яика пришел хан Тохтамыш. На Калке между ними произошла битва, в результате которой Мамай потерпел поражение. В Орде воцарился Тохтамыш.

Битва на Куликовом поле вызвала к себе неослабевающий интерес как в ближайшие годы, так и в последующие десятилетия. Ни одному историческому событию не было посвящено столько литературных памятников, как Мамаеву побоищу. Вскоре после битвы была написана **«Летописная повесть о Мамаевом побоище»**. Этот рассказ ярко окрашен непосредственными, свежими впечатлениями от описываемых в нем событий. Особенно характерна оценка, которая дана князю-изменнику Олегу Рязанскому. Автор называет его «душегубивым», «лихоимцем», «Иудой», «кровопийцем» и т.п. Это произведение проникнуто идеей предопределенности: победа над Мамаем и роль в этой победе великого князя Московского объясняется в ней предначертанием «божественной воли». В соответствии с этим исход боя решается не умелыми действиями полководца и мужеством русских воинов, а появлением на поле брани полков «святых», которые с неба поражают татар и обращают их в бегство. Таким образом, в повести историческое событие получает типичную средневековую церковную интерпретацию – все зависит от воли Бога.

Вскоре после Куликовской битвы было написано поэтическое произведение куликовского цикла – **«Задонщина»**. Под таким названием это произведение встречается в самом раннем из дошедших до исследователей списков Кирилло-Белозерского монастыря (70-е годы XV века), где оно озаглавлено: «Писание Софония старца рязанца, благослови отче. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера

Андреевича». Памятник этот имеет и другое название: «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Писание Софония старца рязанца». Только из заглавия и известно имя автора – Софоний рязанец, но более достоверных, подробных сведений о нем не имеется. Уже первые исследования «Задонщины» указывают на близость его со «Словом о полку Игореве». Существование «Задонщины», литературного памятника конца XIV века, в котором мы встречаем не только отдельные слова или фразы, восходящие к «Слову», но и целые отрывки из него, с полной очевидностью свидетельствует о подлинности «Слова о полку Игореве». Но вместе с тем эта близость двух памятников, служила причиной того, что многие исследователи считали ее лишь рабским подражанием «Слову о полку Игореве» и не видели в ней художественной ценности оригинального произведения. Существует также точка зрения, что «Слово о полку Игореве» написано под влиянием «Задонщины».

Необходимо отметить полную идейную самостоятельность «Задонщины». Автор шел в своем произведении прежде всего от события, которому этот памятник посвящен, от его высокой оценки, от понимания его исторической роли в жизни страны. Основной идейный смысл, пафос «Задонщины» – в прославлении Москвы и московского князя, в утверждении, что объединение всех русских князей вокруг московского князя привело к поражению татар. Обращение к «Слову» как образцу для своего произведения не случайно и не является показателем литературного бессилия, беспомощности. Это обращение к памятнику конца XII века обусловлено исторической эпохой и внутренней близостью этих двух памятников. Время после Куликовской битвы в русской культуре и идеологии характеризуется повышенным интересом к прошлому, к истории Русской земли. В связи с победой на Мамаевом побоище для Софония неизбежно вставал вопрос о татарах в историческом плане, потребность рассмотреть их значение в прошлом, понять причины русских поражений. Автор сумел уловить основной идейный смысл «Слова» – призыв русских князей к единению перед лицом врага. Зная историю своей родины, он видел, что событие, рассказанное в «Слове», было одним из тех, которые привели Русь к поражению на Калке, а далее – к татарскому игу. Взяв «Слово» за образец, автор как бы сопоставлял события XII и XIV веков. Читатель, знавший «Слово», при чтении «Задонщины» невольно должен был сопоставить их. Ясна была их основная идея – если в стране будет междоусобица, то страну ожидает чье-то иго, а вот если все объединятся под знаменем одного князя – то тогда, как это и произошло после объединения вокруг московского князя, враг будет побежден. В этой идейной связи и кроется причина, побудившая Софония обратиться к «Слову о полку Игореве».

Автор «Задонщины» не просто берет образы из «Слова», а перерабатывает их. Если перед походом Игоря солнце «тьмою путь закрывает», то перед походом Дмитрия Донского солнце «ясно сияет и указывает ему дорогу». В

«Задонщине», как и в «Слове», широко использованы образы и сравнения из окружающей природы.

Поэтический план «Задонщины» состоит из двух основных частей: «жалости» и «похвалы». Этим двум частям предшествует небольшое вступление, которое ставит своей целью не только настроить слушателя на высокий торжественный лад, но и определить основное тематическое содержание произведения: дать «похвалу» Дмитрию Ивановичу и его брату Владимиру Андреевичу, возвести печаль на восточную страну. Автор подчеркивает генеалогическую связь московского князя с великим князем киевским – Владимиром, как бы устанавливает тем самым родственную преемственность Москвы и Киева. Стиль повествования радостный, мажорный, автор проникнут сознанием конца периода «тучи» и «печали». В «Задонщине», по сравнению со «Словом», значительно усилен христианский элемент, вовсе отсутствуют языческие мифологические образы. В уста героев вкладываются благочестивые размышления, молитвенные обращения, вводятся элементы религиозной фантастики (Борис и Глеб молитву творят «за сродники своя»), русские войска сражаются за «святые церкви, за православную веру». В «Задонщине» подчеркнута политическая роль Москвы и московского князя в борьбе с татарами. И в этом отношении «Задонщина» явилась произведением, пропагандирующим идею сплочения, объединения русских земель вокруг Москвы.

На основе летописной повести о Куликовской битве, «Задонщины» и устных преданий было создано **«Сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского»**, дошедшее до нас в многочисленных списках и в четырех редакциях. В «Сказании» усилен религиозный элемент, а в одной из редакций на первое место выдвинута фигура митрополита Киприана. Сказание по характеру сродни житиям, и автор стремится придать памятнику пышную, торжественную и парадную форму, непомерно усиливая риторику, расширяя описание чудес.

Новгородская литература

Новгород менее других северо-восточных городов пострадал от татарского ига. Новгородская литература, известная с XI века, переживает в XIII–XIV веках эпоху расцвета. Кроме «Жития Александра Невского», в это время создается несколько интересных легенд и «хождений». Отражая сопротивление Новгорода объединительной политике Москвы, новгородская литература долго сохраняет местный характер, продолжая развиваться и в период политического упадка «вольного города» (XIV–XV вв.). Древнейшим памятником новгородской литературы является летопись, которая возникла в 30-х годах XI века и велась непрерывно до потери политической самостоятельности в 1478 году. Древнейшая новгородская летопись имела чисто внутренний характер,

лишь с XIII века тематика ее расширяется, появляется понятие Русской земли, летописец начинает следить за событиями и в других княжествах. Так, например, в летописи, относящейся к 30-м годам XIV века намечается расширение тематики. При архиепископе Евфимии II (1429–1459 гг.) происходит дальнейшее развитие летописания и расцвет литературы. По поручению Евфимия в 1432 году создается Софийский временник, в котором в центре истории Руси ставится Новгород. В этом своде были заложены определенные исторические основы для политических притязаний Новгорода. Сторонниками присоединения Новгорода к Москве в 1448 году создается новый летописный свод с явно выраженной общерусской политической демократической тенденцией. Евфимий II способствует установлению в Новгороде культа архиепископа Иоанна (1163–1183 гг.). С именем Иоанна было связано предание о чудесном избавлении Новгорода от нападения суздальцев в 1169 г.

Прославлению святости новгородского архиепископа Иоанна посвящена повесть **«Путешествие Иоанна на бесе в Иерусалим»**. Основу сюжета повести составляет типичный для средневековой литературы мотив борьбы праведника с бесом. Однако в этом фантастическом сюжете нетрудно обнаружить реальные черты быта дворянства того времени. Повесть отличается занимательностью, яркими деталями быта. Одной из форм защиты утраченной независимости было утверждение превосходства новгородской церкви над московской. В ложно-исторических рассказах доказывалась преемственность новгородской церкви непосредственно от византийской, а новгородские архиепископы представлялись единственными хранителями святынь, перешедших к ним прямо из Византии. В этом отношении особенно характерна повесть, возникшая в первой половине XVI века – **«Повесть о новгородском белом клобуке»** (клобук – головной убор высшего духовенства). К популярному имени Иоанна приурочена **«Повесть о новгородском посаднике Щиле»**. Она создана на основе устного предания о ростовщике-монахе Щиле, построившем церковь Покрова в Новгороде в 1320 году. Повесть ставила своей целью доказать спасительность заукойных молитв и необходимость подушных церковных вкладов. Повесть направлена против еретических учений «стригольников» и «жидовствующих».

В новгородской литературе XV века обнаруживается наличие областнических тенденций, идущих от верхов феодального общества. В то же время в литературе отразились и народные представления, которые вносили в нее живую струю занимательности и конкретности изображения.

Муро́мо-Рязанская литература

Характерные особенности древней русской повести конца XV – начала XVI века ярче всего обнаруживаются в выдающемся произведении муро́мо-

рязанской литературы – «**Повести о Петре и Февронии**». Это наиболее интересная повесть по своим идейно-художественным особенностям. В ней в отчетливой форме наблюдаются признаки повести как определенного литературного вида на данном этапе его развития. Автор говорит о прошлом своего Муромского княжества. Но его рассказ своим внутренним смыслом обращен не к прошлому, а к настоящему. Он переносит в прошлое свойственные московским идеологам времени централизованного Русского государства на рубеже XV–XVI вв. представления о князе, княжеской власти, взаимоотношениях князей и бояр и пр. Для автора это истинные «самодержцы», самое нарушение «волеизъявлений» которых неизбежно порождает общенародные бедствия; они борются с боярами, стремящимися к власти, и побеждают. Оценка прошлого в свете понятий, складывавшихся на новом этапе исторической жизни древней Руси, свидетельствует о прогрессивных началах повести, раскрывает ее истинный идейный смысл. Перед автором «Повести» как перед художником неизбежно вставала задача художественного обобщения исторических явлений прошлого, периода феодальной раздробленности Руси, и явлений настоящего. Автор не был в состоянии самостоятельно создавать такие художественно-обобщенные образы, которые соответствовали бы его идейно-эстетическим требованиям и позволили бы ему в художественной форме выразить восприятие положительных и отрицательных явлений жизни, дать им эстетическую оценку. В осуществлении этой задачи он искал опоры для себя и нашел ее в устной народной поэзии. В первой части повести автор следует сюжету эпической песни или сказания об огненном летающем змее, но все действующие лица претендуют на полную историческую достоверность. Элементы реалистичности пронизывают повествование в этой части. В композиции повести первая часть вырисовывается одновременно как экспозиция и завязка. Автор знакомит читателя со своим главным героем и чертами былинной образности дает ему эстетическую оценку: Петр – это героическая личность, змееборец былинного эпоса в исторической обстановке.

В основу второй части легла сказка о мудрой деве. Мудрость сказочной девы проверяется не только решением невыполнимых заданий, но и тем, сможет ли она «уврачевати» князя. Врачевание князя кладет начало романтическому содержанию «Повести», ее любовной интриге. Но здесь автор оберегает князя от унижения: не Петр, а один из его отроков встречается с Февронией и оказывается посрамленным ее мудростью. Особенно замечательно претворен в повести сказочный эпизод изгнания «мудрой девы» из дома ее знатного мужа. В сказке «мудрую деву» всегда изгоняет ее муж, убедившись в том, что она своим умственным превосходством лишает его авторитета среди окружающих. Петр и в этом случае освобожден от такой неблагоприятной роли, и весь эпизод дается в ином, в социальном плане. Героиня вынуждена оставить княжеский дом вследствие мятежа бояр. Сперва бояре хотят изгнать только Февронию, но вынуждены согласиться отпустить с нею и Петра. Тут уже

причины изгнания принимают другой характер – политический. Нет ничего сказочного и в возвращении героев. Явно, что автор – сторонник князя, противник бояр. Образ Февронии – это поэтический образ крестьянской девушки, своей простотой и непосредственностью, сказочной «мудростью» побеждающей бояр. Это образ любящей и преданной жены, умно, внешне незаметно, но постоянно благотворно влияющей на управление княжеством. Автор удачно воспользовался тем социальным конфликтом, на котором построена сказка о мудрой девице. Изображая конфликт между княгиней-крестьянкой и боярами, он поднимается до широких обобщений в описании мятежа бояр. Построение второй части повести на любовной интриге, осложненное изображением феодальной борьбы, бесспорно является вершиной новаторства автора. Трактовка любви как человеческого чувства без всякой мотивировки ее возникновения вмешательством злой дьявольской воли, любви как личного чувства, осложненного социальным конфликтом, – является чуть ли не единственным примером в повествовательной литературе древней Руси.

В повести кроме фольклорной традиции есть и традиции русской житийной литературы. Идеальная жизнь и мудрое правление княжеством, с точки зрения автора, заслуживает ореола святости. Он украшает им своих героев в последние дни их жизни. Это третий аспект, в котором автор повести показывает Петра и Февронию. Но это не было основной задачей его труда, и поэтому здесь он предельно лаконичен. В этой части он окончательно покидает свой фольклорный источник. Автор обнаруживает осведомленность в агиографическом жанре, но все же и на последних страницах повести не подчиняет свое изложение житийной манере письма.

Автор на легендарно-историческом материале сумел поставить политические и социальные вопросы, волновавшие людей в конце XV века.

Повести о смутном времени

Традиции исторической повествовательной литературы XVI века продолжают развиваться в произведениях периода борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией и крестьянской войны под руководством Болотникова. Литература этого периода отразила рост национального самосознания. Это проявилось в изменении взгляда на исторический процесс: ход истории определяется не божьим изволением, а деятельностью людей. Повести начала XVII века уже говорят о народе, об его участии в борьбе за национальную независимость своей родины, об ответственности «всей земли» за свершившееся. Определяется повышенный интерес к человеческой личности, появляется стремление изобразить внутренние противоречия характера и вскрыть те причины, которыми эти противоречия порождены. Характеры исторических лиц в произведениях начала XVII в. показаны на фоне народных толков о них. Деятельность человека дается в исторической перспективе, и

впервые начинает оцениваться в его «социальной функции» (Д.С. Лихачев). Событиями 1604–1613 гг. был нанесен сокрушительный удар религиозной идеологии, безраздельному господству церкви во всех сферах жизни: не бог, а человек творит свою судьбу, не божья воля, а деятельность людей определяет исторические судьбы страны. Усиливается роль торгово-ремесленного посадского населения, а это влечет за собой дальнейшую демократизацию литературы. Все это приводит к «обмирщению» культуры и литературы в XVII столетии, т.е. к постепенному освобождению ее от опеки церкви, постепенному вытеснению церковных жанров и появлению новых, чисто светских жанров литературы.

Непосредственным откликом на события начала века явилась **«Повесть о преставлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского»**. Своими победами над Лжедмитрием II Скопин-Шуйский стяжал славу талантливого полководца. Его внезапная смерть в апреле 1610 года породила различные толки о том, что якобы из зависти он был отравлен боярами. Повесть начинается риторическим книжным вступлением, в котором делаются генеалогические выкладки, возводящие род Скопина-Шуйского к Александру Невскому и Августу-кесарю. Центральный эпизод – описание пира-крестин у князя Воротынского. Включая ряд бытовых подробностей, автор обстоятельно рассказывает о том, как герой был отравлен женой своего дяди Дмитрия Шуйского, дочерью Малюты Скуратова. Здесь имеются характерные элементы былинной народной поэтики. Вторая часть, посвященная описанию смерти героя и всенародного горя по поводу его кончины, выполнена в традиционной книжной манере. Повесть имеет ярко выраженную антибоярскую направленность, прославляет Скопина-Шуйского как национального героя, защитника своей родины от врагов-супостатов.

Выдающимся историческим произведением, ярко отразившим события эпохи, является **«Сказание»** келаря Троице-Сергиевского монастыря Авраамия Палицына, написанная в 1609–1620 гг. В «Сказании» повествуется о событиях «смутного времени» с 1584 по 1618 год. «Сказание» состоит из ряда самостоятельных произведений:

1. Небольшой исторический очерк событий от смерти Грозного до воцарения Шуйского, где Палицын объясняет связь «смуты» с незаконным похищением царского престола Годуновым и его политикой.

2. Подробное описание 16-месячной осады Троице-Сергиевского монастыря войсками Сапеги и Лисовского. Эта часть создана Авраамием путем обработки записок участников обороны монастырской крепости.

3. Повествование о разорении Москвы поляками, ее освобождении, избрании на престол Михаила Романова и заключении мира с Польшей.

Авраамий старается подчеркнуть заслуги в борьбе с врагами монастыря, вводит в повествование религиозно-фантастичные картины: чудеса, видения, цель которых доказать, что монастырь находится под покровительством

небесных сил. Автор «Сказания» признает решающую роль народа в борьбе с врагами. Он изображает подвиги монастырских слуг, монастырских крестьян и подчеркивает, что монастырь был спасен народом. Большое внимание уделено изображению поступков, помыслов человека. Автор сделал значительный шаг в деле признания народа активным участником исторических событий.

Существенные изменения претерпевает в XVII веке жанр исторической повести, о чем свидетельствует **«Повесть об Азовском осадном сидении данских казаков»**. А.И. Робинсон считает, что автором повести был казачий есаул Федор Порошин, прибывший вместе с казачьим посольством в 1641 году в Москву для того, чтобы убедить царя и правительство принять от казаков крепость Азов «под свою руку» (эту крепость казаки захватили в 1637 году у турок и отстояли в 1641 году). Федор Порошин, участник событий, правдиво и детально описывает подвиг донских казаков. Повесть написана в форме деловой письменности, но жанру деловой письменности он придал яркое поэтическое звучание за счет творческого использования казачьего фольклора, а также правдивого и точного описания самих событий. Герой повести – не выдающаяся историческая личность, а горстка отважных и мужественных смельчаков-казаков, совершивших героический поступок. Высокое чувство национального самосознания, чувство патриотизма вдохновляло их на подвиг. Казаки любят свою родину и не могут изменить ей, поэтому с ядовитой иронией отвечают они турецким послам на предложение сдать крепость без боя и перейти к султану. Ответ казаков туркам в известной степени предвосхищает знаменитое письмо запорожцев турецкому султану. Автор гиперболически описывает приход вражеских сил под Азов, поэтически изображает прощание казаков. Прославляя казаков, автор не может не отдать дань традиции: победа, достигнутая казаками, объясняется результатом чудесного заступничества небесных сил во главе с Иоанном Предтечей. Но религиозная фантастика служит лишь средством возвеличения патриотического подвига защитников Азова.

В языке повести отсутствует книжная риторика и широко представлены элементы живого разговорного языка. Чувствуется стремление создать образ массы, передать чувства, мысли и настроения этой массы, а также утвердить силы народные, торжествующие над силами «царя турецкого».

Во второй половине XVII века историческая повесть начинает утрачивать свой историзм, приобретая характер любовно-приключенческой новеллы, которая в свою очередь служит основой для дальнейшего развития авантюрно-приключенческого любовного романа. Внимание авторов переносится на личность человека, на его жизнь, характер. Писателя и читателя все больше интересуют морально-этические и бытовые вопросы. Например, «Повесть о начале Москвы».

ЛЕКЦИЯ 10

Публицистика Древней Руси

Выдающимся памятником первой половины XIII века является публицистический памфлет «Моление Даниила Заточника», который дошел до нас в списках XV–XVI вв. в двух редакциях. Первая редакция была адресована Ярославу Владимировичу, который княжил в Новгороде с 1182 по 1199 год. В ней отсутствует конкретный материал, обличения Даниила носят обобщенный характер, основной удар направлен против «злых жен». Вторая редакция адресована Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, княжившему с 1213 по 1236 год. Эта редакция наполнена конкретным социально-обличительным материалом, направлена против бояр и монахов.

Как бы мы ни смотрели на происхождение отдельных редакций «Моления», ясно одно – «Моление» не только читалось и переписывалось – оно постоянно перерабатывалось, дополнялось, из него делали выборки, оно жило, творилось в течение ряда веков. При этом удивительно следующее: каждый из его соавторов умел попадать в стиль «Моления» и не расходиться с его идеологией. Вновь дописанное или переработанное почти не отличалось по своему характеру от основной части, точно стиль, в котором было написано «Моление», был хорошо знаком всем, кто так или иначе «вмешивался» в работу автора этого произведения.

Характерной особенностью «Моления» является стремление установить новые критерии для определения общественной ценности человека. В литературе предшествующего периода присуща была традиция оценивать человека по положению на иерархической лестнице. «Моление» выступает против этой традиции, впервые в литературе здесь утверждается право человека на уважение в зависимости от личных качеств. Автор «Моления» считает, что право человеку на уважение дает прежде всего его ум. И именно с риторического прославления ума начинается «Моление». Даниил протестует против отношения к человеку по сословному признаку, по его принадлежности к имущим слоям. Главное в человеке – его личные, внутренние качества, важным из которых является разум, он показывает превосходство ума над ратными подвигами: «Лучше един мудр десяти хоробрующих без ума». Даниил выступает против бояр, которые не могут оценить человека, постоянно унижают его. Он сам находится в материальной зависимости от бояр и просит князя взять его на службу к себе. Осуждает богатство, которое развивает в человеке «гордость и буесть». При этом Даниил указывает на возможные пути освобождения от боярской зависимости и сам же отвергает их, например, пострижение в монахи. Он с негодованием говорит о монахах и впервые в древнерусской литературе использует элементы сатирического изображения монашеского быта. Даниил выступает и против другого пути – женитьбы на

богатой невесте. Даниил отмечает, что войти в дом к богатому тестю – это не что иное, как унижение человеческого достоинства. Попутно Даниил дает образ «злой жены» – яркий сатирический образ, в котором сказывается влияние церковной литературы.

В центре «Моления» – образ идеального князя, мудрого и справедливого правителя, способного установить социальную справедливость. По мнению автора, князь – единственный, кто может избавить его от боярской зависимости и от нищеты, в его представлении князь – это солнце, которое «согревает подданных лучами своей милости». Только «страх княжеской грозы» способен защитить его достоинство от поругания, «подобно ограде твердой». Князь «украшает людей своей милостью», как весна украшает землю цветами, как солнце «греет он лучами своей милости подданных». Обратив «тучу милости своей на землю скудости моя» призывает Даниил князя. Но, при этом, Даниил не ставит вопроса о социальном равенстве. Он сторонник сохранения «холопства» – «как бы ни был горделив и буяв холоп, но укора ему своего не избыти – холопья имени», подобно тому, как котлу с золотыми кольцами «не избыть черноты».

Исходя из этого, И.У. Будовниц считает, что Даниил является представителем мелкого феодального военного люда, нарождающейся новой социальной прослойки господствующего класса – служилого дворянства, которое и стремится занять место у кормила правления, оттеснить бояр. Было сделано несколько попыток определить ту среду, к которой принадлежал автор «Моления». Эти попытки приводили к внешне противоречивым результатам. Одни считали его дворянином (И.У. Будовниц), другие – дружинником князя (Миндалев), третьи – холопом (Н.К. Гудзий), четвертые предполагают, что Даниил вообще не имеет устойчивого социального положения (Б.А. Романов). Но при всем этом одно несомненно, что автор принадлежал не к господствующим классам, а к зависимым. Сам он называет себя «холопом». Называл ли он себя так в точном либо узком значении этого слова или в широком значении – «слуга», «подданный», «зависимый человек», – бесспорно лишь, что он подчеркивал свое невысокое социальное положение. К какой бы категории зависимых людей он ни принадлежал, одна черта выделяет его из всех – он подчеркивает свою полную зависимость только от князя, только в князе видит возможный источник своего благополучия, только князя восхваляет, возводит до небес. Это позволяет видеть в Данииле типичного княжеского «милостника», которых особенно много было во Владимиро-Суздальской земле и которые вербовались из самых различных категорий «зависимых» людей. К «княжеским милостникам» относит его Д.С.Лихачев.

Даниил сравнивает князя с весной, украшающей землю цветами, с рекой, напояющей людей и зверей. Князь «посылает тучу, грозу». Он так богат, что богатства его «нельзя истощить, как чашею нельзя вычерпать море». Щедрый князь – отец слугам, он «заступник теплый», он дает «богатство и славу», как

земля овощ, как дерево плод. К нему все приходят и «обретают от печали избавление». В тоне этого панегирика трудно уловить иронию. Но, конечно, князь для Даниила не был фигурой священной и непогрешимой. Его отношение к князю определяется сравнениями из животного мира. Князь подобен орлу над птицами, осетру над рыбами, льву над зверями. В целом, это положительная фигура, так как он своей властью может вызволить зависимого человека из нищеты, поднять его по лестнице социальных отношений, защитить от произвола богатых. Князь – защитник Родины от иноземных захватчиков. Но при всей «демократичности» идейных позиций автора, мы не можем называть их народными, как и позиции автора «Слова о полку Игореве». Позиции автора «Моления» связаны со слишком узкими, временными и местными задачами, понятие Родины оттеснено на второй план. Его кругозор ограничен, идеалы затемнены личными интересами. Но элементы народности присутствуют в идейном содержании, в художественной основе. При этом в обоих случаях народность выступает в некотором ограничении. Если автор «Слова о полку Игореве» черпает художественные средства из народной лирики и народной исторической песни, то автор «Моления» связан с поэзией скоморохов. Автор «Моления» – «зависимый» человек и не только юридически и материально, но и, в некоторой степени, идейно. Поэтому и наблюдается стилистическая связь с произведениями скоморохов, которые также принадлежали к числу «княжеских милостников».

Как справедливо отмечает В.Г. Белинский: «Кто бы ни был Даниил Заточник, – можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и хвалят, потом сживают со свету, и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить».

Следует отметить, что автор «Моления» – человек необычайно начитанный. Даниил говорит, что он вырос не в Афинах, учился не у философов, а, подобно трудолюбивой пчеле, «гадая по книгам», избирает «сладость словесную», совокупляет «мудрость, яко в мех воду морскую». Даниил – это своего рода «интеллигент» древней Руси XII–XIII вв., «интеллигент», принадлежащий к эксплуатируемым слоям населения.

В «Молении» тесно переплетаются панегирик княжеской власти и милости, страстная мольба автора и обличения. «Моление» состоит из целого ряда непрерывно следующих друг за другом обращений: «Княже, мой господин!» С помощью этих обращений Даниил как бы членит материал. Часто он вступает в воображаемый диалог – полемику с князем.

«Моление» в своей образной системе больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI–XIII вв., опирается на явления русского быта. Знаменательно, что все эти бытовые черты выхвачены автором из жизни не в порядке повествования, а для построения сравнений, метафор, отдельных образов. Русский быт, при этом самый обыденный, проникает в поэтическую систему. В этом отношении «Моление» представляет собой явление из ряда вон выходящее. Обилие образов, взятых из различных трудовых профессий, из быта, лежит в непосредственной связи с так остро и настойчиво декларированной Даниилом его принадлежностью к низшим слоям общества. Низкое положение Даниила на лестнице общественных отношений – это не только факт его личной жизни, оно определяет и его литературную позицию, самый стиль его произведения и его идеологию. Его социальное положение соответствует его литературной позиции. Он вносит в литературу черты трудового быта, народной мудрости – «мирских притч».

В своем произведении Даниил использует книги «священного писания», заимствует изречения из сборника «Пчела», привлекает исторические примеры из «Повести временных лет». Соответствия со «священным писанием» рассматривались только в плане заимствования. Исследователи не обращали внимание на тот шуточный оттенок, который приобретали выдержки из «священного писания» под пером Даниила. Д.С. Лихачев указывает, что функции всех этих цитат заключались в том, чтобы выпросить милостыню у князя, а не милость у Бога. Даниил шуткой выпрашивает у князя материальной помощи, а не в молитвенном горении обращается к Богу о духовной помощи. В этой перемене функций цитат и заключен элемент комичности, заключена сама природа стиля «Моления». Отличительной особенностью стиля этого произведения является афористичность. Афоризмы Даниила – в большинстве своем книжного происхождения, но есть и народные пословицы. Прибегает Даниил и к определенной ритмической организации речи путем рифмовки отдельных поговорок: «Кому Переславль, а мне гореславль», «Кому Боголюбово, а мне горе лютое». Разнообразны и богаты сравнения, восходящие к устному народному творчеству.

Афористичная, образная речь «Моления» обеспечила ему большую популярность в древней литературе, афоризмы Даниила использовались в исторической и публицистической литературе.

Публицистика XVI века

Публицистическая мысль переживает расцвет в бурный XVI век, оставивший глубокий след в истории Руси. На протяжении XVI века в России насчитывалось не менее 35 публицистов, которые в своих произведениях касались самых разнообразных вопросов своего времени. Это Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Вассиан Косой, Максим Грек, старец

Филофей, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр, Иван Пересветов, Ермолай Еразм, царь Иван Грозный, князь Курбский и др. Эти публицисты откликались на все жгучие вопросы современности, будили мысль, волновали умы, формировали общественное мнение, и мимо них не может пройти ни один историк русской культуры и русской общественной мысли. Шестнадцатый век – это период крутого поворота в истории страны. Это было время, богатое драматическими событиями и глубокими социальными потрясениями. Дальнейшее развитие производительных сил страны и связанный с этим рост товарно-денежных отношений; усиление феодальной эксплуатации крестьянства, почти полное его обезземеление и закрепощение, сопровождавшееся ожесточенной классовой борьбой; обострение борьбы внутри самого класса феодалов – между боярством и молодым дворянством; успехи централизации государственного управления и усиление самодержавной власти московского царя, поддерживаемого в его борьбе с реакционным боярством всеми прогрессивными силами страны; начало превращения России из национального в многонациональное государство; непрерывные войны и походы, требовавшие огромного напряжения и стоившие великих жертв, – одно только перечисление всех этих процессов показывает, что век, их породивший, есть век исторического водораздела.

К XVI веку Россия объединилась в сильное централизованное государство. Стимулом к этому послужила постоянно висевшая над русским народом внешняя угроза, опасность вторжения и погромов, главным образом со стороны восточных кочевников. По общественному строю Россия в описываемое время представляла собой феодальное государство на довольно высокой ступени развития с сильно развитыми ремеслами и торговлей. Главным и преобладающим источником народного дохода было земледелие, в основе всего общественного производства лежал труд крестьян. Огромные массивы земли находились во владении монастырей, причем в XV и XVI веках наблюдается особенно бурный рост этого вида землепользования. К началу XVI века немало земель сохранилось еще во владении крестьянских общин, это так называемые черные земли. В течение всего XVI века, при энергичном содействии со стороны государственной власти, в центральных областях наблюдается массовая экспроприация земель помещиков. Вопрос о землевладении монастырей и их отношениях с крестьянами сильно занимает общественную мысль и стоит в центре русской публицистики XVI века. Превращение Московского княжества в Русское государство проходило в сложной внутренней обстановке, своеобразно отражавшейся в религиозном сознании русских людей. В некоторых памятниках русской литературы XIV–XV веков отразились различные идейно-религиозные течения, носившие характер антицерковной или внутрицерковной борьбы, хотя течения эти имеют не столько литературное, сколько общекультурное значение.

Протест против церковной эксплуатации и обмана, против торгашества и разврата духовенства, облеченный в форму религиозного учения, назывался «ересью». Такие протесты назрели и проявились на Руси прежде всего в Пскове и Новгороде, где зародились ереси «стригольников» (вторая половина XIV века) и «жидовствующих» (конец XV века). Первым крупным религиозным движением, зародившимся в последней четверти XIV в. в Пскове и Новгороде и отчасти перекинувшимся в Москву, было так называемое **стригольничество**, связываемое с именем некоего Карпа, который, видимо, был цирюльником – стригольником, отсюда и название ереси, возглавлявшейся Карпом. В основе этой ереси лежало прежде всего отрицание церковной иерархии на том основании, что эта иерархия существует «на мзде», т.е. церковники добывают себе места за плату. Другой существенной особенностью стригольнической ереси было отрицание необходимости молитв за умерших. Такие молитвы обычно сопровождалась «вкладами по душе», часто разорявшими вкладчиков и потому, естественно, вызывавшими их сопротивление.

Более влиятельной была ересь **жидовствующих**, прозванная так главным полемистом против нее – Иосифом Волоцким, в опровержение ее написавшим обширное сочинение, озаглавленное «Просветитель». Ересь получила название «жидовствующей», видимо, потому, что еретики отрицали божественность Христа. Они утверждали, что Христос такой же человек, как и иудейский Моисей, они отрицали существование святых, почитание храмов и икон и, так же как и стригольники, не признавали иерархии. Поскольку последователями ереси было белое духовенство, т.е. духовенство низшее и среднее, а также примыкавшие к нему горожане, ясно, что пропаганда «жидовствующих» и самое существование их учения отражали борьбу низшего и среднего духовенства в союзе с посадскими людьми с экономическим засилием официальной церкви в лице ее высшего духовенства. Ересь «жидовствующих» находила себе тайное, а иногда и явное сочувствие в Москве, так как они, отвергая церковную иерархию и ее экономические притязания, тем самым играли на руку государству, которое само стремилось к тому, чтобы умерить притязания иосифлянской церкви, противоречившие интересам светской власти. Но, в конце концов, иосифлянское духовенство, пойдя на ряд уступок государственной власти, окончательно склонило ее на свою сторону, и к началу XVI века ересь была ликвидирована. Многие еретики были сожжены, часть же сослана и заключена.

Ереси стригольников и жидовствующих имели большое культурное значение. Религиозные споры захватили широкие слои населения как «шатание умов». Ереси пробуждали общественную мысль, до сих пор подавленную авторитетом «священного писания». Борьба с еретиками заставила церковь обратить внимание на безграмотность «пастырей» и населения, а также заняться составлением полного перевода Библии («Геннадиевская Библия» – 1499 г.). Еретические учения использовались в идейной борьбе внутрицерковных группировок.

В эпоху возвышения Москвы и укрепления княжеской власти происходила ожесточенная внутрицерковная борьба. Татарское иго усилило роль «утешительного» учения христианства. На протяжении XIII–XIV вв. заметно увеличилось число монастырей, владевших обширными землями и многочисленным крепостным населением. К концу XV века в руках монахов была почти треть всех московских земель. Неудивительно, что интересы церковно-монастырского землевладения иногда сталкивались с интересами светских феодалов и государственной власти в целом. Так, Иван III, чтобы обеспечить землей служилое дворянство, часть земель у монастырей отобрал, а расширение церковных земель ограничил рядом указов. Внутри церкви появились защитники и противники монастырского землевладения и вообще «стяжания». «Иосифляне», названные так по имени их идейного вождя Иосифа Волоцкого Санина (1439–1515 гг.), игумена Волоколамского монастыря, отстаивали права монастырей владеть землей и обогащаться. Они требовали полного подчинения церкви государству, считая, что оно обязано поддерживать церковь. Такая позиция дала им возможность договориться с укрепившимся московским самодержавием. В своих произведениях, главным образом посланиях, Иосиф Волоцкий отстаивал законность крупного монастырского землевладения, ссылаясь на то, что монастыри являются значительной не только религиозной, но и политической силой.

Другое течение в области церковной мысли представлено было «заволжскими старцами» во главе с Нилом Сорским (1433–1508 гг.). Заволжские старцы (монахи заволжских монастырей) выступали против монастырского землевладения и обогащения, проповедуя «нестяжание». Они выступали против иосифлян, стремившихся превратить церковь в государственное учреждение. С точки зрения Нила Сорского и заволжских старцев, задачей монаха были прежде всего подвижничество, аскетизм и полное отрешение от тех материальных забот и политических функций, которые брало на себя иосифлянское духовенство. Монах, по их взгляду, должен обнаруживать критическое отношение к «писанию», чего совершенно не было у иосифлян, не умевших отличать авторитетного в этом «писании» от неавторитетного, внутренних его смысл от мертвой буквы. Заволжские старцы были выразителями интересов боярства, которое наиболее страдало от церковных притязаний, так как экономическое обогащение церкви, расширение ее земельных угодий отражались отрицательно на экономике бояр и на боярском землевладении.

Обе эти церковные группировки вступают в борьбу между собой, но в итоге победа оказалась на стороне иосифлян, которые сумели договориться со светской властью, и на протяжении всего XVI века культурное, идеологическое и литературное влияние их сказывается в полной мере. Они в конечном счете политически смыкаются с дворянством и в значительной мере становятся его идеологами.

Превращение Московского княжества в Русское государство проходило в сложной международной и внутренней обстановке, своеобразно отразившейся в религиозном сознании людей. Важнейшим следствием этого процесса был подъем национального самосознания. После победы на Куликовом поле и особенно после окончательного свержения татарского ига, сознание народного и государственного единства у русских людей, естественно, поднялось. Подъем этот имел основания и во внешних событиях этого периода. Византия ослабевала в борьбе с турками и теряла свои владения в Азии и в Европе. Чтобы получить поддержку от западных (католических) государств и вызвать крестовый поход против магометан, византийская церковь заключила союз с римской католической церковью – Флорентийская уния. Флорентийская уния – договор об объединении под главенством Папы римского православной и католической церквей, заключенный 5–6 июля 1439 года на Флорентийском соборе. Православная церковь была представлена византийским императором Иоанном VIII Палеологом, константинопольским патриархом Иосифом, эфесским митрополитом Марком, русским митрополитом Исидором; католическая – папой римским Евгением IV. При заключении Флорентийской унии преследовались различные цели: папство стремилось подчинить своей власти православное население Византии, славянские народы Балканского полуострова, церковь русского государства и укрепить свое положение в борьбе с Базельским собором (Базельский собор, вселенский собор католической церкви в 1431–1449 гг. сначала в Базеле, а с 1448 года – в Лозанне пошел на уступки чашникам (сторонники реформации в Чехии) в области культа. В 1414–1418 гг. провозгласили верховенство соборов над Папой, однако папство отстояло верховную власть над соборами). Император Иоанн VIII Палеолог путем подчинения папе римскому в церковном отношении надеялся добиться военной помощи против турок. В сознании русских верующих, которые были воспитаны в духе ненависти к католицизму, уния была воспринята как измена чистой вере и отступничество от истинного благочестия. В 1453 году турки завоевали Царьград – Константинополь, и это было воспринято как наказание божье за решение «богоотменного собора». Флорентийская уния в жизнь проведена не была – официально расторгнута православной церковью в 1472 году. Сравнивая падение государственно-политической мощи Византии с подъемом Руси, не присоединившейся к унии, религиозное сознание приходило к выводу, что бог особенно милостив к Руси за то, что она не «омрачится тмою латинския ереси», а «просветится светом благочестия».

В конце XV – начале XVI века слагаются теории московского единодержавия. Самой популярной из них была теория, известная в формуле: «Москва – третий Рим». Возникла она в недрах русской церкви. Наиболее ярким ее выразителем был старец Филофей. Филофей, игумен псковского Елеазарова монастыря, говорил о себе так: «Я человек сельской и невежа в премудрости, не в Афинах родился, не у мудрых философов учился, ни с

философы в беседе не бывал, учился есмь книгам благодатного закона». В послании против «звездочетов» (астрономов) Филофей поучает, что перемены в жизни людей и народов зависят не от звезд, а от бога. Божий промысел наметил, что судьбы человечества завершатся возвышением и гибелью трех избранных им один за другим народов, трех мировых царств. Возвышает бог за благочестие, губит за грехи. Первым царством был Рим, вторым – Византия (Царьград), третьим является Москва. Два из этих царств уже погибли. Византию Бог предал туркам за союз с католичеством – «латинянством». «Латиняне» отпали от православия. И если Рим еще не взят врагами, то души «латинян» уже давно взяты дьяволом. В мире осталось только одно православное царство – Московское, один христианский царь – московский государь. Титул его Филофей украшает торжественными эпитетами: «высокопрестольнейший», «пресветлейший», «вседержавный», «боговенченный» и т.п. По мнению Филофея, все христианские царства «приедеша в конец и снизошешя во едино царство нашего государя», «два убо Рима падеша, а третий стоит, а четвертому не быти». Эта патриотическая теория, заключавшая в религиозной оболочке гордость за свою родину, веру в ее всемирно-историческое призвание и убеждение в ее равенстве с другими странами, отразилась во многих памятниках литературы XV–XVI вв.

Патриотические теории XV–XVI вв. оформлялись в условиях возобновления связей Руси с южнославянскими странами. После ослабления татарского ига, прервавшего культурно-литературные связи между русским народом и его славянскими братьями, связи эти возобновляются. Учащаются полонничества русских людей в Царьград и на «святую гору» Афон, старинный центр греческой и славянской церковно-христианской книжности, продолжаясь до захвата Константинополя турками (1453 г.) С другой стороны, на Руси появляется ряд церковных деятелей из числа южнославянских выходцев. Возобновление этих связей приводило к тому, что на Русь разными путями стала вновь проникать сербо-болгарская письменность. В ее содержании и форме имелись своеобразные черты. Характерной особенностью стиля ряда литературных памятников этой поры является культивирование торжественной патетики, украшенной речи, избыточного панегиризма, часто переходивших в риторическое словоизвятие, объективно направленных, однако, к тому, чтобы повысить эмоциональную силу воздействия слова на читателя. Следует отметить, что вся эта стилистическая цветистость, перенесенная из южнославянских источников, была скорее во вред русской литературе, чем на пользу, поскольку часто самодовлеющие словесные ухищрения заслоняли собой и затрудняли непосредственное восприятие содержательной стороны произведения.

Многие произведения русской литературы XV–XVI вв. характеризуются изысканным, торжественным стилем, который под пером одного из русских его сторонников, Епифания Премудрого (умер в 1420 г.), получил случайное, но

удачное определение: «плетение словес». Стиль этот характеризуется обилием эпитетов, риторических вопросов, восклицаний, лирических отступлений, метафор, сравнений.

В середине XVI века возникает ряд больших историко-культурных памятников сводного, компилятивного характера. К числу таких обобщающих произведений эпохи Ивана Грозного относятся: летописные своды, свод житийной литературы («Великие Четьи-Минеи»), свод жизнеописаний князей («Степенная книга»), «Стоглав», устанавливающий государственные нормы общественной жизни, и «Домострой», утверждавший нормы жизни семейной. Общая цель каждого из этих сборников – подвести итоги прошлого развития на основе теории «Москва – третий Рим».

«Летописные своды» Московской Руси особенно интенсивно составляются со второй четверти XVI века. По заказу и под цензурой правительства начинается вестись центральное московское летописание, объединявшее труды летописного дела Ростово-Суздальской, Новгородской, Тверской и других областей. В 70-х годах XVI века был создан в торжественном стиле «Никоновский лицевой свод» (около 20 тысяч страниц и 16 тысяч иллюстраций – «лиц»). Изложение в нем начинается с сотворения мира, включает все предшествующее летописание (в частности, воинские повести эпохи татарщины) и доходит до середины царствования Ивана Грозного. Целью летописи было показать величие «богоизбранного» Московского царства, как бы подготовленное историей всех предыдущих царств и народов.

«Великие Четьи-Минеи» (1552 г.) – составлены одним из деятельных помощников Ивана Грозного – митрополитом Макарием. Содействуя государственно-политическому объединению религиозно-церковными средствами, митрополит «всея Руси» провел два церковных собора (в 1547 и 1549 гг.), занимавшихся канонизацией русских святых. Число святых увеличилось вдвое, многие святые были объявлены общерусскими. Для канонизации писались новые жития и переделывались старые. Так были созданы «Великие Четьи-Минеи» в 12 томах, составлявшие 27 тысяч страниц. Грандиозный объем книги как бы символизировал величие Московского православного царства. Все произведения отличались необычайной торжественностью и пышностью стиля, это гиперболический и риторический стиль «плетение словес», доведенный до излишеств и крайности.

«Степенная книга» (1563 г.) – книга степенная царского родословия. Составлена по инициативе митрополита Макария, видимо, царским духовником священником Андреем, в монашестве Афанасием, преемником Макария на митрополичьей кафедре. Располагая свой материал по степеням великокняжеских колен, он ставил цель представить историю русских государей как благочестивых людей, действовавших со времени принятия христианства Русью, в единении с выдающимися представителями русской

церкви, преимущественно митрополитами и епископами. Это написанные в хвалебном тоне жизнеописания русских князей вплоть до Ивана Грозного.

«Стоглав» – книга постановлений церковного собора 1551 года, разделенная на 100 глав. Содержит «царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (порядках)». Главную цель собора, проходившего при деятельном участии митрополита Макария, определил Иван Грозный: нужно было «утвердить древнее предание христианской истинной нашей веры, так как прежние обычаи поисшатались, и в самовластии учинено по своим волям, и прежние законы нарушены». В книге имеются живые картины, рисующие отрицательные стороны жизни XVI века. Члены собора (в основном иосифляне) обличают невежество и грубость духовенства, говоря о церквях, где попы «бьются и дерутся промежь себе», бичуют суеверие масс, верящих разным волхвам и чародеям, борются с остатками язычества в народных обрядах, разоблачают «злые ереси» и увлечение гадательными и астрологическими книгами и т.п. Резко выступают против западных влияний. Все эти бытовые и правоописательные подробности изложены простым разговорным языком.

«Домострой» – дидактический (поучительный) свод правил семейной жизни, составлен, вероятно, на основании поучений Библии, старых проповеднических сборников. Возник в Новгороде в первой половине XVI века. В Москве был отредактирован благовещенским попом Сильвестром, бывшим воспитателем и духовником Ивана Грозного. Указанное название памятнику дано Сильвестром, он же присоединил к книге особую, 64 главу, которая представляет послание Сильвестра к сыну его Анфиму, где излагаются идеи «Домостроя» и иллюстрируются примерами из жизни самого автора. «Домострой» связывает в едином монархическом мировоззрении семью, государство и церковь. Бог на небе, царь – образ Бога на земле, отец – образ государя в доме – вот главные основы домостроевской системы, определяющие и ее нравственные требования. Требования эти сводятся к «страху» и «чину (порядку)». В устройстве семейного благополучия – «благочиние». «Домострой» подражает «чину» монастырских уставов и строгости государственных законов. Средством достижения основных целей – «душу спасти» и «дом свой добре строити» являются покорность Богу и властям, замкнутость и эгоизм по отношению к людям. «Домострой» является сводом нравственно-бытовых правил целой эпохи русской жизни. Состоит из 63 глав, распадающихся на три части, не вполне четко отделенных друг от друга. В первой говорится о «строении духовном»; во второй – о «строении мирском»; в третьей – о «строении домовном», т.е. о домашнем хозяйстве. Большинство статей «Домостроя» написано живым, по-народному простым языком, в котором влияние старославянского сказалось не особенно сильно. Некоторые выражения по краткости и образности близки к пословицам. Близость языка

«Домостроя» к просторечию видна также в употреблении уменьшительных форм. Довольно часто в «Домострое» встречается и прямая разговорная речь.

Иван Грозный – писатель

В конце XV и в XVI веке, в период укрепления русского централизованного государства, вместо ограниченных в своих владельческих заботах русских князей периода феодальной раздробленности стали появляться государственные деятели более широкого размаха, реформаторы государственной жизни России. Усиливающаяся классовая борьба и борьба внутри класса феодалов между старым боярством и поднимающимся дворянством требовали усиления централизованного государственного управления. Правительство стало на путь удовлетворения требований дворянства, поддерживавшего все реформы царской власти. Сознание необходимости реформ достигло крайнего напряжения в царствование Ивана Грозного. Вот почему с предложениями разного рода социальных преобразований, с описанием идеальных государственных устройств, а иногда с нравственными наставлениями и «изобличениями злодейств» спешат обратиться к Грозному представители разнообразных групп господствующего класса. Вера в силу убеждения, в силу мысли, в возможность построения лучшего государства на разумных началах была в этих посланиях выражена с предельной силой. В дворянской публицистике пафос преобразования общества сочетается с идеей ответственности государя перед своими подданными за их благосостояние. Этому действительному характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действенные формы деловой письменности, которая начинает активно проникать в литературу, способствуя ее обогащению. Выдвигается идея, что царь должен править на основе правды и справедливости, он нравственно ответственен перед богом за судьбы своей страны и подданных. Публицистическими памфлетами Максима Грека и Ивана Пересветова была создана политическая программа, которая частично была осуществлена Иваном Грозным.

Иван Грозный – политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа. И в его писательской деятельности не меньше, чем в государственной, сказалась его исключительная талантливость. Вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Иван Грозный, а каждое его литературное выступление обладает властным авторитетом. Все, что написано Грозным, написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано политической действительностью. И собственно поэтому Грозный, отвечая злобе дня, нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, если они становятся ему помехой. Он беспокоится

лишь о том, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Все, написанное им, стоит на грани литературы и деловых документов, частных писем и законодательных актов. Неправильно мнение, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны «по невежеству». Он был одним из образованнейших людей своего времени.

Переписка Ивана Грозного и Василия Грязного (царского опричника) относится к 1574–1576 гг. Василий Грязной – ближайший царский опричник, попал в плен к крымцам, которые решили выменять его на Дивея-Мурзу, знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими. Об этом и написал Василий Грозному в 1574 г. Ответ Грозного содержал решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-Мурзу. Это переписка людей, когда-то дружественных, но успевших остынуть друг к другу. Оба стремятся поймать друг друга на слове: один, чтобы укорить насмешкой, другой, чтобы вымолить себе выкуп из плена. Шутка, как мяч, «перелетает» от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих. Грозный выступает как большой государственный человек, полный забот об интересах государства, непреклонный в своем отказе поступиться интересами государства ради личных привязанностей. Грязной же – мастер лихой потехи, шутник, балагур, преданный и эгоистичный, остроумный и ограниченный. Грозный, как всегда, не только принимает решение, но и объясняет их – будет ли «прибыток» крестьянству от такого обмена? В письме Грозного звучит наставление, он учит Грязного предусмотрительности и заботе об общественных интересах. Переписка эта – свободная беседа, словно записанный разговор, оба перекидываются шутками, как бывало за столом.

Гораздо более сдержанный и официальный тон в переписке Грозного с князем Курбским, сбежавшим в Литву. Между царем и изменником не могло быть непосредственности. Иван Грозный выступает здесь с изложением своих взглядов как государственный деятель. В письме Курбского звучал упрек: царь утратил облик идеального правителя. Он выступает в роли прокурора, предъявляющего свои обвинения царю от имени «погибших, избитых, неповинно, заточенных и прогнанных без правды» бояр. Строго и размеренно звучит его обвинительная речь, построенная по всем правилам риторики и грамматики. Курбский обвиняет Грозного в несправедливых гонениях, мучениях и истреблениях, которым он подвергает бояр, являющихся, по его мнению, опорой государства, составляющих его силу. Он обвиняет царя в превышении и злоупотреблении своей единодержавной властью. Курбский понимал, что полностью вернуть старые порядки невозможно и не выдвигал лозунга децентрализации. Он стремился лишь к ослаблению единодержавной власти царя, считая необходимым разделение власти между царем и боярством.

Послание Курбского взволновало и уязвило сердце царя. Его ответ ярко раскрывает сложный и противоречивый характер этой незаурядной личности. Послание Грозного обнаруживает его недюжинный ум, широкую

образованность, начитанность, но и гордую и озлобленную, мятущуюся личность. Свой ответ царь адресует не только Курбскому, но и всему Российскому царству. Выступая против Курбского, царь выступал против всех «крестопреступников». Это определило, с одной стороны, обличительный пафос послания Грозного, направленный против бояр-изменников, с другой стороны, – пафос утверждения, обоснования и защиты прав самодержавной власти. Грозный выступает как политик, государственный человек, и речь его вначале сдержанна и официальна. Он приводит доказательства законности единодержавной власти, унаследованной им от славных предков: Владимира Святославича, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, деда Ивана Васильевича и отца Василия. Грозного раздражают ядовитые упреки Курбского, суровый обличительный пафос письма. Он не согласен с оценкой, данной боярству Курбским, по Грозному – не они составляют силу и славу русского государства. Чтобы аргументировать свои возражения, Грозный вводит в повествование ряд автобиографических моментов. Парируя обвинения своего противника, Грозный часто прибегает к прямому цитированию из послания Курбского, с тем чтобы иронически обыграть эти обвинения. Не стесняясь в выражениях, прибегая к прямой издевке над своим врагом, Грозный стремится излить в своем послании те чувства, которые переполняли его душу. Он не считается с правилами риторики и пиитики, его писательская манера обнаруживает тесную связь с «иосифлянкой» литературной школой. Речь Грозного порывиста, взволнованна, насыщена живыми конкретными бытовыми образами, пересыпана остротами и едкой иронией.

Грозный стремится дать понять Курбскому, что ему пишет сам царь-самодержец всея Руси. Свое письмо он пишет пышно и торжественно. Но и здесь сказывается темпераментная натура Грозного. По мере перехода к возражениям тон письма становится оживленнее, далее тон становится запальчивым. Он с азартом издевается и высмеивает Курбского, отпускает такие насмешки, которые уже лишены всякой официальности. Грозный мог быть торжественным только через силу. Он был чужд позы, охотно отказывался от условности, от обрядности.

Противоречивый, сложный характер Грозного, его незаурядное писательское дарование обнаруживается не только в его полемических посланиях к Курбскому, но и в ряде других писем, в частности, в посланиях в Кирилло-Белозерский монастырь. Первое послание игумену монастыря Козьме написано по поводу нарушения монастырского устава сосланными в монастырь боярами Шереметьевым, Хабаровым, Собакиным. Послание начинается униженно, просительно, оно подражает тону монашеских посланий, утрирует монашеское самоуничижение. Грозный как бы преображается в монаха, ощущает себя чернецом. И став в положение монаха, Грозный начинает поучать. Он поучает пространно, высказывая изумительную эрудицию, богатство памяти. Постепенно нарастает его природная властность и скрытое

раздражение. И чем больше он говорит о своем уважении к Кирилло-Белозерскому монастырю, тем язвительнее звучат его укоризны. Он стыдит братию за то, что они допускают нарушение устава боярами, и тем самым неизвестно – кто у кого постригся, бояре ли у монахов или монахи у бояр. Письмо это – развернутая импровизация, импровизация вначале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь – без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но неизменно искреннюю по настроению, написанную с горячей убежденностью в своей правоте. Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинками. Его письмо, пересыпанное вначале книжными, церковно-славянскими оборотами, постепенно переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он употребляет разговорные обороты и слова, пользуется поговорками, смешивает церковнославянизмы с просторечием. Богатство его лексики поражает. Язык Грозного отличается необыкновенной гибкостью, живостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведение яркий национальный колорит. Это – по-настоящему русский писатель. Но как бы ни был Грозный привязан к шутке, к иронии, к едкому, а порой и резкому слову, -- основная цель всех его произведений всегда одна и та же: он доказывает права своего единодержавства, своей власти; он обосновывает принципиальные основы своих царских прав. Грозный поступает так, чтобы делом доказать свое полное самовластие вплоть до внешнего отказа от него. И в том, с какой смелостью доказывал Грозный свое царское самовластие, видна его исключительная одаренность.

Послания Грозного – яркое свидетельство начала разрушения строгой системы книжного литературного стиля, который создавался стараниями книжников XIV – XVI вв. Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства: все грани между письменной речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в середине века, стерты. Грозный – прирожденный писатель, но писатель, пренебрегающий всеми искусственными приемами писательства во имя живой правды. Он пишет так, как говорит, смешивая книжные цитаты с просторечием, то издеваясь, то укоряя, то сетуя, но всегда искренно.

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда «самодержец всея Руси», пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели – убедить своего читателя, воздействовать на него – таков Грозный в своих произведениях

ЛЕКЦИЯ 11-12

Общая характеристика литературы XVII века

Укрепление централизованной самодержавной власти, опиравшейся на служилое дворянство, привело к дальнейшему росту эксплуатации и окончательному закрепощению крестьян. Усиливающийся экономический гнет вызывал возникновение массовых крестьянских волнений, вылившихся в широкое народное движение – крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова. Со смертью царя Федора Ивановича прекращает свое существование династия Ивана Калиты. В стране возникает оппозиция со стороны боярства, которая получает поддержку извне, со стороны польских магнатов. Бурные события начала XVII века – Смуты нашли широкое отражение в литературе. Литература этого периода приобретает исключительно злободневный характер, оперативно откликаясь на запросы времени, отражая интересы различных социальных групп, участвующих в борьбе. Произведения этого периода, продолжая развивать традиции исторической повествовательной литературы XVI века, ярко отражали рост национального самосознания. Это проявилось в изменении взгляда на исторический процесс: ход истории определяется не божьим изволением, а деятельностью человека. И повести начала XVII века уже не могут не говорить о народе, об его участии в борьбе за национальную независимость своей родины. Проявляется повышенный интерес к человеческой личности. Впервые появляется стремление изобразить внутренние противоречия характера и вскрыть те причины, которыми эти противоречия порождены. Прямолинейные характеристики человека литературы XVI века начинают заменяться более глубоким изображением противоречивых свойств человеческой души. При этом, как указывает Д.С. Лихачев, характеры исторических лиц в произведениях начала века показаны на фоне народных толков о них. Деятельность человека дается в исторической перспективе, и впервые начинает оцениваться в его «социальной функции». Событиями периода Смуты был нанесен сокрушительный удар религиозной идеологии, безраздельному господству церкви во всех сферах жизни: не божья воля, а деятельность людей определяет исторические судьбы страны. Усилилась роль торгово-ремесленного посадского населения в общественной, политической и культурной жизни, а это, в свою очередь, влечет за собой демократизацию литературы. В книжный риторический стиль все шире проникают различные формы деловой письменности, все шире начинает использоваться устное народное творчество. Все это приводит к «обмирщению» культуры и литературы XVII столетия, т.е. к постепенному освобождению от опеки церкви, к постепенному вытеснению церковных жанров и появлению новых, чисто светских жанров литературы, в частности, возникают бытовые и сатирические повести.

Возникновение жанра бытовой повести и ее проблематика тесно связаны с теми изменениями, которые произошли в русской жизни XVII века: с общим подъемом русской культуры, тягой к просвещению, протестом против косного домостроевского быта, интересом к человеческой личности. Бытовая повесть запечатлела существенные стороны частной и общественной жизни человека. Впервые героем повести оказывается не исторический деятель, а лицо вымышленное. Автор проявляет большое внимание к частной жизни обычного человека.

Одним из примечательных явлений литературы второй половины XVII века является формирование и развитие сатиры как самостоятельного литературного жанра. Бытовая и сатирическая повесть распространяется в простом народе. Эта литература противостоит литературе официальной, литературе господствующего класса, отчасти продолжая старые традиции.

Демократическая литература оппозиционна феодальному классу: это литература, подчеркивающая несправедливость, господствующую в мире, отражающая недовольство действительностью, социальными порядками. Союз со средой, столь характерный для личности предшествующего времени, разрушен в ней. Недовольство своей судьбой, своим положением, окружающим – это черта новая, неизвестная предшествующим периодам. Для демократической литературы этого периода характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же – неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащитности, вера в судьбу, в рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость. В демократической литературе развивается особый стиль изображения человека: стиль резко сниженный, нарочито будничным, утверждавший право всякого человека на общественное сочувствие. Демократическая литература стремится к полному разоблачению и обнажению всех язв действительности. В этом ей помогает грубость – грубость во всем: грубость нового литературного языка, наполовину разговорного, наполовину взятого из деловой письменности, грубость изображаемого быта, грубость эротики, разъедающая ирония по отношению ко всему на свете, в том числе и к самому себе.

Человек, изображенный в произведениях этой литературы, не занимает никакого официального положения, либо его положение очень низкое. Это просто страдающий человек, страдающий от голода, холода, от общественной несправедливости, от того, что ему некуда приклонить голову. Новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей. Его положение такое же, какое может иметь любой из читателей. Он не поднимается над читателями ни своим официальным положением, ни какой бы то ни было ролью в исторических событиях, ни своей моральной высотой. Он лишен всего того, что отличало и возвышало действующих лиц в предшествующем литературном развитии. Человек этот отнюдь не идеализирован. Напротив, если во всех

предшествующих средневековых стилях изображения человека этот последний чем-то непременно был выше всех своих читателей, представлял собой в известной мере отвлеченный персонаж, витавший в каком-то своем, особом пространстве, куда читатель, в сущности, не проникал, то теперь действующее лицо выступает вполне ему равновеликим, а иногда даже униженным, требующим не восхищения, а жалости и снисхождения. Герой изображен в самых непривлекательных положениях. Это опрощение героя, доведенное до пределов возможного. Именно в этом способе изображения человека больше всего выступает сознание ценности человеческой личности самой по себе: нагой, голодный, босой, грешный, без всяких надежд на будущее, без всяких признаков какого бы то ни было положения в обществе. Взгляните на человека, – как бы приглашают авторы этих произведений, посмотрите, как ему тяжело на этой земле! Он затерян среди нищеты одних и богатств других. Сегодня он богат, завтра беден; сегодня он нажил себе денег, завтра прожил. Он скитается «меж двор», питается подаванием от случая к случаю, погряз в пьянстве, играет в кости. Он бессилён побороть себя, выйти на «спасенный путь». И тем не менее он достоин сочувствия.

В этих произведениях есть учительный голос, но это не голос уверенного в себе проповедника, как в произведениях предшествующего времени. Это голос обиженного жизнью автора или голос самой жизни. Действующие лица воспринимают уроки действительности, под их влиянием они меняются, принимают решения. Герой принимает решение не под влиянием наития христианских чувств или предписаний и норм феодального поведения, а вследствие ударов жизни, ударов судьбы.

Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя. Все действующие лица произведений XI – начала XVII в. это исторические или претендующие на историчность персонажи. Писатели ищут для своих произведений значительных лиц, значительных событий – при этом не в литературном, а в чисто историческом смысле. Они стремятся писать о реально существующих лицах, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегают к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев. Если в древнерусских произведениях и встречаются вымышленные лица, то древнерусский писатель стремится уверить своего читателя в том, что эти лица все же были. Вымысел – чудеса, видения, сбывающиеся пророчества – писатель выдает за реальные факты и сам верит в их реальность.

В XVII веке историческое имя героя стало явным препятствием в развитии литературы, в ее движении к реалистическому вымыслу. Писатели стремятся избавиться от исторического имени действующего лица, однако преодолеть веками сложившееся убеждение, что в литературном произведении интересно только подлинное, реально происшедшее и исторически значительное, было не так-то легко. Еще труднее было вступить на путь открытого вымысла.

Начинается полоса поисков выхода из затруднительного положения, поисков, которые, в конце концов, привели к созданию воображаемого героя литературы нового времени, героя с вымышленным именем, с вымышленной биографией. Это средний, не исторический, «бытовой» человек, о котором можно писать все, подчиняясь лишь внутренней логике самого образа, воссоздавая этот образ в наиболее типичных для него положениях. Как отмечает Д.С. Лихачев, о нем уже не надо было рассуждать со стороны, публицистически рекомендуя его читателю отнюдь не образными характеристиками.

Одним из самых значительных переходных явлений было появление безымянности действующих лиц. Героями становятся безымянные люди – люди, которых называют просто «молодец» или «бедный», «богатый», «голый и небогатый человек», «бразжник», «крестьянский сын», «девица», «купец некий», «ревнивый муж» и т.д. Безымянность героя уже сама по себе означала, что произошло открытие новых, совсем иных, чем прежде, путей художественного обобщения. Но следует отметить, что безымянность героя облегчала путь вымыслу, путь к созданию типических, вовсе не идеализированных героев.

Средством типизации жизненных явлений в этот период служит пародия и форма «открытой лжи» – небылица. Возникновение пародии связано с тем, что в вымысле средневекового читателя пугала ложь: все, что не «исторично», чего не было в действительности, – обман, а обман – от дьявола. Но открыто признанный вымысел – не ложь, тем более, если этот вымысел прикрыт шуткой. Помимо того, пародия давала выход народному недовольству – недовольству не отдельными историческими лицами, а самим социальным укладом. Она позволяла широко обобщать жизненные явления, в чем особенно нуждались представители посада и крестьянства. Небылица, в свою очередь, излагала как обычное то, что как раз было необычным в жизни, и тем самым подчеркивала ненормальность обычного положения вещей. Наряду с пародией и небылицей в литературу XVII века из фольклора проникает животный эпос. Это – откровенно признанный вымысел, о котором читатель как бы заранее предупреждается.

В XVII веке с развитием индивидуализма судьба человека оказывается его «личной» судьбой. Судьба человека воспринимается как нечто навешанное со стороны, «приставшее» к человеку, как его второе бытие и часто отделяется от самого человека, персонифицируется. Это персонификация происходит тогда, когда внутренний конфликт в человеке – конфликт между страстью и разумом – достигает наивысшей силы. Судьба отнюдь «не прирождена» человеку. Например, в «Повести о Савве Грудцыне» судьба Саввы предстает в образе Беса, соблазняющего его на разные губительные поступки; в «Повести о Горе-Злочастии» судьба молодца воплощается в образе Горя, неотвязно его преследующего.

Для литературы XVII века характерен принцип широкого обобщения жизненных явлений. Широты обобщения авторы достигают тем, что лишают

свои произведения и своих героев всех исторических упоминаний, имен и названий. Безымянность действующих лиц находится в связи еще с одной чертой, характерной для демократической литературы XVII века, – с элементами своеобразного автобиографизма, в той или иной мере присущего многим произведениям этого времени (Житие Аввакума и Житие Епифания, повести о «Смуте»). Автобиографизм позволяет избавиться от тормозившего развитие художественного обобщения исторического имени действующего лица, ввести в литературу простого, обычного «неисторического» героя. Как отмечает Д.С. Лихачев, слабость этого автобиографизма в том, что явления собственной биографии бывает нелегко обобщить, усмотреть в ней факты, характерные для какой-то определенной среды. Автобиографы пытаются обобщить явления своей жизни, описывая их в житийных трафаретах или снабжая их собственными размышлениями и поучениями, как это делали в своих житиях Аввакум и его «соузник» Епифаний.

Для литературы XVII века характерен способ составления произведений от лица многих лиц, где выступает как бы коллективный автор, произведение составлено от лица целой группы людей, описываются злоключения всей этой группы. Появляются также произведения, действующие лица которых выступают уже под вымышленными именами: Фома, Ерема, Сава и др., которые, как указывает В.П. Адрианова-Перетц, как и названия некоторых повестей, например «Сказание о попе Саве и о великой славе», заимствованы из русских пословиц: «Был Сава, была и слава», «От Савы слава», «От Савы хочешь славы» и т.д. Пословичные имена – это прозвища, ими наделяются конкретные живые лица, к которым пословица применима.

В развитии художественных методов изображения человека большое значение имело воздействие деловой письменности на художественную литературу. Оно сближало это изображение с фактами действительности, сближало его с окружающим бытом, вносило особую отстраненность в изображение, умеряло авторский субъективизм, столь типичный для средних веков. В древнерусских литературных произведениях предшествующего времени всегда и во всем проявлялась авторская точка зрения, всегда был слышен голос автора, интерпретировавшего события и явления. Мнение автора всегда было на виду, его отношение к изображаемому было всегда отчетливым. Действующие лица произведений были подчинены идеологической схеме автора, они являлись иллюстрацией к его общей мысли. То обстоятельство, что автор подчинял мир своей идеологии, своей схеме, своему нормативному идеалу, вело к утрате героем литературного произведения своей самостоятельности, той самостоятельности, которая удивляла иногда самих писателей-реалистов XIX века, не знавших иногда в процессе создания своего произведения, как поведут себя в дальнейшем их герои. Поэтому голос автора в произведениях XI–XVI вв. не умолкает даже тогда, когда говорят его действующие лица. По существу, прямая речь действующих лиц в

произведениях этого периода очень часто является разновидностью косвенной речи. Речи действующих лиц не передаются авторами, а пересказываются ими. Они вводятся с помощью предлога «яко», служат придаточным предложением.

С развитием чисто литературных жанров в XVII веке, литературное произведение перестает быть монологом автора. Появляются драматические произведения, типичной особенностью которых становится полная отдаленность изображения от изображающего. В литературе появляются симпатичные читателю авантюристы, ловкие люди (Фрол Скобеев), люди «пропащие» (герой «Повести о Горе-Злочастии»), продавшие душу дьяволу (Савва Грудцын), обиженные судьбой, непризнанные, предавшиеся какой-либо страсти и т.д. Появление всех этих героев стало возможным, так как авторская точка зрения на них перестала проявляться открыто. Это была секуляризация литературы, в процессе которой сближение с деловой письменностью было чрезвычайно существенным моментом, давшим ей необходимую объективность.

В литературе XVII века развивается особый стиль изображения человека: стиль резко сниженный, нарочито будничным, утверждавший право всякого человека на общественное сочувствие. Отделение авторской точки зрения от преподносимых в произведении нравоучений, оправдание человека, который с церковной точки зрения был «грешником», означало гибель средневекового нормативного идеала и постепенный выход литературы на новый путь индуктивного художественного обобщения – обобщения, опирающегося на действительность, а не на нормативный идеал. Происходит открытие ценности человеческой личности самой по себе, открытие ценности авторской личности. Так появляется новый тип профессионального писателя, происходит осознание ценности авторского текста, появляется понятие авторской собственности, не допускающее простого заимствования текста у предшественников, проявляется интерес к автобиографиям, к личным запискам.

В изобразительном искусстве открытие ценности человеческой личности проявляется весьма разнообразно: появляются парсуны (портреты), развивается линейная перспектива, предусматривающая единую индивидуальную точку зрения на изображение, появляются иллюстрации к произведениям демократической литературы с изображением «среднего» человека, зарождается лубок.

Формирование исторической беллетристики

Литературу этого времени делят на два этапа: первый – до 1613 года. Публицистические произведения, небольшие по объему, односторонне представляющие героев. Сочетались лирические и символические жанры, деловые документы. К этому этапу относятся «Новая повесть о преславном Российском Царстве», «Повесть о преставлении и погребении Скопина-Шуйского. Второй этап охватывает 20-е годы XVII века. Произведения

рассказывают обо всем Смутном времени, стремятся к объективной оценке событий, особое внимание уделяют историческим лицам. В этой литературе по-разному сочетаются жанры. К ним относятся «Летописная книга», «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание о Врааме Палицевом».

В литературе XVII в. устанавливаются новые отношения между историческим и вымышленным. Исторические по именам повести содержат вымысел; факты русской истории соединяются с мотивами сказок и легенд. Вымышленные герои действуют в типичных для русского общества XVII в. ситуациях, бытийное и бытовое образуют единый сплав, что говорит о сближении литературы с жизнью. Ярким примером эволюции исторического повествования Древней Руси служит полное слухов и преданий «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина». Неожиданная смерть в апреле 1610 г. молодого военачальника, обладавшего богатырским телосложением, одержавшего ряд блистательных побед над поляками и пользовавшегося популярностью в народе, поразила современников. Она дала повод к рождению легенды об отравлении Михаила Скопина-Шуйского завистниками-боярами во главе с дядей воеводы – Василием Шуйским, заподозрившим племянника в намерении сменить его на царском столе. Эта версия нашла отражение в лиро-эпических исторических песнях XVII в., бытовавших в демократической среде. Ее придерживался и автор «Писания», резко меняя тональность торжественного рассказа о князе после его прибытия в Москву и насыщая повествование мотивами, идущими от народной песни и причети.

В произведении нет подробного описания жизненного пути героя: главными для автора являются сцены отравления, смерти и погребения воеводы. Она начинается риторическим книжным вступлением, в котором делаются генеалогические выкладки, возводящие род Скопина-Шуйского к Александру Невскому и Августу-кесарю.

Центральный эпизод повести – описание пира-крестин у князя Воротынского. Включая ряд бытовых подробностей, автор обстоятельно рассказывает о том, как герой был отравлен женой своего дяди Дмитрия Шуйского, дочерью Малюты Скуратова. Сохраняя речевой и ритмический строй народной эпической песни, повесть так передает этот эпизод:

*И как будет после честного стола пир на весело,
И... злодеяница та княгиня Марья, кума подкрестная,
Подносила чару пития куму подкрестному
И била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем.
И в той чаре в питии уготовано лютое питие смертное.
И князь Михайло Васильевичь выпивает ту чару до суха,
А не ведает, что злое питие лютое смертное.*

В приведенном отрывке нетрудно обнаружить характерные элементы былинной поэтики. Они отчетливо выступают и в диалоге матери с сыном,

вернувшимся преждевременно с пира. Этот диалог напоминает беседы Василия Буслаева с Мамелфой Тимофеевной, Добрыни с матерью.

Вторая часть повести, посвященная описанию смерти героя и всенародного горя по поводу его кончины, выполнена в традиционной книжной манере. Здесь использованы те же приемы, что и в «Житии Александра Невского» и «Слове о житии Дмитрия Ивановича». Автор повести передает отношение к смерти Скопина различных групп общества. Свою скорбь, а также и свою оценку деятельности Скопина-Шуйского выражают москвичи, немецкий воевода Яков Делагарди, царь Василий Шуйский, мать, жена. Плачи матери и жены почти целиком восходят к традиции устной народной причета.

Повесть носит антибоярскую направленность: Скопин-Шуйский отравлен «по совету злых изменников» – бояр, только они не скорбят по полководцу. Повесть прославляет Скопина-Шуйского как национального героя, защитника родины от врагов-супостатов. В 1620 году к «Повести о преставлении...» была присоединена «Повесть о рождении воеводы М.В. Скопина-Шуйского», написанная в традиционной агиографической манере.

По-своему осмысляются исторические события тех лет в народном сознании, о чем свидетельствуют записи исторических песен, сделанные в 1619 году для англичанина Ричарда Джемса. Это песни «О собаке-воре Гришке-расстрижке», «О Маринке – злой еретице», о Ксении Годуновой. В песнях обличаются интервенты и их пособники «бояре кособрюхие», возвеличиваются народные герои – богатырь Илья, Скопин-Шуйский, стоящие на страже интересов родной земли. В действительности князь Михаил Скопин-Шуйский далек от идеала. Талантливый полководец, он разгромил войско «тушинского вора» – Лжедмитрия II, которому при поддержке поляков удалось дойти до Москвы. Однако он же по поручению Василия Шуйского в 1606 году встречал у столицы народное воинство под предводительством Ивана Болотникова; заключил на невыгодных для русских условиях договор со шведами, отдав за помощь в борьбе с поляками «город Корелы с уезды». Тем не менее среди военных и посадского населения освобожденных городов авторитет воеводы был очень высок, в нем видели защитника Русской земли, достойного московского престола.

В «Писании» Скопин-Шуйский предстает былинным богатырем. В создании его образа автор мастерски использует поэтические средства народного эпоса и книг Священного Писания. Воевода – «солнце небесное», на которое воины «назрѣтися» не могут. Князь так велик телом, что во всем государстве ему не могут найти подходящего гроба – «колоды дубовой». Его слава равновелика славе библейского богатыря Самсона и царя Давида. После смерти полководца достойно оберегать Русскую землю от врагов не может никто, кроме архангела Михаила. Чтобы передать всенародную любовь к военачальнику, автор использует прием гиперболы: людей, идущих ко фобу Скопина-Шуйского много, как «звѣздъ небесных» или «песка морского». От

«народа же и кричания и вопля тѣшка... не бѣ слышати гласа поющих», и кажется, что от горя «земли стонати, и камению колебаться, не токмо церкви стенам, но и граду...»

Особую эмоциональную окраску придает произведению ряд *плачей*, разных по стилевой манере. К народной причети близок плач матери – «слово жалостное», обращенное к еще живому, но умирающему сыну: «Чадо мое, сынъ, князь Михайло Васильевичъ! Для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъѣхал? Любо тобѣ богоданный крестный сынъ принял крещение не в радости? Любо тобѣ в пиру мѣсто было не по отечеству? Или бо тебѣ кум и кума подарки дарили не почестные? А хто тебя на пиру честно упоил честнымъ питием? И съ того тебѣ пития вѣкъ будет не проспаться!..» В традициях высокого ораторского искусства выполнен плач Якова Делагарди, шведского военачальника. От слез «захлебаяся», он восклицает: «Московский народи! Да уже мнѣ не будет не токмо на Руси вашей, но и в своей Немецкой земли, но и от королевских величествъ государя такова мнѣ!»

Смерть Скопина-Шуйского объединила в плаче русский народ: при погребении князя «не бѣ видѣти ни единого челоуѣка не плачущесе, но велми слезны... богатии и убозии, и нищии, хромии и слѣпни, а безногий ползуще, главами своими о землю бьющесе, плачущесе и жалостно причитаху». Национальное единение в трагические моменты, которыми всегда была богата отечественная история, рождает чувство оптимизма, уверенности в том, что на Руси не переведутся богатыри, подобные Илье Муромцу, Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Михаилу Скопину-Шуйскому.

Новые художественные явления в «Летописной книге» и «Сказании» Авраамия Палицына

В XVII веке меняется отношение писателя к литературному труду, к пониманию человека и действительности. На смену религиозно-символическому мировоззрению приходит прагматизм. Изображение человека обретает приметы бытовой и социальной конкретики. Человек воспринимается как сложная натура, происходит его снижение, и автор сочувствует ему. Писатель сокращает дистанцию между читателями и героем, призывая сочувствовать ему.

В «Летописной книге» изображаются основные события Смуты, с исторической достоверностью, начиная от эпохи Ивана Грозного и заканчивая воцарением Романовых. Повесть заканчивается краткими портретными зарисовками упомянутых царей и лирическими виршами. Автор отходит от односторонней оценки исторической личности. Он достоверно описывает личность Ивана Грозного, его внешность («образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бѣше, сухо тело имея, плещи имея высоки...»), наделяя описание психологическими элементами, что дает более

полное представление об этом человеке. Царь не идеализирован, говорится о его положительных и отрицательных сторонах: он был «жестосерд велми», «множество народу...погуби», но «многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше». Так же разносторонне описан каждый правитель. Даже Лжедмитрий I охарактеризован с обеих сторон – и как дерзостный и злой, и как остроумный, храбрый и образованный. Самым отрицательным персонажем является Василий Шуйский. О высоком литературном мастерстве автора можно судить по описаниям пейзажа: «Юже зиме прошедши..., в зодею же входит овен, ...растаявшу снегу и тиху веющу ветру, ...и зеленеютца поля, и новым листвием облачаются дресеса». В нем становится меньше символизма и больше эстетики. По жанру это произведение – историческая повесть.

«Сказание» Авраамия Палицына представляет собой обширное эпическое произведение, состоящее из 77 глав. Повесть состоит из трех частей: убийство царевича Дмитрия и первые годы Смуты; осада поляками Троице-Сергиева монастыря (основная часть); разорение и освобождение Москвы, начало династии Романовых. Историческая достоверность очень велика, подробно говорится о быте во время Смуты, показана жизнь в монастыре: теснота, недостаток еды во время осады. Смута по описанию автора – это самозванщина, интервенция, междоусобица и голод. В главе «О царе Василии Шуйском» об этом времени говорится: «И переменяшася тогда жилища человеческая на зверская... и звери и птица в главах и в чревах и в трупех человеческих гнезда содеяше».

Основная часть посвящена обороне Троице-Сергиева монастыря. С ужасающими подробностями описывается состояние мирных жителей и обитателей монастырей, подвергающихся нападкам врагов, – случаи убийств монахинь или же их пленения, изнасилования и издевательства. Троицкая обитель для автора – главный пункт отражения атак интервентов и защиты Руси. С былинным размахом описываются ратные подвиги Анания Селевина: когда на город напало множество врагов, «никто же от силных поляков и руских изменников смеюще ступать на нь, но издалече ловяще из оружие, убити». Участники сражений разносторонне оцениваются автором: Годунов – жесток, но мудр, Иван Болотников – виновник всех бед. Авраамий документализирует повествование, вводит точную хронологию.

В этих произведениях отражаются основные тенденции литературы того времени: документальность, разносторонность в изображении героев, конкретика описаний.

Историческая основа, своеобразие стиля «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»

В XVII веке возникает цикл повестей об Азове, где воспеваются патриотический подвиг казаков. Военские повести, написанные в это время, отразили примеры массового героизма казаков при взятии крепости. «Повесть об Азовском сидении» была написана в 40-х гг. XVII века на основе действительных исторических событий, когда весной 1637 г. донские казаки, воспользовавшись занятостью турецкого султана в войне с Персией, без ведома московского правительства захватили крепость Азов. Это открывало русским путь к Азовскому и Черному морям, защищало от постоянных набегов турок и татар на юг Московского государства. Но, опасаясь осложнений в отношениях с Турцией, царь Михаил Федорович не принял Азов, приказав казакам оставить его. По жанру это историческая повесть.

Первая часть повести по стилю напоминает деловой документ, здесь подробно говорится о численности войска турков, указаны даты: «в 24 день в первом часу дни пришли к нам паши его под город», «у всякого головы в полку яныченей по 12000». Все произведение, по сути, является официальным отчетом о событиях Азовского сидения, т.к. в начале говорится, что «приехали... к великому князю Михаилу Федоровичу... донские казаки... и своему осадному сиденью привезли роспись». Далее повествование представляет собой эту роспись. В повести переплетаются разные стили, например, перед началом военных действий от турков приходит посол с речью, в которой пытается призвать к покаянию и жалости: «напали вы на него, аки волки гладные, и не пощадили вы в нем никакова мужеска возраста...и положили вы тем на себя лютое имя звериное». Далее предлагается служба турецкому царю за вознаграждение. После чего приводится ответное послание казаков, в котором они говорят о своем недоверии к туркам и о коварных планах царя. Эти послания придают повести риторический, ораторский стиль. Также произведение отличается лиричностью стиля: например, молитва казаков перед битвой, покаяние казаков перед царем: «Прости нас, холопей своих грешных, государь царь и великий князь Михайло Федорович». Это поэтическое место основано на народной казацкой песне, что говорит о влиянии фольклора на повесть. Также здесь замечено влияние воинских повестей (в описаниях битв). В последней части опять возникает риторический стиль-обмен посланиями между казаками и турками. Затем приводится видение: Богородица является казакам и благословляет их на битву. Затем опять повесть приобретает документальный стиль-рассказывается о численности живых и раненых казаков после боя, даются точные даты (взятие Азова-26 сентября, когда «турские паши и с турки и крымской царь...побежали никем нам гоними с вечным позором»).

Повесть отличается патриотическим пафосом, точностью описаний, простонародностью языка и поэтичностью стиля, в котором заметны

традиционные приемы воинских повестей и донского фольклора. Это оригинальное новаторское произведение и по содержанию, и по стилю.

Литературная деятельность протопопа Аввакума Жанровое своеобразие «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного»

Аввакум – автор более 80 произведений, часть из которых до нас не дошла. Его сочинения: «Книга бесед», «Книга толкований», челобитные Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, письма, послания и т.д. Его творчество пронизано страстным обличением официальной церкви и светской самодержавной власти с позиций сторонника старообрядчества. Он стал новатором по стилю и принципам литературного изображения, хотя и был противником новаторства в искусстве.

Самое знаменитое его сочинение, «Житие», автобиографично. Во вступлении к нему Аввакум пишет о влиянии на него духовника Епифания и следовании традиционному приему самоуничужения. Стиль его жития похож на исповедальный, потому что он стирает грань между собой и читателем, создавая атмосферу сопереживания. Лихачев определял стиль Аввакума как стиль патетического опрощения – «заземление» высокого (рассказ о чудесном насыщении заключенного, когда Аввакум не знает, ангел это был или человек) и поэтизация низкого (рассказ о смерти курицы, которая «по два яичка на день приносила робяти на пищу»). Он выходит за традиционные рамки житий: герои произведения – неоднозначны, грешники или праведники. Сам Аввакум чуть не поддается искушению, когда к нему приходит блудница, чего раньше в житийной традиции не было. Образ самой блудницы многогранен: она грешница, но пришла исповедаться, и это несколько «очищает» ее. Аввакум создает новый образ – «святого грешника», что приводит к сочетанию двух планов повествования: торжественной авторской проповеди и покаянной исповеди. Аввакум использует и церковный язык, и брань, и разговорный язык.

Еще одна грань новаторства жития – совмещение комического и трагического. Протопоп описывает возвращение из ссылки, говорит о переходе через реку, когда протопопицу оставляют силы и она падает, о нее спотыкается другой человек и тоже падает – на нее. Он извиняется, на что она отвечает: «Что ты, батко, меня задавил?». Описывая ужасы своего заключения, он шутит, говоря: «что собачка в сололке лежу» и т.д.

Житие насыщено сатирическими портретами врагов Аввакума. Например, в письме Алексею Михайловичу он пишет: «Бедной, бедной, безумной царिशко!». Новаторство Аввакума проявилось в написании не публицистического произведения с элементами автобиографии, а цельного жизнеописания. Произведение превращается в историю первых лет старообрядческого движения, историю России второй половины XVII века.

Помимо Аввакума, в житии присутствуют его сподвижники и враги, широко представлены пространственно-временные границы повествования. Все эти новаторские черты делают житие выдающимся произведением.

Развитие жанровой системы литературы в XVII веке

Развитие древнерусской литературы, по мысли Д.С. Лихачева, представляет собой «борьбу за право на художественную «неправду». Художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение легализуется, становится официально допустимым. Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется изображением бывшего, действительно существовавшего или существующего». Становление художественного вымысла в литературе связано с размыванием границ между отдельными жанрами и жанровыми системами. С одной стороны, идет активный процесс фольклоризации литературы, свидетелем которого являются возникшие на основе былинного эпоса «Сказание о киевских богатырях» и «Повесть о Сухане». С другой стороны, продолжается сближение литературы с деловой письменностью, в результате чего многие произведения переходного периода имеют форму официального документа («Калязинская челобитная», «Роспись о приданом»).

Повесть становится одним из ведущих литературных жанров XVII в.; она развивается, обогащаясь новыми разновидностями; эволюционируют ее традиционные формы. Среди произведений этого жанра, имеющих необычайно широкий проблемно-тематический диапазон, можно выделить повесть агиографическую и сатирическую, историческую и легендарную, воинскую и бытовую. В недрах жанра идет становление русского романа, устанавливаются новые отношения между историческим и вымышленным. Исторические по именам повести расцветаются вымышленными сюжетными ходами; факты русской истории соединяются с мотивами сказок и легенд (циклы повестей о начале Москвы, об убиении царевича Димитрия). Вымышленные герои действуют в типичных для русского общества XVII в. ситуациях; рассказ об их любовных похождениях и странствованиях по Руси в поисках смысла жизни сопровождается колоритными бытописательскими сценами. В русской повести позднего Средневековья бытийное и бытовое образуют единый сплав, что говорит о сближении литературы с жизнью.

В XVII веке расширяется жанровый диапазон литературы за счет форм, пришедших из фольклора, переводной литературы и деловой письменности. Жанровая система разрасталась и за счет жанров формирующихся стихотворства и драматургии. Обновление литературы осуществлялось путем трансформации традиционных жанров средневековья, которые обретают иные, чем прежде, функции. Житие перерождалось в бытовую повесть, если святой совершал свой подвиг в миру; в мемуарно-биографическое произведение, если

оно писалось как воспоминание об учителе или близком родственнике. На житейной основе складывался жанр автобиографии, где образы автора и героя сливались. В житиях становится разнообразной типология чудес, вводится множество известных и неизвестных лиц. Агиографы не дорожат чистотой жанра, смешивая в одном произведении разные типы житейного повествования и даже выходя за границы жанра. Рассказ о преподобном может обретать черты жития юродивого, пустычника, включать мотивы хождения. Для новых житий характерно воинствующее бытописание, например, рассказ о том, с каким трудом по бездорожью доставляет жернова в монастырь Серапион Кожеозерский. Для житий этого времени характерен отказ от риторики, «украшенного» стиля, усиление личного начала автора. Жанры литературы получили новую жизнь. Например, «видение» теперь обрело жанровую самостоятельность. Возникшие из народной легенды «видения» начала XVII в. имели публицистическую направленность. Как произведения агитационные, они были рассчитаны на публичное выступление, чтение вслух. Почти все их художественное пространство занимали молитва и покаяние, что должно было объединить народ в надежде на спасение.

Общая характеристика сатирических повестей XVII века

В XVII веке активно развивается сатира. Сатирические повести можно разделить на три группы: антифеодальные, антиклерикальные и бытовые. К антифеодальным относятся «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде». К антиклерикальным – «Калязинская челобитная», «Повесть о бражнике». Бытовые повести – это беллетристические произведения, в них вымышлены герои и события. К этому типу относится «Повесть о Горезлосчастии». В произведениях отразился драматизм столкновения «старины» и «новизны» в сфере личной и общественной жизни. «Повесть о бражнике» имеет три части: вступление, разговор бражника с обитателями рая, выход Иоанна Богослова. Такое построение говорит о новеллистическом характере произведения. Эта повесть относится к антиклерикальной сатире. В первой части говорится о том, кто такой бражник: «пьющий рано велми в праздники Божия». Он умирает и за ним приходит ангел, после чего начинается вторая часть – общение бражника с теми, кто подходит к вратам рая, – апостол Петр, апостол Павел, царь Давид, царь Соломон. Бражник просит их пустить его, но ему отвечают, что грешникам нельзя в рай. На что о каждом бражник вспоминает что-то из их жизни, от чего каждый «отиде, посрамлен бысть». В третьей части к вратам подходит Иоанн Богослов, который также говорит: «бражником не входимо в рай». На что бражник отвечает, что в его Евангелии написано: «аще ли друг друга возлюбим, а Бог нас обоих соблюдет». И говорит, что тогда Иоанн должен или впустить его, или отречься от написания Евангелия. Так бражник и попадает в рай. В этом произведении нарушается

догмат – высший, Божественный суд оказывается несправедливым. В рай попадает грешник. Эта повесть-пародия на средневековые сказания о загробной жизни-гневно обличает церковное благочестие и церковное почитание прославленных святых. Все святые, о которых здесь говорится, оказываются недостойными рая, а бражник выступает гневным обличителем и в то же время хитрым оратором. Поэтому эта повесть была занесена в индекс запрещенных книг.

Проблематика и жанровая неоднозначность бытовых повестей XVII века

Ко второй половине XVII века в русской литературе складывается особая жанровая разновидность – бытовая повесть, в которой отразился драматизм столкновения «старины» и «новизны» в сфере личной и общественной жизни. Если реальные герои исторических повестей становились участниками нереальных событий, то похождения вымышленных персонажей в бытовых повестях были прочно вписаны в окружающую русскую действительность. Все события и герои в этих произведениях вымышлены. Произведения отличались публицистичностью, авторской свободой: автор мог сам решать спор в пользу того или иного героя, в зависимости от своих нравственных позиций. Бытовая повесть позднего средневековья приобретает черты философической прозы. Бытовая повесть отразила демократизацию героя, наметившийся интерес к «маленькому человеку».

«Повесть о Горе-Злосчасти» создана в купеческой среде во второй половине XVII в. Она написана народным стихом, на бытовой сюжет, сопровождаемый лирическими нравоучениями. Герой повести – молодец, у него нет имени, не послушался родителей, говоривших: «Не ходи, чадо, в пиры и в братнины, не садися ты на месщц болшее, не пей, чадо, двух чар за едину!», чтобы не быть нищим. Он «хотел жити, как ему любо» и делал все наоборот, поэтому впал «в наготу и босоту безмерную». В повести проходит параллель между поддавшимся искушению Адамом и Евой и молодец. Возникает образ змея-искусителя, «названного брата», который спаивает его, а затем обкрадывает. Далее параллель проходит через мотив изгнания – молодцу «срамно ...появится к своему отиу и матери» и он решает уйти «на чюжу страну». Там он попадает на пир, где рассказывает людям обо всем и просит помощи. Ему помогают, дают советы, основанные на домостроевской морали. Благодаря им молодец «от великого разума наживал он живота больше старова; присмотрил невесту себе по обычаю». Узнало об этом Горе-Злосчастье и явилось к молодцу во сне, предвещая: «быть тебе от невесты истравлену... из злата и сребра быть убитому». Но сну молодец не поверил, тогда Горе явилось ему во сне в образе архангела Гавриила, сказав о том, что блаженство-быть нищим и пьяным. После этого молодец выполняет указания Горя, но потом

понимает свою ошибку: «до беды меня, молотца, домыкало». Но Горе не отпускает его, говоря, что не уйдет никуда молодец от него. Тщетно поборовшись с Горем, «молодец в монастыр пошел постригаться», чем и спасся. Герой повести – опустившийся человек, но он переживает от этого. Это первый в русской литературе образ босяка, которому автор сочувствует, но в то же время и осуждает. Облик Горя построен на фольклорных началах. Горе заставляет человека выбрать неправильный путь, но оно является и возмездием за его ошибки, когда говорит: «А хто родителей на добро учения не слушает, того выучу я, Горе злосчастное». Это произведение по жанру похоже на притчу или поучение, т.к. насыщено моралью, приводимой на конкретном примере. Повесть очень близка к народным песням о Горе, отдельные ее места носят былинный характер (например, приход молодца на пир и его похвальба). Произведение близко к фольклору, что видно в сравнениях: молодец – «сизый голубь», Горе – «серый ястреб» и т.д. На основе этого можно сказать, что повесть представляет собой сплав фольклора и литературы, она выходит за рамки жанровых систем, сочетая в себе множество жанров и традиций.

Истоки и поэтическое своеобразие стиля барокко в русской литературе

Барокко – один из первых европейских стилей, представленных в русской культуре. Родиной барокко считается Италия, страной, где оно достигло своего апогея, – Испания. На Русь барокко пришло из Польши через Украину и Белоруссию. Оно сменило собой эпоху средневековья и стало своеобразным Ренессансом русской культуры. Это привело к потере религиозно-философской самоуглубленности барокко и содействию обмирщению культуры. Поэтому барокко в русской культуре приобрело оптимистический пафос, не развив философские мотивы «бренности бытия», и провозглашало жизнь человека как сплошные удовольствия и увлекательные путешествия. Эта идея «пестроты» мира сформировала в литературе новый тип героя – ловца Фортуны, любознательного и предприимчивого человека, наслаждающегося жизнью.

Барокко в его русском варианте затронуло в основном культуру верхов, оно не было масштабно, т.к. было ограничено во времени. Оно прославляло науку, образование и разум. В поэзии барокко ценилась изысканность и ученость, приветствовались «многоязычные» стихотворения, что отразилось в стихотворении Полоцкого, посвященном Рождеству, которое он написал на славянском, польском, латинском языках. Традиции барокко проявлялись и через высокий стиль, ориентированный на церковнославянский язык с пристрастием к сложным словам. Симеон, например, использовал сложные прилагательные, нередко им самим придуманные: «добротворенье» «богодуховенно цветородные» и т.д. При всей элитарности барокко было обращено к народу, служило целям его образования и воспитания. Насыщаясь

научным и публицистическим материалом, историческими и географическими сведениями, поэзия барокко стремилась выйти за границы литературы.

К открытиям барокко можно отнести новый взгляд на человека, изображение которого лишено ренессансной гармонии. Замысловатый сюжет заставлял героев активно перемещаться в пространстве, в произведении появлялось обилие пейзажа и портретов. Мир барокко поражал причудливостью форм, многоликостью и многоголосием. И русский вариант барокко, в отличие от европейского, отличался умеренностью. В русской традиции также был ослаблен интерес к натуралистическим сценам любви и смерти, описаниям загробного мира. Барокко укоренило в русской литературе поэзию, обогатив ее новыми стихотворными формами. Их диапазон очень широк: от стихотворных переложений литургических текстов до эпиграмм, от панегирических приветствий в адрес царя до надписей к изображениям азбук. Барокко раскрепостило поэта, дав ему свободу в выборе формы произведения, причем этот поиск часто вел к разрушению границ между жанрами, разными видами искусства, искусством и наукой. Стихотворения могли иметь форму диалога, стать частью живописной композиции и т.д. форма стала преобладать над содержанием: поэты слагают акrostихи, фигурные стихи, создают лабиринты с многократно прочитываемой фразой, «эхо». Входят в моду «леонинские» стихи с рифмующимися полустипами.

Хотя литература русского барокко кажется далекой от строгих норм и канонов, в ней существовала своя закономерность, которая привела к появлению устойчивых образов и фразеологизмов: царь – «орел», «солнце», Россия – «небо». Позднее эти формулы, идеи и приемы усвоились и модифицировались в литературе русского классицизма.

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА КУРСА

Тематическое планирование дисциплины

№ п/п	№ модуля	Тема	Всего	Аудиторные занятия		Самостоятельная (внеаудиторная) работа
				Лекции	Практ. занятия	
1	1	Введение. Свообразие древней русской литературы. Проблемы периодизации	6	2	0	4
2	2	Древнерусская литература конца X – первой половины XI в.	6	2	0	4
3	2	Памятники оригинальной русской литературы XI–XII веков	6	2	0	4
4	2	История русского летописания. «Повесть временных лет» как художественный памятник	4	0	0	4
5	3	Жанр летописи в древнерусской литературе. «Повесть временных лет»	4	0	2	2
6	3	Проблемы изучения «Слова о полку Игореве»	6	2	2	2
7	4	Композиция и ритмика «Слова О полку Игореве»	6	2	2	2
8	4	Литература XIII–XIV вв. Формирование областных стилей в литературе	6	0	0	6
9	5	Художественные особенности «Поучения» Владимира Мономаха	4	0	2	2
10	5	Памятники русской литературы XIV – начала XV века. Повести Куликовского цикла	6	2	0	2
11	6	Памятники русской литературы XV века. Историко-религиозные и историко-бытовые сюжетные повести	6	2	0	4
12	6	Русская публицистическая литература XVI века. Борьба идеологий. Крупнейшие писатели	6	0	0	4
13	7	Русская литература XVII века	6	2	2	2
14	7	«Повесть о Петре и Февронии»	6	0	2	2

		как произведение эпохи Русского Предвозрождения				
15	7	Бытовые повести XVII века	6	2	2	2
16	8	Сатирические повести XVII века	4	0	0	4
17	8	Художественное своеобразие «Жития протопопа Аввакума»	6	0	2	4
18	9	Возникновение силлабической поэзии и русского театра	6	2	0	4
Итого:			102	20	16	42

ПРИМЕРНЫЕ ПЛАНЫ ЛЕКЦИЙ

Лекция 1. Введение. Свообразие древней русской литературы.

Проблемы периодизации

1. Свообразие древней русской литературы.
2. Проблема возникновения древнерусской литературы.
3. Культурные и литературные связи Руси.
4. Проблема периодизации древнерусской литературы.

Лекция 2. Древнерусская литература конца X – первой половины XI в.

1. Древнехристианская книжность на Руси.
2. Особенности переводных житий и житийных сборников.

Лекция 3. Памятники оригинальной русской литературы XI–XII веков

1. Основные темы и жанры оригинальной русской литературы X–XI веков.
2. Художественные особенности «Слова о законе и благодати» Илариона.
3. Возникновение летописных сводов. Гипотезы А.А. Шахматова, В.М. Истрина, Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова.
4. «Повесть временных лет» и фольклор.
5. Особенности жанра и стиля летописи.

Лекция 4. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве»

1. История открытия, публикации и изучения «Слова о полку Игореве».
2. Дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве».
3. Проблема автора «Слова о полку Игореве».
4. Сюжет и композиция. Роль исторических, публицистических и лирических отступлений в «Слове о полку Игореве».
5. Особенности ритмики «Слова о полку Игореве».

Лекция 5. Литература XIII–XIV вв. Формирование областных стилей в литературе. Памятники русской литературы XIV – начала XV века. Повести Куликовского цикла

1. Возникновение и развитие новых культурных центров Руси.
2. Основные тенденции развития литературы XIII–XIV вв. Московская литература XIV–XV вв.
3. Летописные повести о Куликовской битве, «Сказание о Мамаевом побоище»: источники, стиль.
4. Соотношение «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».

Лекция 6. Памятники русской литературы XV века. Историко-религиозные и историко-бытовые сюжетные повести

1. Общая характеристика литературы XV века.
2. Историко-религиозные и историко-бытовые сюжетные повести.

Лекция 7. Русская публицистическая литература XVI века. Борьба идеологий. Крупнейшие писатели

1. Публицистика XVI века: сочинения митрополита Даниила и М. Грека.
2. Публицистические сочинения И. Пересветова.
3. Особенности стиля произведений И. Грозного.

Лекция 8. Русская литература XVII века

1. Литература периода Смуты.
2. Историческая повесть первой половины XVII века.
3. Особенности житийной литературы XVII века.

Лекция 9. Бытовые повести XVII века

1. Особенности конфликта в «Повести о Горе-Злочастии».
2. Приемы раскрытия характера центрального героя в «Повести о Савве Грудцыне».

Лекция 10. Возникновение силлабической поэзии и русского театра

1. Стихотворство второй половины XVII века: Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин.
2. Проблематика «комедий» С. Полоцкого.

ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Практическое занятие № 1

ЖАНР ЛЕТОПИСИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

1. Когда возникла летопись? Гипотезы А.А. Шахматова, Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова о становлении начальной русской летописи. Раскрыть понятие «летописный свод».

2. Главная идея «Повести временных лет». Основные образы.

3. Фольклорные и книжные источники «Повести временных лет» (назвать их, используя конкретные летописные статьи); апокрифические сюжеты в «Повести временных лет» (путешествие апостола Андрея; ст. 1071 г. о сотворении человека из ветошки; ст. 1096 г. рассказ о Гоге и Магоге).

4. Охарактеризовать основные формы летописного повествования, выбрать из текста «Повести временных лет» примеры погодной записи, летописного сказания, летописного рассказа, летописной повести, документальных материалов.

5. «Повесть временных лет» о роли славянского языка и письменности в формировании древнерусской государственности; «Повесть временных лет» о первых книгах, переведенных на славянский язык св. Кириллом и св. Мефодием (ст. 6406 (898) г.).

6. Тема братолюбия как основной лейтмотив «Повести временных лет». Ее выражение в рассказе о Борисе и Глебе (ст. 1015 г. об убиении Бориса и Глеба), «завещании Ярослава» (ст. 6562) и в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского» (ст. 1097 г.).

7. Тема единства Русской Земли в борьбе со степными кочевниками и проблема княжеских междоусобиц. Размышления автора в контексте описания братоубийственных войн в «Повести» (ст. 1073 г.) о «бесовских играх» с человеком.

8. Отражение языческих верований Древней Руси в «Повести временных лет»:

а) отношение автора к языческим представлениям и верованиям. Какие мотивы в поведении людей – носителей этих представлений и верований – он выделяет?;

б) влияние традиций апокрифической литературы на данные сюжеты. Почему в сознании летописца языческие верования трансформируются в апокрифические предания? Апокрифическая версия сотворения человека в ст. 1071 г., ее источники, мотивы богомильской ереси;

в) анализ образа «человека-ветошки» с точки зрения темы двойничества в древнерусской, русской и мировой литературах: двойники в повестях XVII века; человек–ветошка у Ф.М. Достоевского.

Прочитать текст

«Повесть временных лет» (не менее 5–6 фрагментов).

Обязательно: «Сказание о белгородском киселе», «Сказание о походе князя Олега на Царьград», «Предание о смерти князя Олега».

Повесть временных лет // Древняя русская литература. Хрестоматия / сост. Н.И. Прокофьев. – М.: Просвещение, 1980. – С. 7–29.

Исследования:

1. Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М.: Высшая школа, 1977. – С. 38–57.

2. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 40–64.

3. Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Д.С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Наука, 1986. – С. 113–137.

4. Лихачев Д.С. Русские летописи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1974. – С. 35–172.

5. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970. (Гл. 2,3).

6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1979. (Гл. Поэтика художественного обобщения).

Письменно проанализировать

- «Сказание о Кожемяке» по следующему плану:

а) основная сюжетная линия произведения (завязка, кульминация, развязка); б) как автор добивается заострения интереса к образу Кожемяки? (прямая речь, косвенные характеристики, прием противопоставления); в) в какой новый контекст включается фольклорный мотив соревнования героев, испытание силы персонажа?

- «Повесть об ослеплении Василька Теробовльского», ответив на следующие вопросы:

а) в чем композиционные особенности повести?; б) какова позиция автора и способы ее раскрытия?; в) какое значение имеют детали? (привести примеры из текста); г) какие чувства должно было вызвать произведение у читателя? (связать с основными задачами времени).

Практическое занятие № 2

ТОРЖЕСТВЕННОЕ И УЧИТЕЛЬНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОУЧЕНИЯ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

1. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона как выдающийся памятник ораторского красноречия:

а) характеристика времени создания памятника. Древняя Русь в годы правления Ярослава Мудрого. Как описывается в «Повести временных лет» расцвет культуры в эту эпоху? Что ставит в заслугу Ярославу Мудрому Нестор летописец? Какие сведения о митрополите Иларионе содержатся в летописи? Что послужило поводом, по предположению исследователей, для создания «Слова», при каких обстоятельствах оно было произнесено?;

б) основные темы «Слова о Законе и Благодати»;

в) философия священной истории: Закон и Благодать как два этапа духовного становления человечества; ограниченность Закона и торжество Благодати в судьбах людей;

г) отражение преобразующего характера понимания Ветхого Завета в его отношении к Новому Завету в «Слове» Илариона. Образное осмысление антитезы Закона и Благодати: сопоставление образов Агари и Сарры, Измаила и Исаака. Характеристика типологии (аллегорико-типологическое толкование) образов Агари и Сарры как типов будущих событий;

д) отражение в памятнике вселенского значения христианства и равноправия всех христианских народов; значение антитезы *озеро – источник; ветхие мехи – новое вино* в контексте осмысления в памятнике духовных истоков древнерусского государства, его исторической судьбы как проявления действия Благодати.

е) образ святого Владимира. Какое главное событие отмечает автор в его судьбе? Как описывает Иларион действие Благодати на личность Владимира и распространение этого действия на Русскую землю? Кому уподобляется Владимир в своем деянии? Почему становятся возможны эти сравнения? Способы воплощения образа: из каких фактических сведений он складывается, их характер; к помощи каких риторических приемов прибегает автор? Особенности композиционной схемы энкомия (похвального слова).

2. Сочинения св. Кирилла Туровского:

а) общая характеристика и классификация литературного наследия св. Кирилла Туровского: основные темы и жанры, их связь с духовной деятельностью автора;

б) тематические циклы: молитвы, Пасхальный, в честь Пятидесятницы, о монашестве, дидактические и догматико-дидактические сочинения, а внутри последних празднично-догматические и празднично-торжественные. Полемиические и покаянные мотивы в сочинениях Кирилла Туровского;

в) жанровое своеобразие молитв, канонов, притч, посланий, праздничных проповедей, панегириков, назидательных проповедей Кирилла Туровского;

г) соотношение традиционного и оригинального в текстах св. Кирилла Туровского, их интертекстуальность;

д) способы организации (архитектоника) текста;

е) принципы ритмической организации текста. Привести примеры изохронизма – деления текста на ровные ритмические отрезки;

ж) место аллегории в творческом методе св. Кирилла Туровского. Привести примеры символического использования аллегорических образов;

з) понимание смысла человеческой жизни, проблемы соотношения духовного и телесного в человеке, природы его чувств в «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» и в «Притче о человеческой душе и теле»;

и) роль и значение аскетических идеалов монашества в представлениях св. Кирилла Туровского о человеке и целях его бытия. Источник сюжета притчи, лежащей в основе «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» и характер его переработки. Какие жанровые и содержательные особенности притчи позволяют в границах устойчивого выражения в ней строго определенного духовного и нравственного идеала придать динамизм и напряженность размышлениям автора?;

к) символический характер осмысления действительности в притче: выражение сокровенного в обыденном, идеального в материальном, вечного во временном;

л) какой смысл и значение вкладывает автор в реалии монашеского бытия? Представления св. Кирилла Туровского о духовной и нравственной ответственности человека, его взгляды на сущность соотношения церковной и светской власти в «Притче о человеческой душе и теле» («Слове о слепце и хромце»);

м) книжная деятельность и книга в творчестве св. Кирилла Туровского. Что понимает он под «учением книжным» в «Слове о книжном почитании и о учении»? Книга как путь спасения в «Притче о человеческой душе и теле» и в «Наказании»;

н) естественное и духовное в изображении весны в «Слове на новую неделю».

3. Исторические предпосылки появления «Поучения» Владимира Мономаха. Связь основной темы и идеи «Поучения» с проблемами времени.

4. Жанровая специфика памятника (соединение автобиографии и поучения). Найти примеры в тексте и соотнести их с понятием «литературного этикета».

5. Традиционные средневековые представления и конкретно-исторические задачи, выдвигаемые Мономахом. Окружающий мир и главные добродетели человека в представлении автора.

Письменно

1) проанализировать приемы, с помощью которых Мономах передает свое внутреннее состояние (выписать из текста);

2) выписать из текста «Поучения» примеры противопоставлений, афоризмов, риторических восклицаний, ритмизированной прозы; определить их функциональную значимость.

Прочитать:

1. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. – URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/11_tom/Eriomin/Eriomin.pdf

2. Лихачев Д.С. Великое наследие. – М., 1975. – С. 111–131 (или: Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. – Т. 2. – Л., 1987. – С. 133–153).

3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1979. Глава III (или: Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. – Т. 1. – Л., 1987).

4. Митрополит Иларион «Слово о Законе и Благодати» / сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. – 176 с. – URL: https://rusinst.ru/docs/books/Mitr_Iarion-Slovo_o_Zakone_i_Blagodati.pdf

5. Слово о Законе и Благодати митрополита ИЛАРИОНА / подг. Текста и коммент. АМ. Молдована, пер. А. Юрченко. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>.

Практическое занятие № 3

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ». КОМПОЗИЦИЯ И РИТМИКА

1. Проблема подлинности и древности «Слова о полку Игореве»:

- гипотезы «скептиков»,

- сторонники признания «Слова» литературным памятником XII века.

Письменно кратко изложить суть точек зрения А.А. Горского, Л.Н. Гумилева, Н.С. Демковой, Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева, Г.Н. Моисеевой, А.Л. Никитина, Б.А. Рыбакова (см. список литературы);

сформулировать и записать прямые и косвенные факты, убеждающие в подлинности «Слова о полку Игореве».

2. «Скептики» и проблема автора «Слова о полку Игореве»:

- версия А.Л. Никитина,
- сторонники гипотезы «автор – князь Игорь»,
- концепция Б.А. Рыбакова,
- Д.С. Лихачев об авторе «Слова о полку Игореве».

Анализируя различные точки зрения, обратите внимание на следующее: почему не дошло до нас имя автора «Слова»? что дает исследователям знание имени автора? какая версия, на ваш взгляд, наиболее убедительна? почему любая предложенная версия имени автора «Слова» остается гипотезой?

Заполнить таблицу:

Исследователь	Представление об авторе «Слова»			
	Социальный статус	К какому княжескому роду принадлежит	Его «вторая» профессия	Откуда родом

3. Сюжет и композиция «Слова о полку Игореве». Составить развернутый план произведения и ответить на следующие вопросы: Действительно ли в дошедшем до нас тексте были перепутаны страницы? Почему в «Слове» два солнечных затмения и два обращения к Бояну? Какую роль играет солнечная символика в композиции произведения?

4. Образная система памятника: образы князей, женские образы, образы певцов, изображение природы, образ Русской земли.

5. Ритмическая организация «Слова о полку Игореве». Особенно обратить внимание на следующие вопросы: что такое синтагмированная речь? (письменно привести примеры из текста); что такое метрическая организация текста? (привести примеры из текста произведения). Найти примеры фольклорно-песенной звукописи в тексте «Слова о полку Игореве» (письменно).

Прочитать

Литература к первому вопросу:

1. Горский А.А. К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве» // Русская литература. – Л., 1985. – № 4. – С. 21–29.
2. Горский А.А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986. – С. 29–38.
3. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М., 1970.

4. Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. – 1972. – № 1. – 73–82.
5. Демкова Н.С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия истории, языка и литературы. – 1973. – № 14. – С. 73–77.
6. Дмитриев Л.А. К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Л.Н. Гумилева) // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 83–87.
7. Дмитриев Л.А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. – М.; Л., 1970.
8. К истории создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы литературы. – 1967. – № 3. – С.133–177. (Концепция А.А. Зимины и полемика вокруг нее)
9. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1985.
10. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» // Лихачев Д.С. Великое наследие. – М., 1980. – С. 163–241.
11. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и скептики // Лихачев Д.С. Великое наследие. – М., 1980. – С. 394–399.
12. Лихачев Д.С. Против дилетантизма в изучении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986. – С. 183–197.
13. Моисеева Г.Н. О времени создания «Слова о полку Игореве» // Русская литература. – Л., 1985. – № 4. – С. 15–20.
14. Никитин А.Л. «Слово о полку Игореве»: загадки и гипотезы // Октябрь. – М., 1977. – № 7. – С. 133–164.
15. Осетров Е.И. Мир Игоревой песни. – М., 1981.
16. Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Несостоявшееся открытие (поэмы Бояна и «Слова») // Русская литература. – Л., 1985. – С. 100–112 или: Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986. – С. 197–220.
17. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М., 1971.
18. Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана: (по поводу книги Л.Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства») // Вопросы истории. – М., 1971. – С. 153–159.
19. «Слово о полку Игореве» - памятник XII века. – М.; Л., 1962.

Литература ко второму вопросу:

1. Дмитриев Л.А. Автор «Слова о полку Игореве» и анонимные авторы в древнерусской литературе // Русские писатели: Библиографический словарь. – М., 1971. – С. 11–18.
2. Дмитриев Л.А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. – 1986. – № 4. – С. 3–25.
3. Лихачев Д.С. Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. – 1985. – № 3. – С. 4–7.

4. Лихачев Д.С. В защиту «Слова о полку Игореве» // Вопросы литературы. – 1984. – № 12. – С. 80–99.
5. Никитин А.Л. Испытание словом // Новый мир. – 1984. – № 5. – С. 176–208; № 6. – С. 217–226; № 7. – С. 176–208.
6. Никитин А.Л. Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве»: Сон Святослава // Исследования и материалы по древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства IX–XVII вв. – Л., 1978. – С. 112–133.
7. Прохоров Г.М. Снова подозревается Карамзин (еще одна гипотеза об авторе «Слова о полку Игореве») // Русская литература. – 1975. – № 3. – С. 235–240.
8. Ржига В.Ф. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // Археологический ежегодник за 1961 год. – М., 1962. – С. 3–17.
9. Робинсон А.Н. Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха // Слово о полку Игореве. 800 лет: сб. – М., 1986. – С. 153–192.
10. Рыбаков Б.А. Кто же автор «Слова о полку Игореве»? // Слово о полку Игореве. 800 лет: сб. – М., 1986. – С. 115–130.
11. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1972.
12. Сидоров Н.П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. статей. – М.; Л., 1950. – С. 164–175.
13. Федоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. – М., 1956.

Литература к третьему, четвертому и пятому вопросу вопросам:

1. Андрианова-Перетц В.П. Слово о полку Игореве и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. Тексты и исследования / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М.; Л., 1950. – С. 291–319.
2. Дмитриев Л.А. Принцип трехчленности в композиционных построениях «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1960. – Т. 16. – С. 606–610.
3. Гудзий Н.К. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1956. – Т. 12. – С. 35–41.
4. Лихачев Д.С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. – 1983. – № 4. – С. 9–21.
5. Лихачев Д.С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л.: Наука, 1986. – С. 9–28.
6. Робинсон А.Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // Исследования и материалы по древнерусской литературе: «Слово о полку

Игоре́ве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. – М., 1978. – С. 7–58.

7. Рыбаков Б.А. О перестановках текста в рукописи «Слова...» Утерянная страница // Б.А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М.: Наука, 1971. – С. 35–85.

8. Чернов А.Ю. Надо ли еще переводить «Слово о полку..»? // Юность. – 1980. – № 1. – С. 95–99.

9. Чернов А.Ю. Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л.: Наука, 1986. – С. 270–293.

10. Яценко Б.И. Солнечные затмения в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 116–122.

Выучить наизусть

Плач Ярославны из «Слова о полку Игореве» (оригинал или перевод).

Написать

(в отдельной тетради) творческое сочинение на одну из предложенных тем:

- 1) Художественно-изобразительные средства «Слова о полку Игореве»;
- 2) Ритмическая структура «Слова о полку Игореве»;
- 3) «Слово о полку Игореве» и устное народное творчество.

Практическое занятие № 4

АГИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIV вв.

1. Характеристика жанра жития:

а) агиографический канон, отличие агиобиографии от биографии;

б) разновидности жанра жития (житие-биография и житие-мartyрий, проложные, минейные, патериковые жития) и их характеристика; типы житийных героев (равноапостольные, мученики, святители, преподобные, столпники, юродивые и др.);

в) ансамблевый характер житий (молитва, плач, поучение, видение, знамение и др. «малые» жанры в составе житий) и соотнесение житийного жанра с другими жанрами древнерусской литературы (хожением, сказанием, поучением, словом, летописной повестью и др.);

г) нравственно-религиозные концепции в ранней отечественной агиографии, ее национальное своеобразие.

2. «Сказание о Борисе и Глебе» как древнейший образец мученического жития в отечественной агиографии:

а) историческая основа памятника, летописная повесть «Об убиении Борисове»;

б) религиозный и политический смысл страстотерпческого подвига братьев–князей;

в) психологические характеристики героев и приемы их введения в текст, элементы литературного портрета;

г) жанрово-стилевые особенности «Сказания о Борисе и Глебе» и «Чтения о житии и преставлении Бориса и Глеба» преп. Нестора Летописца.

3. «Житие Феодосия Печерского» преп. Нестора Летописца как первое в древнерусской литературе преподобническое житие:

а) идеал монашеского бытия в памятнике, образ Феодосия – «небесного человека, по земле ходящего»; способы идеализации в изображении главного героя;

б) черты раннего психологизма в памятнике;

в) принципы литературного обобщения в изображении исторических лиц;

г) своеобразие композиции и языка памятника.

4. Киево-Печерский патерик:

а) типы житийных сборников, известных Древней Руси. Сюжетно-тематические разновидности патериковых рассказов;

б) история создания, редакции, внутрижанровый состав Киево-Печерского патерика;

в) идейная направленность памятника, связанная с основанием и политической ролью Киево–Печерского монастыря;

г) картина монастырской и мирской жизни в рассказах патерика;

д) отражение взаимоотношений монастыря с князьями; особенности изображения и трактовки гибели князя Ростислава в «Повести временных лет» (погодная запись 1093 г.), «Слове о полку Игореве», Киево-Печерском патерике;

е) новое и традиционное в разработке мотива бесборчества;

ж) композиционные и языковые особенности памятника.

5. Отражение событий монголо–татарского нашествия и борьбы с завоевателями в агиографической литературе XIII–XIV вв.:

а) образ святого, героя–ратоборца, государственного деятеля в «Житии князя Александра Невского». Причина различия восточной и западной политики Александра Невского. Совмещение жанровых признаков агиографии, княжеской биографии и воинской повести в памятнике;

б) новые черты в жанре мученических княжеских житий («Сказание об убиении в Орде Князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора», «Повесть о преставлении тверского князя Михаила Ярославича»).

6. Житийные мотивы в творчестве русских писателей XIX и XX вв. (письменно подобрать примеры-иллюстрации).

Задания. 1. По вопросам плана занятия 3а, 3б, 3в подобрать примеры-иллюстрации (письменно). 2. Найти в тексте «Жития князя Александра Невского» примеры метафор, сравнений, символов(письменно) и определить их функциональное назначение. 3. Подготовить историко-литературный комментарий к «Сказанию об убиении в Орде Михаила Черниговского и боярина его Феодора» и «Повести о преставлении тверского князя Михаила Ярославича». В последнем произведении охарактеризовать авторские соотнесения образа главного героя с образами Дмитрия Солунского, Бориса и Глеба, Михаила Черниговского.

Подготовить сообщения: 1. «Агиографический канон и национальное своеобразие древнерусской агиографии». 2. «Расхождение свидетельств древнерусских и скандинавских литературных источников об убийстве Бориса и Глеба».

Издания текстов:

Древнерусские предания (XI–XVI вв). – М., 1982. – С. 25–127.

Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 279–392.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981. – С. 426–439.

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 256–429.

Преп. Нестор Летописец. Повесть временных лет и Жития. – М., 1997.

Полное собрание русских летописей. – Т. 15. Рогожский летописец. – М., 1965.

Исследования

Основная литература:

Адрианова-Перетц В.П. Задачи изучения «агиографического» стиля Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 20. – М.; Л., 1964. – С. 47–71.

Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». – М.; Л., 1965. – С. 12–83, 159–180.

Бегунов Ю.К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1971. – Т. 26. – С. 71–84.

Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. – М., 1996.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – Репр. изд. – М., 1988.

Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. – СПб., 1996.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избр. работы: в 3 т. – Т. 3. – Л., 1987. – С. 77–97, 104–108, 130–140.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 166–168, 308–313, 370–373, 392–396; Л., 1988. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 211–220.

Топоров В.П. Святость и святые в русской духовной жизни. – СПб., 1995.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М., 1990. – С. 39–87.

Дополнительная литература:

Биленкин В. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глебоборисовского» культа // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1993. – Т. 43. – С. 54–65.

Волкова Т.Ф. Художественная структура и функции образа бесов в Киево—Печерском патерике // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 33. – Л., 1979. – С. 228–237.

Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. – Л., 1973. – С. 3–12.

Дмитриев Л.А. Литературные судьбы жанра древнерусских житий (церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. – М., 1973. – С. 400–418.

Душечкина Е.В. Нестор в работе над Житием Феодосия Печерского: опыт прочтения текста // Ученые записки Тартуского ун-та. – 1971. – Вып. 266. – С. 4–15.

Еремин И.П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. – М.; Л., 1966. – С. 18–41.

Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. – С. 67–107.

Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М., 1993.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. – М., 1996.

Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995.

Куприянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. – Л., 1976. – С. 12–74.

Кусков В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1981. – № 1. – С. 3–12.

Ольшевская Л.А. Об авторах «Киево-Печерского патерика» // Литература Древней Руси. – М., 1978. – Вып. 2. – С. 13–27.

Ольшевская Л.А. Своеобразие жанра житий в Киево-Печерском патерике // Литература Древней Руси. – М., 1981. – Вып. 3. – С. 18–34.

Охотникова В.И. Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания // Источниковедение литературы Древней Руси. – Л., 1980. – С. 115–128.

Пак Н.И. Книжные источники и их идейно-художественная мотивировка в сюжетосложении повестей о князьях-мучениках // Литература Древней Руси. – М., 1983. – Вып. 4. – С. 74–81.

Пятнов П.В. К вопросу о жанровом своеобразии «Жития Александра Невского» // Вестник МГУ. Филология. – 1979. – № 1. – С. 33–41.

Ранчин А. Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики // Русское Средневековье. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 5–25.

Руди Т.Р. О композиции и топике «Жития Юлиании Лазоревской» // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 133–143.

Склярчук В. Н. К биографии Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1988. – Т. 41. – С. 317–323.

Шайкин А.А. Святополк, Борис и Глеб // Литература Древней Руси. – М., 1986. – С. 41–48.

Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. – М., 1993.

Практическое занятие № 5

СКАЗАНИЕ И ПОВЕСТИ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

1. Историческое значение Куликовской битвы.
2. История памятников Куликовского цикла.
3. «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» (проблема вторичности «Задонщины»).
4. Летописные повести о Куликовской битве (сравнительный анализ текстов Краткой и Пространной повестей).
5. Образы «Сказания о Мамаевом побоище».
6. Эмоционально-экспрессивный стиль в памятниках литературы Куликовского цикла.

Ответы на вопросы 3–6 могут быть представлены в форме докладов (с презентацией) объемом 10–12 мин. При отсутствии доклада вопрос выносится на общее обсуждение.

Прочитать тексты:

1. Задонщина.
2. Краткая летописная повесть о Куликовской битве.
3. Пространная летописная повесть о Куликовской битве.
4. Сказание о Мамаевом побоище (основная редакция).

Тексты лучше читать по изданию: Сказания и повести о Куликовской битве / под ред. Л.А. Дмитриева и О.П. Лихачевой. – Л.: Наука, 1982 (Серия «Литературные памятники»).

Исследования:

1. Лихачев Д.С. Мировое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 255–262.
2. Пашуто В.Т. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 262–291.
3. Кирпичникова А.Н. Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 291–306.
4. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова...» / под ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. – М.; Л.: Наука, 1966.
5. Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – С. 306–360.

Практическое занятие № 6

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЭПОХИ РУССКОГО ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Жанровые особенности «Повести о Петре и Февронии».
2. Своеобразие идейно-художественного содержания «Повести» как произведения литературы эпохи Русского Предвозрождения.
3. Гуманистический и демократический пафос «Повести о Петре и Февронии». Какие черты делают это произведение примером «умиротворенного стиля» в русской литературе XV века?
4. Композиционные особенности «Повести о Петре и Февронии» (на какие три части делится произведение? В чем их идейно-тематическое родство и различие?). Составьте подробный план «Повести» (письменно).
5. Каким образом достигается в «Повести» органическое единство фантастического и исторического? Воспроизведите близко к тексту эти места.
6. Приведите примеры общих мест в «Повести о Петре и Февронии» и устном народном творчестве. Какой художественный тип русского фольклора представлен в образе Февронии? Покажите народность этого образа на примере речи Февронии.

Прочитать

1. Дмитриева Р.П. Древнерусская повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов // Русская литература. – 1974. – № 4.
2. Дмитриева Р.П. О структуре Повести о Петре и Февронии // Повесть о Петре и Февронии. – Л., 1979. – С. 6–34.

3. Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – М.; Л., 1949. – Т. VII.

Практическое занятие № 7

БЫТОВЫЕ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

1. Основные особенности литературного процесса XVII века. Закономерности развития литературы этого периода.

2. Новое отношение к человеку, новое понимание целей жизни, особенностей характера, выраженное в повестях.

3. Центральный конфликт в бытовых повестях XVII века. Какое собирательное название имеют герои этих произведений?

4. Значение бытовых повестей XVII века в становлении тем «маленького человека», «отцов и детей», в формировании романа в русской литературе нового времени.

Вопросы к анализу текста:

1. С каких идейных позиций решается конфликт в «Повести о Горе-Злочастии»? Как это воплощается в сюжете и фабуле произведения?

2. Какова идейная нагрузка вступления в «Повести о Горе-Злочастии»? Почему у героя повести нет собственного имени?

3. Как в «Повести о Горе-Злочастии» сказался новый общественный взгляд на церковь?

4. В чем заключается весьма существенное противоречие идейного содержания «Повести о Горе-Злочастии»?

5. Что вы можете сказать о ритмике и стиле «Повести о Горе-Злочастии»?

6. Как вы понимаете образ Горя? Каковы символические функции этого образа?

7. Приведите родительские наставления в «Повести о Горе-Злочастии» близко к тексту.

8. Вспомните и воспроизведите по памяти общие места в «Повести о Горе-Злочастии» и в устном творчестве. Как объяснить необходимость сочетания в одном произведении фольклорных и церковных художественных традиций?

9. Определите историко-литературное значение «Повести о Горе-Злоуастии».

10. Составьте подробный план «Повести о Савве Грудцыне». Какой международный сюжет положен в основу этого произведения?

11. Покажите примеры «старого» и «нового» в идейно-художественном содержании «Повести о Савве Грудцыне». Каково историко-художественное значение этого факта?

12. Каковы функции натуралистических описаний в «Повести о Савве Грудцыне»? Определите значение этого факта с историко-литературной точки зрения.

13. С каких позиций решается конфликт между «старым» и «новым» в «Повести о Савве Грудцыне»?

14. Сравните идейно-нравственное содержание бытовых повестей XVII века с моральным кодексом «Домостроя».

15. Составьте подробный план «Повести о Фроле Скобееве».

16. Что общего у этого произведения с другими бытовыми повестями? Чем они в корне отличаются? Каким образом это отражает сдвиги в общественном сознании русского общества второй половины XVII века?

17. Каковы принципы изображения человеческого характера в «Повести о Фроле Скобееве»? Как эти принципы определяет Д.С. Лихачев?

18. Можно ли говорить о реализме «Повести о Фроле Скобееве»? Если нет, то почему?

19. Словами, близкими к тексту, расскажите о Фроле Скобееве, об Аннушке, о ее родителях. Какими средствами достигается восприятие этих образов?

20. Как автор «Повести о Фроле Скобееве» относится к своему герою? С каких идейных позиций здесь решается конфликт «нового» и «старого»?

Прочитать тексты:

1. Повесть о Горе-Злочастии.
2. Повесть о Савве Грудцыне.
3. Повесть о Фроле Скобееве.

Издания текстов:

Русская бытовая повесть XV–XVII вв. – М., 1991.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – Кн. 1. – М., 1988.

Исследования

Основная литература

Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. – Л., 1974. – С. 120–156.

Демкова Н.С., Лихачев Д.С., Панченко А.М. Основные направления в беллетристике XVII века // Истоки русской беллетристики. – Л., 1970. – С. 525–536.

Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. – Л., 1973.

Лихачев Д.С. Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. – Л., 1969. – С. 299–328.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. (Глава 6).

Лихачев Д.С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века // Повесть о Горе-Злочастии. – Л., 1984. – С. 89–134.

Лихачев Д.С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – М., 1986. – С. 96–112.

Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. – М., 1974. – С. 94–193, 246–277, 278–309.

Дополнительная литература

Алехина Л.И. Образ Гора-Злочастия (к вопросу о мировоззрении автора «Повести о Горе-Злочастии») // Герменевтика древнерусской литературы. – Сб. 7. – Ч. 2. – М., 1994. – С. 313–322.

Бакланова Н. А. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII–XVIII вв. // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII–XVIII вв.) – М., 1971. – С. 160–170.

Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи. – М., 1990. – С. 164–260.

Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI – XVII века. – М., 1992. – С. 433–440, 455–483, 588–615.

Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеку. – М., 1977. – С. 73–94, 118–161.

Званцева Е.П. Сказочная традиция в русской повести XVII века // Литература Древней Руси. – М., 1986. – С. 86–94.

История русской литературы: В 4 т. – Л., 1980. – Т. 1. – С. 306–390

Кожин В.В. Происхождение романа. – М., 1963. – С. 189–200.

Меркелова Л.Г. Повесть о Горе-Злочастии в работах дореволюционных и советских литературоведов // Литература Древней Руси. – М., 1983. – С. 100–107.

Назаревский А.А. К изучению «Повести о Горе—Злочастии» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1969. – Т. 24. – С. 198–204.

Попков В.И. Демократические тенденции в русской литературе первой трети XVII века. – М., 1984.

Силантьев И.В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. – Новосибирск, 1996. – С. 46–76.

Ужанков А.Н. Истоки русской художественной прозы // Русская бытовая повесть XV–XVI вв. – М., 1996. – С. 5–18.

Шмараков Р.Л. Композиционный строй «Повести о Савве Грудцыне» // Литература Древней Руси. – М., 1996. – С. 130–141.

Федоров А.Ю. «Повесть о Горе-Злочастии» в ее отношении к волшебной сказке // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1990. – Т. 44. – С. 284–300.

Практическое занятие № 8

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ КУЛЬТУРА XVII в. ПОЭЗИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

1. Истоки русского стихотворства:

а) музыкально–речевое «стихосложение» в фольклоре;

б) влияние на русскую стихотворную культуру византийской литургической поэзии (Роман Сладкопевец, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирийский), специфики ее жанровых форм (канон, акафист, кондак);

в) музыкально–речевой стих в памятниках русской гимнографии, потенциальные стихотворные элементы в произведениях монументального стиля и стиля «плетения словес»;

г) речевой неравносложный стих (раешник) в литературе демократического направления XVII века;

д) Особенности поэтической речи в досиллабических виршах С.И. Шаховского, И.А. Хворостина, Ивана Наседки, И.М. Катырев-Ростовского и др.

е) относительный силлабизм (приказная школа, новоиерусалимская школа).

2. Основные принципы силлабической системы стихосложения. Жанры силлабического стихотворства.

3. Жизнь и литературная деятельность Симеона Полоцкого, его стремление к созданию новой словесной культуры; поэтические особенности его стихотворений, соприкасающиеся с эстетикой восточнославянского барокко (тяга к сенсационности, «куриезам», обобщенность и многозначность символики, аллегоризм, контрастность, гиперболизм, моралистическая дидактика, элементы натурализма, обилие риторических вопросов, восклицаний, инверсионных оборотов и т.д.).

4. Идеино-художественное своеобразие сборника «Рифмологион» Симеона Полоцкого:

а) прославление величия и мощи русского государства; образ идеального просвещенного самодержца;

б) роль орнаментально–декоративного оформления сборника.

5. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого как поэтический сборник, закладывающий основу дидактической линии русской поэзии:

а) принцип «литературного сада» в поэтической концепции сборника;

б) своеобразие светской и религиозной тематики произведений сборника, отражение в них космогонических воззрений, мифологических сюжетов, исторических анекдотов; решение вопроса о соотношении Бога, мира и человека;

в) сатирические произведения сборника («Купецтво», «Монах», «Невежда»,

«Чародейство» и др.), их отличие в решениях религиозно–нравственных проблем современности от демократической сатирической повести XVIII в.;

г) композиционные типы стихотворений, соотношение элементов сюжета с рассуждениями дидактического характера;

д) поэтические приемы и язык сборника.

6. «Псалтирь рифмотворная» как первый опыт поэтического переложения библейского источника, предвещающий опыты Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова.

7. Развитие традиций силлабической поэзии в творчестве учеников и последователей Симеона Полоцкого (Сильвестр Медведев, Карион Истомин); значение литературной и книгоиздательской деятельности Симеона Полоцкого для развития русской и белорусской культур.

Задания. 1. Определить систему новых представлений о роли «трудника слова» в России XVII века, исходя из текста эпитафии Симеону Полоцкому Сильвестра Медведева. 2. Выписать из предисловия к «Вертограду многоцветному» Симеона Полоцкого высказывания, характеризующие задачи, которые ставил перед собой автор сборника. 3. Провести стиховедческий анализ двух переводов (раннеславянского и в эпоху развитого силлабического стихотворчества на Руси) молитвы из VI главы Евангелия от Матфея:

Отче нашъ
иже еси на небесехъ.
да святиться имя твое
да будетъ царствие твое
да будетъ воля твоя.
яко на небеси и на земли.
хлебъ нашъ насущный
даждь нам днесь
и остави намъ длѣгы наши
яко и мы оставляѣмъ длѣжникомъ нашимъ
и не въведи насъ въ напасть
нѣ избави ны отъ неприязни
яко твое есть царствие и сила и слава
въ веки амын.

Кирилл (Константин Философ)

Отче нашъ вотще тѣчимся глаголати
Аще сыновне не хоцемъ слушати.
Иже в небеси еси тѣще читаемъ
понеже сердца земными привыкаемъ...
Да будетъ воля твоя славимъ како

Суще противни воли его всяко.

Хлеб наш насущный даждь нам вскую молим
занеже нищим дания не творим...

Симеон Полоцкий

4. Проанализировать идейно-художественные особенности стихотворения Симеона Полоцкого «Приветство... Алексею Михайловичу... о вселении его в дом... в селе Коломенском» («Рифмологион»). 5. Определить функции пейзажа в стихотворении Симеона Полоцкого «День и ночь» («Вертоград многоцветный»). 6. Сопоставить одно из произведений «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого с текстом Псалтири и объяснить «технология» творческой работы поэта.

Подготовить сообщение (с презентацией) на 7–8 мин. по одной из тем:

1. «Причины позднего появления стихотворства на Руси (гипотезы Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.М. Панченко)».

2. «Песни Самарина-Квашнина».

3. «Анонимная поэзия XVII в.».

Издания текстов:

Памятники литературы древней Руси. XVII век. – Кн. 3. – М., 1994. – С. 55–186, 215–258.

Полоцкий Симеон. Избр. соч. – М.; Л., 1953.

Полоцкий Симеон. Вирши. – Мн., 1990.

Демократическая поэзия XVII в. – М.; Л., 1962 (Библиотека поэта. Большая серия).

Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. – Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая серия).

Исследования

Основная литература:

Адрианова-Перетц В.П., Лихачев Д.С. Русская демократическая поэзия XVII века // Демократическая поэзия XVII века. – М., 1962. – С. 5–30.

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. – М., 1984. – С. 22–49.

Еремин И.П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л., 1987. – С. 193–206, 282–304.

Лихачев Д.С. Барокко и его русский вариант XVII века // Русская литература. – 1969. – № 2. – С. 21–45.

Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. – Л., 1973. – С. 3–77, 103–166.

Сазонова Л.И. Симеон Полоцкий: новые страницы творчества //

Исследования по древней и новой литературе. – Л., 1987. – С. 199–205.

Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко. – М., 1991.

Дополнительная литература:

Белгородцева Е.Д. Мотивы духовного просветления в древнерусской виршевой поэзии // Актуальные психолого-педагогические проблемы образования. – Бийск, 1997.

Былинин В.К. Грихин В.А. Симеон Полоцкий и Симон Ушаков: К проблеме эстетики русского барокко // Барокко в славянских литературах. – М., 1982. – С. 198–220.

Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. – М., 1977.

Древнерусская певческая культура и книжность. – Л., 1990.

Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. – С. 86–115.

Маркасова Е.В. К вопросу о соотношении древнерусской литературной традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1997. – Т. 59. – С. 144–148.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. – Прага, 1976.

Мончева Л.Н. О графической семантике стихотворений Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1989. – Т. 42. – С. 363–368.

Морозов А.А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века // Русская литература. – 1962. – № 3. – С. 3–38.

Морозов А.А. Симеон Полоцкий и проблемы восточно-славянского барокко // Барокко в славянских литературах. – М., 1982. – С. 170–190.

Николаев С.И. Первое издание «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого // Русская литература. – 1998. – № 2. – С. 197–199.

Никоненко В.С. Русская философия накануне петровских преобразований. – СПб., 1996.

Позднеев А.В. Лирические песни XVII в. // Русский фольклор. Т. 1. – М.; Л., 1956.

Развитие барокко и зарождение классицизма в России. – М., 1989.

Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. – М., 1982. – С. 7–45, 203–308.

Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. – Владимир, 1981. – С. 73–121.

Федотов О.И. Основы русского стихосложения. – М., 1997. – С. 52–175.

Филлипова И.С. Песни Самарина-Квашнина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1972. – Вып. 1.

Штокман М.П. Исследования в области русского народного стихосложения. – М., 1956.

ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

1. Причины и предпосылки возникновения древнерусской литературы. Особенности средневековой литературы, ее отличие от литературы нового времени.
2. Основные этапы развития русской литературы XI–XVII вв.
3. Переводные памятники древнехристианской книжности конца X – начала XI в. Жанр жития в переводной литературе конца X – начала XI в.
4. Переводная литература XI–XII вв.: жанровая специфика, традиции, общекультурное значение («Повесть об Акире Премудром», «Александрия», «Девгениево деяние»).
5. История создания «Повести временных лет», ее источники, понятие летописного свода. Структура и композиция «Повести временных лет».
6. Особенности стиля и жанра «Повести временных лет». Историко-литературное значение этого памятника.
7. Торжественное и учительное красноречие XI–XII вв. Идеино-художественные особенности «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона.
8. Художественное своеобразие «Поучения» Владимира Мономаха.
9. Возникновение русской житийной традиции: «Житие Феодосия Печерского». Способы драматизации конфликта.
10. Анонимное «Сказание о Борисе и Глебе». Выражение патриотических идей, особенности жанра, образная специфика.
11. Происхождение жанра «хождений». Апокрифические мотивы в произведении игумена Даниила.
12. История создания Киево-Печерского патерики, его основные редакции. Особенности показа человека в патерике.
13. Жанр торжественной проповеди в произведениях Кирилла Туровского. Смысл человеческой жизни, проблема соотношения в человеке духовного и телесного начал, природа человеческих чувств в «Повести о белоризце человеке и о монашестве» и в «Притче о человеческой душе и теле...» («Слово о слепце и хромце»).
14. История открытия «Слова о полку Игореве». Основные идеи «Слова о полку Игореве». Особенности композиции и ритмики памятника.
15. Образная система «Слова о полку Игореве». Различные типы образов, их этикетность и символизм. Особенности жанра «Слова о полку Игореве».
16. Способы выражения в «Слове о полку Игореве» авторского отношения к изображаемому. Связь «Слова о полку Игореве» с устным народным творчеством.
17. Особенности преподавания «Слова о полку Игореве» в средней школе. Характеристика 2–3 методических программ.

18. Жанровое своеобразие «Моления» Даниила Заточника. Стиль, средства художественной выразительности.

19. Художественные особенности «Повести о разорении Батыем Рязани»: идея, жанр, композиция, поэтика.

20. Образная система «Повести о разорении Батыем Рязани». Место повествования о Евпатии Коловрате в общем идейном содержании повести.

21. Общая характеристика древнерусской литературы XIII–XIV вв.: стили, жанры, книги, идеи и образы.

22. Художественное своеобразие «Слова о погибели русской земли» и «Жития Александра Невского». Жанровые и стилистические особенности памятника, синтез в нем элементов воинской повести, светской биографии и жития.

23. «Задонщина» – поэтическая повесть о Куликовской битве. Эмоциональный характер памятника, его своеобразие и сложность. «Задонщина» и «Слово о полку Игореве».

24. Особенности стиля воинского повествования в «Сказании о Мамаевом побоище». Его источники и редакции. Вопрос о времени создания памятника. Образ Дмитрия Донского в «Сказании». Единство устно-поэтических и книжно-риторических элементов стиля в «Сказании».

25. Композиция и стилистическое своеобразие «Слова о житии и о представлении великого князя Дмитрия Иоановича царя русского».

26. Экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV – начала XV в. «Житие Стефана Пермского» у Елифания Премудрого. Изменения в агиографическом жанре. Особенности стиля «плетения словес». «Житие Сергия Радонежского»: сюжет, герой, стиль. (Одно произведение на выбор студента.)

27. Исторические предпосылки возникновения теории «Москва – третий Рим», ее формирование и отражение в памятниках второй половины XV – начала XVI в. «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера.

28. Новгородская литература XV века. Фольклорная основа «Повести о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе». Беллетристические элементы в «Повести о новгородском посаднике Щиле».

29. Эволюция жанра хождения. Гуманизм и патриотизм «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

30. Жанровое своеобразие «Повести о Петре и Февронии». Лиризм и психологизм повести. Фольклорные образы и сюжетные мотивы.

31. Идея сильной царской власти и развитие стиля сказания в творчестве Ивана Пересветова. Публицистика Ивана Пересветова: «Челобитные», «Сказание о царе Константине и Магмете-салтане».

32. Развитие публицистики в XVI веке. Жанры, стили (произведения Максима Грека, митрополита Даниила, Ивана Пересветова).

33. Демократизм стиля произведений Ивана Грозного. Переписка А. Курбского с Иваном Грозным, ее историческое содержание и литературное значение.

34. Соотношение исторических фактов и вымышленных событий, углубление изображения человека в «Истории о Казанском царстве». Эволюция жанра исторической повести в XVII веке (от «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» к «Сказаниям о начале Москвы», «Повести об основании Тверского отрока монастыря»).

35. Обобщающие произведения XVI века («Великие Четьи-Минеи», общерусские летописные своды, «Степенная книга царского родословия», «Домострой»).

36. Военно-патриотическая тема в литературе XVII века. Повести «смутного времени». Особенности стиля «Повести об азовском осадном сидении».

37. Изменения в агиографическом жанре в XVII веке: «Житие Юлиании Лазаревской» Дружины Осорьина, «Житие протопопа Аввакума».

38. Демократическая сатира XVII века («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная», «Повесть о бражнике» и др.). Объекты осмеяния. Приемы создания комического

39. Бытовые повести XVII века («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», Повесть о Фроле Скобееве»). Жанровые признаки, сюжет, конфликты, характеры. Соотношение бытового начала и исторического материала. Функции фантастики.

40. Взаимодействие фольклора и литературы в «Повести о Горе-Злочастии». Стиль и ритмика.

41. «Житие протопопа Аввакума» как произведение старообрядческой литературы. Проблема жанра. Основные темы и образы. Отражение эпохи в основных ее конфликтах. Бытовые зарисовки. Особенности стиля. Литературное значение памятника.

42. Проблема барокко в русской литературе второй половины XVII века. Русское стихотворство XVII века. Особенности содержания и формы.

43. Драматургия XVII века. Характеристика репертуара. Драматургия Симеона Полоцкого.

44. Значение устного народного творчества для древнерусской литературы. Энциклопедии, справочные издания интернет-ресурсы по истории древнерусской литературы.

Критерии оценки знаний

Общие содержательные и структурные компоненты знаний по литературоведческим дисциплинам, учитываемые при оценивании ответа на экзамене:

1. Степень усвоения теоретического литературоведческого материала:
  - правильность формулировки основных понятий, умение объяснить термины;
  - знание и понимание основных закономерностей историко-литературного процесса.
2. Логичное, последовательное и аргументированное изложение вопроса.
3. Владение научным стилем изложения программного материала.
4. Умение иллюстрировать теоретические положения примерами из художественных произведений, цитирование поэтических текстов.
5. Знание минимума научной литературы по излагаемому вопросу.
6. Умение ответить на дополнительные уточняющие вопросы.

ОТЛИЧНО – свободная ориентация в материале, анализ в единстве содержания и формы, знание не только обязательной, но и дополнительной литературы, умение самостоятельно мыслить и делать выводы, логика в ответе, высокая культура речи, выразительное чтение наизусть поэтических текстов.

ХОРОШО – знание всего обязательного материала, умение самостоятельно мыслить и делать выводы, высокая культура речи, выразительное чтение наизусть поэтических текстов, отдельные недочеты в ответе.

УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО – знание основного курса, но при этом недостаточная глубина анализа или подмена анализа пересказом, отсутствие выводов, ошибки в речи, незнание поэтических текстов наизусть.

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО – слабая ориентация в материале, низкая культура речи, незнание поэтических текстов наизусть.

Требования к экзамену

1. Свободная ориентация в литературном материале, представление о его ведущих тенденциях.
2. Владение навыками анализа художественных текстов в единстве формы и содержания, использование в анализе литературоведческой терминологии.
3. Знание наизусть поэтических текстов и умение выразительно их прочитать.
4. При подготовке к экзамену требуется конспектирование научной литературы, рекомендуемой к основным темам. На экзамен нужно принести тетрадь для самостоятельной работы, где должны быть краткие конспекты основных источников, а также письменные задания к практическим занятиям.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ, РЕФЕРАТОВ И МЕДИАПРЕЗЕНТАЦИЙ

1. Древнерусская литература в контексте мировой литературы средневековья.
2. Основные тенденции развития древнерусской литературы.
3. Художественная специфика древней русской литературы.
4. Принципы открытия мира в древней русской литературе и литературе нового времени.
5. Специфика системы жанров древнерусской литературы.
6. Художественное видение человека в древнерусской литературе.
7. Особенности изображения человека в различных жанрах древнерусской литературы.
8. Эволюция изображения героя в литературе XI–XVII вв.
9. Этикет поведения положительных и отрицательных героев в древнерусской литературе.
10. Поэтика символов, метафор, сравнений в древнерусской литературе.
11. Евангельский текст в древней русской литературе и русской литературе нового времени.
12. Взаимоотношения древнеславянских литератур и характер их связей с литературой Византии.
13. Характер и типы древнерусских рукописей.
14. Характер соотношения литературы и изобразительного искусства в Древней Руси.
15. Древнерусская литература и русская книжная миниатюра средних веков.
16. Древнерусская литература и русская иконопись средних веков.
17. Понятие «автор» применительно к древнерусской литературе и литературе нового времени.
18. Теория стилей древнерусского искусства в трудах академика Д.С. Лихачева.
19. Религиозно-символический способ изображения действительности в древнерусской литературе.
20. Человек и мир природы в древнерусской литературе.
21. Эволюция изображения природы в древнерусской агиографии.
22. «Повесть временных лет»: проблема взаимодействия литературы и устного народного творчества.
23. Типы героев «Повести временных лет» и принципы их изображения.
24. Мотивы и образы «Повести временных лет» в русской литературе XVIII–XIX веков (Ф. Прокопович, Я.Б. Княжнин, Екатерина II, К.Ф. Рылеев, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин).

25. Поэтика художественного времени в летописях.
26. Сказание Галицко-Волынской летописи о половецких ханах Сырчане и Отроке и стихотворение А.Н. Майкова «Емшан».
27. Историческая концепция в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского.
28. Poleмика о времени создания «Слова о Законе и Благодати» Илариона Киевского в современной науке (концепции В.В. Кожина, М.А. Робинсона, Л.И. Сазоновой).
29. Характер и функции заимствований из Псалтири (псалмы 40–42, 66, 101–103), первого Соборного послания Иоанна Богослова и «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского в «Поучении» Владимира Мономаха.
30. Взаимодействие традиций эллинистических традиций и христианских жанров деяний, житий, мучеников.
31. Национальное своеобразие агиографии Древней Руси.
32. Роль агиографии в нравственно-эстетическом воспитании древнерусского человека.
33. Своеобразие оппозиции «эрос – филео – агапе» в древнерусской агиографической литературе.
34. Расхождение свидетельств древнерусских и средневековых скандинавских литературных источников об убийстве Бориса и Глеба.
35. Литературная история Киево-Печерского патерика.
36. Генетическая связь между древнерусским житием и русским романом XIX века.
37. Агиографическая традиция в творчестве русских писателей XVIII века.
38. Традиции агиографической литературы в творчестве Ф.М. Достоевского.
39. Традиции агиографической литературы в творчестве Н.С. Лескова.
40. Традиции древнерусской литературы в творчестве Л.Н. Толстого.
41. «Обращение грешника» в агиографической традиции и «нравственный переворот» в русской литературе нового времени.
42. «Праведница» Матрена А.И. Солженицына («Матренин двор») и святые подвижники Древней Руси.
43. Житийный план повествования в современной русской новеллистике (анализ одного произведения или творчества одного автора по выбору).
44. Образ женщины в древнерусской литературе.
45. «Слово о погибели русской земли» и «Житие Александра Невского» (проблема взаимосвязи).
46. Жанровое своеобразие и особенности стиля «Моления» Даниила Заточника.
47. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и основные пути ее решения.
48. «Слово о полку Игореве» и искусство его времени.

49. Художественный конфликт в «Слове о полку Игореве»: от истории Руси к истории отдельной личности.
50. Христианские и языческие элементы в «Слове о полку Игореве».
51. Проблема определения авторства «Слова о полку Игореве».
52. Русские и белорусские поэтические переложения «Слова о полку Игореве».
53. «Слово о полку Игореве» в поэзии, в музыке, в живописи.
54. Героическая тема в русской литературе XIII века.
55. Особенности отображения исторических событий в летописной повести о Шевкале и исторических песнях о Щелкане.
56. Индия в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, «Слове о рахманах», «Послании новгородского архиепископа Василия Калики тверскому епископу Федору», «Александрии», «Сказании об Индийском царстве».
57. Мотивы «Повести о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим» в произведениях А.С. Пушкина (поэма «Монах») и Н.В. Гоголя («Ночь перед Рождеством»).
58. Орнаментальность стиля «плетения словес».
59. Жития Епифания Премудрого и иконописные произведения Феофана Грека.
60. Образ «мудрой девы» в фольклоре, летописных сказаниях о княгине Ольге и в «Повести о Петре и Февронии Муромских»
61. «Повесть о Петре и Февронии» и «Тристан и Изольда» (сравнительно-типологический анализ).
62. Творческое наследие Максима Грека.
63. Образ «мудрой девы» в фольклоре, в летописном цикле сказаний о княгине Ольге, в «Повести о Петре и Февронии».
64. Еретики и ортодоксы в литературном процессе Руси и Беларуси XVI–XVII веков.
65. Значение деятельности «литературной академии» митрополита Макария в истории русской словесности.
66. Жанровая специфика переводной литературы XVII века.
67. Идеино–художественное своеобразие «Летописной книги» приписываемой И.М. Котыреву-Ростовскому.
68. Столкновение новых идей с традиционным средневековым мышлением в повестях XVII века.
69. «Родовые муки» эмансипации личности в русской литературе XVII века.
70. Сюжет «договор человека с дьяволом» в русской и европейской литературной традиции.
71. «Повесть о Горе-Злочасти» и народная песня о горе («Жил был у бабушки, у матушки единый сын»).
72. Черты «романного» стиля в повестях XVII века.

73. Черты романного жанра в «Житии протопопа Аввакума».
74. Сравнительная характеристика эстетических концепций Иосифа Владимировича и протопопа Аввакума.
75. Песни Самарина-Квашнина.
76. Гражданские мотивы и моральные проблемы в русском стихотворстве XVII века.
77. Общественно-литературная деятельность продолжателей и учеников Симеона Полоцкого.
78. Причины позднего появления стихотворства на Руси (гипотезы Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.М. Панченко).
79. Древнерусская литература как пролог к творческим исканиям и достижениям русской литературы нового времени.
80. Творческие связи древнерусской литературы и литературы нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

К темам 1–13, 17–19, 25, 58: Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. – Л., 1974; Адрианова-Перетц В.П. Об основах художественного метода древнерусской литературы // Русская литература. – 1958. – № 4; Азбелев С.Н. О художественном методе древней русской литературы // Русская литература. – 1958. – № 1; Азбелев С.Н., Дмитриев Л.А., Митрафанова В.В. Древнерусская литература и фольклор // Русская литература и фольклор. – Л., 1970. – С. 20–86; Бычков В.В. Русская средневековая эстетика (XI–XVII вв.). – М., 1992; Гудзий Н.К. Литература Киевской Руси. – Киев, 1989; Гусев В.Е. О фольклоризме русской литературы XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1969. – Т. 24. – 280–283; Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. – М., 1993; Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. – М., 1998; Древнерусская литература: Изображение природы и человека. – М., 1995; Зеeman К.Д. К вопросу о иерархии жанров в древнерусской литературе // Исследования по древней и новой литературе. – Л., 1987. – С. 95–101; Еремин И.П. О художественной специфике древней русской литературы // Русская литература. – 1958. – № 1; Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. – Л., 1987; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970; История жанров в русской литературе. – Л., 1972; Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. – М., 1976; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979; Лихачев Д.С. Развитие русской литературы XI–XVII вв. – Л., 1973; Лихачев Д.С. Художественные особенности русской средневековой литературы // Чтения по

древнерусской литературе. – Ереван, 1980. – С. 5–19; Кочетков И.А. Категория времени в житии и житийной иконе // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. – М., 1978. – С. 227–237; Кусков В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник МГУ. Сер 9. Филология. – 1981. – № 1. – С. 3–12; Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие Древней Руси и современность. – Л., 1971; Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. II: Ученые записки Тартуского университета. – Тарту, 1965. – Вып. 181. – С. 210–216; Мелихов М.В. К вопросу об общественном и литературном «этикете» Древней Руси // Стиль писателя и культура эпохи. – Савтывкар, 1984. – С. 4–14; Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. – М., 1976; Проблема жанра в литературе средневековья. – М., 1994; Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. – Вып.1 – М., 1975. – С. 5–39; Робинсон А.Н. О преобразовании традиционных жанров как факторе восточноевропейского литературного процесса в переходный период (XVI–XVIII вв.) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – М., 1969. – Т. 28. – Вып. 5. – С. 408–414; Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья (XI–XIII вв.). – М., 1980; Русская литература и фольклор XI–XVIII вв. – Л., 1970; Человек и история в средневековой мысли русского, украинского и белорусского народов. – Киев, 1987; Шайкин А.А. Эпические герои и персонажи в «Повести временных лет» и способы их изображения // Русская литература. 1986. – № 3. – С. 89–108; Шайкин А.А. Функции времени в «Повести временных лет» // Эволюция художественных форм и творчество писателя. – Алма-Ата, 1989. – С. 3–14.

К темам 14–16: Алпатов М.В. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII века. – М., 1955; Бегунов Ю.К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995. – С. 172–176; Белоброва О.А. Художественные особенности древнерусской живописи // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 149–159; Белоброва О.А. Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV в. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. – С. 25–32; Бычков В.В. Эстетическое сознание Древней Руси. – М., 1988; Вздорнов Г.И. Искусство книги Древней Руси. – М., 1980; Древнерусская монументальная живопись. – М.; Л., 1964; Древнерусское искусство. – СПб., 1997; Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. – М., 1974; Клаутова О.Ю. Жест в древнерусской литературе и иконописи XI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1993. – Т. 46. – С. 256–269; Косцова Л.С. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа: Иконопись, книжная миниатюра,

орнаментика. – СПб., 1992; Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. – М., 1970; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979; Свирин А. Искусство книги Древней Руси. – М., 1964; Сидоров А.А. История оформления русской книги. – М., 1964; Смирнова Э.С., Лихачев Д.С. Культура Древней Руси. – Л., 1967; Творогов О.В. О взаимодействии литературы и живописи в Древней Руси // Русская литература. – 1981. – № 4. – С. 95–106; Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. – М., 1968. – С. 226–234, 255–276; Чернецов А.В. Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1990. – Т. 44. – С. 422–431.

К темам 20, 21: Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история России. – М.; Л., 1966. – С. 68–71; Волкова Т.Ф. Принципы и формы изображения природы в древнерусской литературе // Тема природы в русской литературе. – Сыктывкар, 1995; Грихин В.А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV–XV вв. – М., 1973. – С. 35–56; Демин А.С. Наблюдения над пейзажем в «Житии протопопа Аввакума» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1966. – Т. 22. – С. 402–406; Демин А.С. К вопросу о пейзаже в «Слове о полку Игореве» // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. – С. 143–147; Древнерусская литература: Изображение природы и человека. – М., 1995; Ключевский О.В. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988. – С. 98–110; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – С. 167–169; Прокофьев Н.И. К литературной эволюции весеннего пейзажа (Кирилл Туровский, И.М. Катырев-Ростовский и В.К. Тредиаковский) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). – М., 1976. – С. 231–242; Прокофьев Н.И. Функции пейзажа в русской литературе XI – XV веков // Литература Древней Руси. – М., 1981. – С. 3–18; Ранчин А.М. Оппозиция «природа – культура» в историософии «Повести временных лет» // Натура и культура. – 1997. – С. 180–190; Трофимова Н.В. Об особенностях и роли пейзажа в «Истории о царстве Казанском» // Литература Древней Руси. – М., 1983. – Вып. 4. – С. 65–74.

К темам 22–24, 26: Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 20–38; Еремин И.П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. – М.; Л., 1966. – С. 28–97; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. С. 31–66; Кожин В.В. История Руси и русского слова: современный взгляд. – М., 1997. – С. 8–359; Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. – 1973. – № 8; Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – С. 22–61; Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1972. – Т. 27. – С. 227–236; Насонов А.Н. История русского летописания XI–

XIII вв. – М., 1969; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963. – С. 157–219; Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. – СПб., 1994; Шайкин А.А. Эпические герои и персонажи в «Повести временных лет» и способы их изображения // Русская литература. – 1986. – № 3. – С. 89–104.

К темам 27, 28: Горский В.С. Образ истории в памятниках общественной мысли Киевской Руси // Историко-философский ежегодник. – М., 1987; Кожин В.В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Вопросы литературы. – 1988. – № 12. – С. 130–151; Кожин В.В. Размышления о русской литературе. – М., 1991. – С. 96–125; Робинсон М., Сазонова Л. Мнимая и реальная историческая действительность // Вопросы литературы. – 1988. – № 12. – С. 151–176; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 198–204.

К теме 29: Демкова Н.С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1963. – Т. 19; Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – С. 137–140; Николаева С.Ю. История древнерусской литературы. – Тверь, 1998. – С. 13–15; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 98–102; Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского как памятник средневекового философствования. – М., 1991.

К теме 30: Адрианова-Перетц В.П. Из истории переводной литературы Киевской Руси // Историко-литературные исследования. – М., 1967. – С. 226–227; 2) Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. – С. 70–88; Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 266–267; Силантьев И.В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой литературе. – Новосибирск, 1996. – С. 10–30; Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. – Л., 1936. – С. 273–274, 278–281.

К темам 31, 32, 35, 37–43, 79, 80: Адрианова-Перетц В.П. О связи между древним и новыми периодами в истории славянских литератур // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1963. – Т. 19. – С. 427–447; Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха. – СПб., 1995. – С. 163–171; Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 159–178; Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – Л., 1978; Ветловская В.Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев

Карамазовых» // Достоевский и русские писатели. – М., 1971. – С. 325–354; Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». – Л., 1977; Власкин А.П. Народная религиозная культура в творчестве Ф.М. Достоевского // Христианство и русская литература. – СПб., 1996. – С. 220–290; Демин А.С. Малая художественная форма как проблема исторической поэтики (на материале древнерусской литературы) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М., 1986. – С. 210–228; Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. – М., 1990; Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1971. – Т. 26; Древнерусская и классическая литературы в свете исторической поэтики и критики. – Махачкала, 1988; Иванов П. Тайна святых. – М., 1993; Культурное наследие Древней Руси. – М., 1976; Куприянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. – Л., 1966. – С. 237–249, 272–288; Лихачев Д.С. Древнерусская литература и современность // Русская литература. – 1978. – № 4. – С. 25–31; Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. – Л., 1985; Лихачев Д.С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы // Лихачев Д.С. Избр. раб.: в 3 т. – М., 1987. – Т. 3. – С. 298–321; Лихачева В.Д., Лихачев Д.С. Художественное наследие древней Руси и современность. – Л., 1971; Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994. – С. 4–247; Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971; Лосский Н.О. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980; Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980; Моисеева С.В. Об использовании житийного источника Н.М. Карамзиным // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997. – С. 246–256; Николаева Е.В. О некоторых источниках «исповеди» Л. Толстого // Литература Древней Руси. – М., 1983. – Вып. 4. – С. 118–132; Новикова Т.Л. Агиографические мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997. – С. 328–336; Пауткин А.А. В поисках сокровенного: древняя книжность и иконопись в рассказе Н.С. Лескова «Сошествие в ад» // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997. – С. 224–228; Сендерович С. Чехов – с глазу на глаз: История одной одержимости. – СПб., 1994; Смирнов И.П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. – Л., 1979. – С. 217–200; Топоров В.П. Святость и святые в русской духовной культуре. – М., 1998; Федотов Г.П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – Т. 1. – С. 302–319; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). – М., 1986; Чередниченко М.И. Древнерусские источники повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1977. – Т. 32. – С. 361–368; см. также список литературы к занятиям № 2, 3, 9, 10, 11.

К теме 33: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. – М., 1996. – С. 92–96; Колесов В.А. Любы и любовь // Исследования по древней и новой литературе. – Л., 1987. – С. 266–272;

К теме 34: Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М., 1971. – С. 129–131; Ильин Н.Л. Летописная статья 6523 года и ее источники. – М., 1957. – С. 140–169; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. – С. 414; Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. – Мн., 1990; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. – М., 1986. – С. 25–34.

К темам 36, 72, 73: Адрианова-Перетц В.П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. – Л., 1970. – С. 67–107; Дмитриев Л.А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV вв. // Истоки русской беллетристики. – Л., 1970. – С. 208–262; Кожин В.В. Происхождение романа. – М., 1963. – С. 252, 262–272; Косиков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Проблема жанра в литературе средневековья. – М., 1994; Лихачев Д.С. Великий путь. – М., 1987. – С. 95–122; 2) Исследования по древнерусской литературе. – М., 1986. – С. 96–112; Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Вопросы типологии // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 250–265; Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М., 1986. – С. 25–52; Николаева Е.В. Некоторые черты древнерусской литературы в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Литература Древней Руси. – М., 178. – Вып. 2. – С. 96–113; Панченко А.М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. – Ереван, 1980. – С. 125–148; Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. – М., 1963; Силантьев И.В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. – Новосибирск, 1996. – С. 67–76; Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1972. – Т. 27. – С. 284–320; Травников С.Н. Традиции агиографической литературы в повестях А.П. Радищева // Литература Древней Руси. – М., 1978. – Вып. 2. – С. 74–83; Чиркин А. От «исповеди» Аввакума к «Исповеди» Л. Толстого // Русь многоликая. – М., 1990.

К теме 44: Буслаев Ф.И. Идеальные женские образы в литературе Древней Руси // Древнерусская литература в исследованиях: Хрестоматия. – М., 1986. – С. 254–283; Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. – М.,

1993; Пушкарев Н.А. Женщины Древней Руси. – М., 1989; Секс и эротика в русской традиционной культуре. – М., 1997.

К теме 45: Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». – М.; Л., 1965; Горский А.А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1990. – Т. 43. – С. 18–38; Ужанков А.Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли»: К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Житию Александра Невского» // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1998. – С. 113–126.

К теме 46: Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). – М., 1960. – С. 269–290; Воронин Н.Н. Даниил Заточник // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. – М., 1967. – С. 54–101; Иссермен Е.М. «Моление» Даниила Заточника и «Слово о полку Игореве» // Филологические науки. – 1973. – № 4. – С. 95–103; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984. – С. 20–25; Монахова Н.П. Идеологическая основа противопоставления «мудрости» и «храбрости» в «Молении Даниила Заточника» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1981. – № 2. – С. 22–31; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 112–115.

К темам 47–50, 52, 53: Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. – М.; Л., 1950; Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. – Л., 1968; Вопросы литературы. – 1967. – № 3 (статья А.А. Зимина и ответ В. Кузминой, Б.А. Рыбакова, Ф.П. Филина); Демкова Н.С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. – Ереван, 1980. – С. 58–107; Дмитриев Л.А. «Слово о полку Игореве» // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). – Л., 1970. – С. 36–54; Замалеев А.Ф., Зоц А.А. Мыслители Киевской Руси. – Киев, 1987. – С. 95–106; Исследования и материалы по древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве». – М., 1978; Исследования «Слова о полку Игореве». – Л., 1986; Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1985 (здесь же – библиография работ Д.С. Лихачева по «Слову»); Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX века // «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. – М.; Л., 1962. – С. 330–405; Мильков В.В., Макаков А.И. «Слово о полку Игореве» – памятник синкретической культуры переходного периода // Древняя Русь: пересечение традиций. – М., 1996. – С. 85–135; Николаева Т.М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. – М., 1997; Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI – XIII вв. – М., 1980. – С. 219—

241, 314–335; Романичева Е.С. «Слово о полку Игореве» в ранней лирике И.А. Бунина // Литература Древней Руси. – М., 1983. – Вып. 4. – С. 132–139; Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; «Слово о полку Игореве» и его время. – М., 1985; «Слово о полку Игореве»: 800 лет. Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации. – М., 1986; «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. – М., 1988; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 16–32, 435–437; Сумароков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». – М., 1983; Федотов Г.П. Слово о полку Игореве // Русская литература. – 1993. – № 1. – С. 117–132; Ходасевич В.Ф. Слово о полку Игореве // Русская литература. – 1989. – № 1. – С. 100–102; см. также список литературы к занятиям № 7, 8.

К теме 51: Буйначев В.П. Новое прочтение «Слова о полку Игореве»: автор известен. – М., 1997; Дмитриев Л.А. Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 16–32; Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1971. – С. 5–6, 393–410, 499–512; 2) Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». – М., 1991; Хламов С.Ю., Возилов В.В. Проблема авторства «Слова о полку Игореве» и образованный слой Древней Руси конца XII – начала XIII веков // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. – Иваново, 1998. – С. 387–389; Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово»? // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 77–92.

К теме 54: Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». – М.; Л., 1965. – С. 84–134; Дмитриев Л.А. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 – конец XIII века. Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV века // История русской литературы: в 4 т. – Л., 1980. – Т. 1. – С. 107–109, 115–125, 135–138; Кузьмин А.И. Героическая тема в русской литературе. – М., 1974; Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – С. 221–239; Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. – М.; Л., 1945; Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. – М., 1990. – № 1.

К теме 55: Азбелев С.Н. Летописный факт и ранняя историческая песня («Щелкан Дудентьевич») // Исследования по древней и новой литературе. – Л., 1987. – С. 18–22; Повесть о Шевкале // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. М., 1981. – С. 62–65; Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. – М.; Л., 1965. – С. 116–131; Щелкан // Народные исторические песни. – М.; Л., 1962. – С. 72–78.

К теме 56: Андрианова-Перетц В.П. Афанасий Никитин – путешественник-писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина. – М.; Л., 1958. – С. 107–130; Вигасин А.А. Представления об Индии в Древней Руси // Индия. 1981–1982. Ежегодник. – М., 1983. – С. 274–288; Водовозов Н.В. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. – М., 1955; Водовозов Н.В. Былина Кирши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1958. – Т. 14. – С. 212–216; Водовозов Н.В. Русские писатели об Индии // Вопросы русской литературы. – М., 1959. – Т. ХСVIII. – С. 361–385; Демин А.С. «Языцы»: Неславянские народы в русской литературе XI–XVIII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. – М., 1991. – С. 190–204; Ленхофф Г.Д. Мартин Дж. Б. Торгово-хозяйственный, культурный контекст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1993. – Т. 47. – С. 95–120; Лурье Я.С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV века // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. – Л., 1966. – С. 145–168; Россия и Индия. – М., 1986; Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. – М., 1980; Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 349–352, 410–411; Стеблин-Каменский И.М. Кому молился и что пил Афанасий Никитин в Индии // Русская литература. – 1995. – № 3. – С. 86–93; Трубецкой Н.С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика. – М., 1983. – С. 437–461; «Хождение за три моря Афанасия Никитина». – Л., 1986; Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.). – М., 1988.

К теме 59: Алпатов М. В. Искусство Феофана Грека и учение исихастов // Византийский временник. – Т. 33. – М., 1972; Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М., 1993. – С. 215–217; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970; Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. – М.; Л., 1962; Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Изборник. – М., 1969.

К теме 60, 61: Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии и фольклорные рассказы о крестьянке Февронии // Повесть о Петре и Февронии. – Л., 1979. – С. 95–118; Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – С. 253–258; Росовецкий С.К. К изучению фольклорных источников Повести о Петре и Февронии // Вопросы русской литературы. – Львов, 1973. – Вып. 1 (21). – С. 83–87; Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1949. – Т. 7. – С. 131–167; Шайкин А.А. Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. – М., 1987. – С. 20–36.

К теме 62: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. – Л., 1984. – С. 117–123; Бушкевич П. Максим Грек – поэт-«гиперборец» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1993. – Т. 47. – С. 215–229; Громов М.Н. Максим Грек. – М., 1983; Замалеев А.Ф. Наука и философия в мировоззрении Максима Грека // Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. – Л., 1987. – С. 222–225; Клибанов А.И. «Московская академия» Максима Грека и споры о «самовластии» человека // Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. – М. 1996. – С. 165–187; Куприянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. – М., 1976. – С. 80–82; Синицына Н.В. Максим Грек в России. – М., 1977; Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси. XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. – Новосибирск, 1991. – С. 184–216; Ученова В.В. От вековых корней. – М., 1985. – С. 58–67.

К теме 64: Дмитриев М.В. Православие и Реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. – М., 1990; Замалеев А.Ф. Идеология древнерусских ересей // Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987. – С. 184–203; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. – М.; Л., 1955; Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. – М., 1991. – С. 489–505; Клибанов А.И. Реформационные движения в России XIV – первой половине XVI вв. – М., 1960; Мильков В.В. Отвергнутая традиция: учение еретиков-«жидовствующих» // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. – С. 420–448; Панченко А.М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. – Ереван, 1980. – С. 125–148; Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Вторая половина XVI – начало XVII в. – Мн., 1970; Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1972. – Т. 27. – С. 329–269; Рыбаков Б.А. Антицерковное движение стригольников // Вопросы истории. – 1975. – № 3. – С. 155–160; Туриков А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. 40. – С. 260–344; Туриков А.А., Чернецов А.В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI веков. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 407–429; Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: Дооктябрьский период. – Мн., 1987; Хоулетт Я.Р. Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. – Л., 1993. – Т. 46. – 53–74.

К теме 66: Державина О.А. Фацеции. – М.; Л., 1962; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. – С. 479–491, 500–513, 539–551; История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. –

СПб., 1995. – Т. 1.: Проза; Кузмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. – М.; Л., 1964; Николаев С.И. Из истории польской сатирической литературы в России // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1992. – Т. 45. – С. 305–314; Тарковский Р.Б. Старший русский перевод басен Эзопа и перепсчики его текста. – Л., 1975; Чиккарини М. Западные источники русско-польских фацетий XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1989. – С. 174–187.

К теме 67: Серова И.Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1989. – С. 107–114; 2) История текста «летописной книги» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1990. – Т. 44. – С. 269–283.

К теме 68, 69: Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 1970; Меркелова Л.Г. «Повесть о Горе-Злочастии» в работах дореволюционных и советских литературоведов // Литература Древней Руси. – М., 1983. – С. 100–106; Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. – М., 1974.

К теме 70: Багно В.Е. Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и в европейской литературной традиции // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. 40. – С. 364–372; Горелкина О.Д. Русские повести конца XVII – начала XVIII века о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания период феодализма. – Новосибирск, 1986. – С. 41–54; Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. – Новосибирск, 1996.

К теме 74: Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. – М., 1992; Дмитриев Ю.Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1953. – Т. 9. – С. 97–116; Овчинникова Е.С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве «Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу» // Древнерусское искусство: XVII век. – М., 1964. – С. 9–61; Робинсон А.Н. Идеология и внешность (взгляды Аввакума на изобразительное искусство) // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1966. – Т. 22. – С. 353–381; Салтыков А.А. Эстетические взгляды Иосифа Владимирова (по «Посланию к Симону Ушакову») // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1974. – Т. 28. – С. 271–288.

К теме 75: Телешова Н.К. Первый русский лирический поэт П.А. Квашнин–Самарин // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1993. – Т. 47. – С. 293–308; Филиппова И.С. Песни Самарина-Квашнина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Вып. 1. – 1972.

К теме 77: Лавров А.С. «Летописец» Кариона Истомина // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1992. – Т. 45. – С. 411–414; Панченко А.М. Два этапа русского барокко // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1977. – Т. 32. – С. 100–107; Панченко А.М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. – Ереван, 1980. – С. 125–148;

К теме 78: см. список литературы к практическому занятию № 8.

Учебное издание

И. А. Голованов

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XI – XVII вв.**

Подписано в печать 12.11.24
Формат 60x84 1/16
Усл.-печ. л. 9,25. Уч.-изд. л. 7,5
Тираж 500 экз. Заказ 1098

Издательство Челябинского государственного
университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

Отпечатано в типографии Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69